

Пермской Городской Общественной
Библиотеки в даръ

Н. А. Бояршиновъ.

133 Копир 4/11 1916

БИБЛИОТЕКА

23 НОЯ 1915

№ 16.058

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Учебникъ географіи
съ приложеніемъ хрестоматіи и 2 картъ.

Изданіе 2-е, дополненное.

СОДЕРЖАНІЕ:

Границы и пространство Перм. губ.
Поверхность.
Почва.
Орошеніе.
Климатъ.
Растительный міръ.
Животный міръ.
Народонаселеніе.
Племенной и религіозный составъ
населенія.
Важнѣйшіе промыслы.
Желѣзные дороги.
Административное раздѣленіе губ.
Обозрѣніе уѣздовъ.
Города и замѣчательныя мѣста.

«Ураль», стих. Б. Гадмеръ.
Краткій историческій очеркъ Перм-
скаго края.
Кустарные промыслы въ Перм. губ.
Обработка желѣзной руды.
На золотыхъ приискахъ.
Пермики.
Вогулы.
У вогуловъ.
Башкиры.
Черезъ Уральскія горы.
Чердынецъ и его промыслы.
По р. Чусовой.
Невьянская башня.
Семь братьевъ.

Цѣна 40 коп.

Ученымъ Комит. М. Н. П. допущенъ въ 1-е изд. къ классн. упо-
требленію въ низш. учил. Перм. губ. 15 ноября 1910 г. за № 31812.

Ученымъ Комит. М. Н. П. 2-е изд. допущено къ классному
употребленію въ низш. учил. Пермской губернии.

ПЕРМЬ.

Электро-Типографія Губернскаго Земства.
1913.

26. 11. 86
174

Пермский музей

Материалами и пособиями при составлении настоящаго учебника послужили слѣдующія изданія: 1) Приложенія къ „Адресъ-Календарю“ Пермской губ. за разные годы, 2) „Словарь Пермской губ.“ Н. К. Чурина, 3) „Путеводитель по Уралу“ Весновскаго, 4) „Описаніе Пермской губ.“ Мозеля, 5) Географическій очеркъ Пермской губ.“ Кривошекова, 6) „По Уралу“ Мамина-Сибиряка, 7) „Иллюстрированный путеводитель по р. Камѣ и р. Вишерѣ съ Колвой“, изд. типогр. Пермск. губ. правленія, 8) „Горные заводы Урала“ проф. Озерова, 9) „Климатъ Перми и Прикамья“ Ф. Н. Панаева, 10) „Горнозаводскій Уралъ“ проф. Митинскаго, 11) „Уралъ и его богатства“ Варботъ де-Марии, 12) „Описаніе Пермской губ. въ почвенномъ отношеніи“ Рязоподженскаго, 13) „Краткій очеркъ кустарныхъ промысловъ Пермской губ.“,—издан. Пермскаго губ. земства, 14) „Уралъ“ Березина, 15) „Климатъ и растительность Пермской губ.“,—изд. Пермскаго губ. земства, и нѣкот. др.

9147

914 Б - 869 - П

914.7

Б - 869 - П.

Пермская губернія.

Общее описаніе губерніи.

I. Физическое описаніе.

Границы и пространство губерніи. Пермская губернія расположена по обѣмъ сторонамъ Уральскихъ горъ. На западѣ она прилегаеть къ Вятской губерніи, на сѣверѣ и западѣ — къ Вологодской, на востокѣ граничить съ Тобольской губерніей, а на югѣ — съ Оренбургской и Уфимской.

Съ сѣвера на югъ губернія простирается почти на 700 верстѣ, а съ востока на западъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ на 600 слиш-комъ верстѣ. Все пространство, занятое ею, равно 291.760 кв. в.

Поверхность. Съ сѣвера на югъ по Пермской губерніи проходятъ Уральскія горы, которыя раздѣляютъ ее на двѣ, почти равныя, части: восточную и западную. Горы въ предѣлахъ губерніи имѣють въ длину свыше 600 верстѣ, ширина же ихъ измѣняется отъ 80 до 150 верстѣ. Сѣверная часть хребта, лежащая на границѣ Верхотурскаго и Чердынскаго уѣздовъ, самая высокая. Въ срединѣ Уралъ значительно понижается и дѣлается шире, а около южныхъ границъ губерніи горы вновь повышаются. Мѣстами среди горъ поднимаются отдѣльныя вершины. Изъ нихъ замѣчательны по высотѣ: Денежкинъ камень (5027 фут.) и Косвинскій (5803 фут.) въ сѣверномъ Уралѣ. Въ среднемъ Уралѣ вершины извѣстны не столько высотой, сколько богатствомъ рудъ: такъ, горы Благодать и Высокая почти сплошь состоятъ изъ желѣзной руды, называемой магнитнымъ желѣзнякомъ. Къ востоку

Уральскія горы спускаются круто и быстро исчезаютъ. Поэтому вся мѣстность къ востоку отъ горъ имѣетъ видъ равнины, которая захватываетъ Ирбитскій, Камышловскій, Шадринскій уѣзды и часть Екатеринбургскаго. На западъ горы понижаются постепенно; оттого мѣстность здѣсь имѣетъ волнообразный характеръ.

Почва. Почва Пермской губерніи разнообразна. Полоса горъ, шириною отъ 80 до 150 верстъ, имѣетъ почву каменистую, песчаную и хрящевато-галечную. Среди горъ и ихъ отроговъ часто встрѣчаются обширныя болота. Нѣкоторыя изъ нихъ обсохли и представляютъ слой торфа, который не пригоденъ для хлѣбопашества, но можетъ служить топливомъ. Къ западу отъ горъ преобладаетъ суглинистая и подзолистая почва, которая по направленію къ юго-западу постепенно переходитъ въ черноземную.

Во всѣхъ уѣздахъ, расположенныхъ на равнинѣ, то есть къ востоку отъ горъ, преобладаютъ виды черноземныхъ почвъ, кромѣ сѣверной части Ирбитскаго уѣзда, гдѣ она подзолисто-суглинистая и песчано-глинистая.

Орошеніе. Пермская губернія богата водой: на востокъ и западъ съ горъ стекаетъ множество рѣкъ и рѣчекъ; кромѣ того, она имѣетъ много озеръ и огромныхъ болотъ. Воды распределяются по пространству губерніи довольно равномерно, и поэтому въ ней нѣтъ мѣстъ, страдающихъ отъ безводія.

Рѣки, берущія начало въ горахъ, въ верховьяхъ своихъ быстры и порожисты. Выйдя на равнину, эти же рѣки текутъ плавно, тихо. Во время весенняго разлива онѣ затопаютъ низкіе берега, осаждаютъ иль и, пропитывая землю влагой, дѣлаютъ ее плодородной. На такихъ мѣстахъ обыкновенно бываютъ обильные урожаи травъ. Множество маленькихъ рѣчекъ, перехваченныхъ плотинами, образовали пруды. Этой водой приводятся въ движеніе мельничныя колеса, разныя заводскія и фабричныя машины. Въ сѣверной, лѣсной, части губерніи (Чердынскій и Верхотурскій уѣзды), гдѣ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ, зимой и лѣтомъ рѣки являются единственными путями сообщенія.

Всѣ рѣки и озера губерніи богаты рыбой, которая мѣстами ловится въ такомъ большомъ количествѣ, что рыболовство является

очень выгоднымъ занятіемъ жителей. Въ числѣ рѣкъ Пермской губерніи есть и судоходныя.

Главная рѣка губерніи — Кама. Она беретъ начало въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, около деревни Карпушиной. Окрестности рожденія Камы представляютъ собою самую обыкновенную сѣверную картину: пологіе, невысокіе глинистые холмы съ рѣдкими перелѣсками, разбросанными между полями. Вотяки зовутъ ее Буджимъ-Камъ, т. е. великая рѣка. Съ тихимъ журчаньемъ бьетъ источникъ Камы четырьмя ключами изъ небольшого возвышенія. Вода ключей проведена въ яму со срубомъ. Отсюда Кама течетъ въ видѣ ручья и обогащается водой впадающихъ въ нее многочисленныхъ ключей. Черезъ полторы версты отъ истока она уже принимаетъ видъ рѣчки. Далѣе въ нее впадаютъ новые ручьи и рѣчки, благодаря чему Кама въ 40 верстахъ отъ начала можетъ уже поднимать значительныя суда. Отъ истоковъ она течетъ сначала къ сѣверу, потомъ круто поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, но, встрѣтивъ горы, беретъ направленіе къ юго-западу. Сдѣлавъ по Пермской губерніи огромную дугу въ 900 верстъ, Кама снова подходит къ Вятской губерніи, затѣмъ течетъ по Казанской и впадаетъ въ Волгу. Вся длина ея равна 1764 верстамъ. Въ Каму впадаютъ съ правой стороны въ предѣлахъ нашей губерніи слѣдующія рѣки: Коса, Пожва, Иньва, Обва, Очерь; съ лѣвой — Лунья, Кельтма, Вишера съ Колвой, Усолка, Яйва, Косьва, Чусовая съ Сылвой и Буй. Кромѣ того, за предѣлами губерніи въ Каму впадаетъ Бѣлая, притокъ которой — Уфа протекаетъ по Красноуфимскому уѣзду.)

Масса воды, вливаемой въ Каму ея притоками, дѣлаетъ ее судоходной рѣкой отъ устья Вишеры. Ниже впаденія Чусовой Кама уже имѣетъ въ ширину болѣе версты, а глубина ея здѣсь доходитъ до $5\frac{1}{2}$ сажень. При устьѣ она не уступаетъ величиной и полноводіемъ Волгѣ.

Со второй половины апрѣля до половины октября внизъ и вверхъ по Камѣ движутся пароходы съ товарами и пассажирами. Внизъ по рѣкѣ несутся теченіемъ огромные плоты строевого лѣса и дровъ, а также барки съ произведеніями Уральскихъ горныхъ заводовъ. Рѣка даетъ заработки тысячамъ народа.

Главнымъ притокомъ Камы является Чусовая. Она беретъ начало изъ Чусовского озера, лежащаго на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ (въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ) и впадаетъ верстахъ въ десяти выше Перми. Такъ какъ Чусовой приходится пересѣкать Уральскія горы, то берега ея очень высоки, скалисты, а самое теченіе очень быстро. Ниже станціи Чусовой рѣка выходитъ изъ горъ и течетъ далѣе медленнѣе и спокойнѣе. Чусовая судоходна отъ устья до впаденія Сылвы. По верхнему же теченію ея возможенъ только сплавъ и тотъ лишь въ половодье. Для поднятія уровня въ рѣкѣ при сплавѣ барокъ выпускаютъ массу воды изъ огромнаго Ревдинскаго пруда. Тогда барки, построенныя и нагруженныя на берегу, поднимаются валомъ воды и несутся внизъ. Въ прежнее время суда часто разбивались о скалистые берега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутые повороты. Эти опасныя скалы прозваны «бойцами».

Извѣстный писатель Маминъ-Сибирякъ, уроженецъ Урала, такъ описываетъ Чусовую: «Рѣка Чусовая, имѣющая 728 верстъ длины, около 400 верстъ бѣшено мчится съ вершинъ Урала среди отвѣсныхъ и красивыхъ скалъ, извѣстныхъ подъ именемъ «бойцовъ». Берега представляютъ великолѣпную панораму горъ и высокихъ скалъ: рѣка прорыла между ними глубокое русло, обнаживъ каменные стѣны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ рѣкой нависли массивныя скалы саженъ въ 40 вышиной. Раньше, когда караваны съ желѣзомъ сплавлялись безъ лотовъ*), вода несла утлыя суденышки прямо на эти скалы и, если команда барки не могла преодолѣть силы теченія, судно разбивалось въ дребезги, или, какъ говорятъ бурлаки, «убивалось» (отсюда «боець»)». Нѣкоторыя скалы тянутся версты двѣ, точно плывешь по узкой извилистой улицѣ какого-нибудь мудренаго средне-вѣковаго города. На нижней части этихъ скалъ можно ясно видѣть высоту весенней воды, которая поднимается иногда аршинъ на семь выше обыкновеннаго уровня. Подъ нѣкоторыми камнями, гдѣ теченіе рѣки суживается, или рѣка дѣлаетъ крутой пово-

---

*) Куски чугуна вѣсомъ въ 10—15 и болѣе пудовъ, призматической формы. Ихъ спускаютъ съ судна на веревкахъ или цѣпяхъ до дна, по которому они и волочатся.

ротъ, вода поднимается еще выше, точно собирая силы противъ главнаго врага. Форма скалъ самая разнообразная, и можно только удивляться, какъ еще держатся нѣкоторыя массы камней: онѣ уже наклонились и, кажется, готовы рухнуть въ рѣку, которая сосетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ и кажется, что эти скалы—не игра слѣпонаго случая, а результатъ работы разумныхъ существъ: вотъ правильно заложенная стѣна, вотъ фундаментъ какого-то зданія, уголь дома, легкая башенка, смѣло поднятый сводъ. Иллюзія настолько сильна, что глазъ замѣчаетъ даже отдѣльные кирпичи, изъ которыхъ возведены эти дворцы, башни, стѣны»...

Притокъ Чусовой—Сылва, впадающая съ лѣвой стороны, беретъ начало на западномъ склонѣ Урала. Она судоходна отъ устья до Кунгура, куда до открытія дороги изъ Перми на Екатеринбургъ ходили небольшіе пароходы.

На восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ протекають слѣдующія рѣки: Сосьва и Лозьва (сливаясь, онѣ образуютъ въ Тобольской губерніи рѣку Тавду, впадающую въ Обь), Тура (съ Салдой, Тагилью и Ницей) и Исеть.

Сосьва и въ особенности Лозьва богаты водой, но протекають по лѣсистой и почти не населенной мѣстности, почему не имѣють торговаго и промышленнаго значенія. По первой изъ нихъ, правда, ходятъ пароходы отъ Филькинской пристани.

Самой большой рѣкой восточнаго склона является р. Тура. Она беретъ начало около станціи Хребетъ Уральскій (Пермской желѣзной дороги) и въ верхнемъ теченіи представляетъ маленькую лѣсную рѣчку. Нѣсколько ниже, благодаря плотинамъ, удалось образовать изъ нея два большихъ пруда—Верхне и Нижне-Туринскій, вода которыхъ въ прежнее время была единственною силой для движенія всякаго рода заводскихъ машинъ. Въ предѣлахъ губерніи Тура причинаетъ Салду, Исъ и Тагиль, а за предѣлами—Пышму, которая течетъ по Екатеринбургскому и Камышловскому уѣздамъ.

Рѣка Ница образуется изъ двухъ рѣкъ: Нейвы и Режа. Весной пароходы по ней поднимаются до Ирбити, а лѣтомъ судоходство прекращается. Исеть беретъ начало изъ Исетскаго озера (около станціи того же названія), небогата водой, но при

помощи плотинъ на ней образовано ниже Екатеринбургa множество небольшихъ прудовъ, водой которыхъ работаютъ многочисленныя мельницы въ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ. Исеть впадаетъ въ рѣку Тоболь. Русло Исети и впадающихъ въ нее рѣчекъ Каменки и Синары напоминаетъ собой русло Чусовой. Эти рѣки текутъ какъ бы въ глубокихъ трещинахъ. Берега ихъ высоки, скалисты и мѣстами замѣчательно красивы.

Болотъ и озеръ въ Пермской губерніи много. Первыми особенно богаты три сѣверныхъ уѣзда: Чердынскій, Верхотурскій и Соликамскій. Такъ, на границѣ съ Вологодской губерніей тянется на 100 верстъ болото Гуменцо. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Лобвѣ, тянется на 36 верстъ Раинское болото. Около станціи Шайтанка (Пермской желѣзной дороги) лежитъ Шайтанское болото (20 верстъ). Отъ села Веретья внизъ по берегу Камы тянется болото 30 верстъ. Вообще, болота отъ 20 до 50 верстъ длиной очень многочисленны. Даже въ уѣздахъ, удаленныхъ отъ горъ, встрѣчаются болота, хотя и менѣе значительной величины.

Озера разбросаны по всей губерніи, но особенно ихъ много въ южной ея части, въ уѣздахъ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ. Изъ озеръ замѣчательны: Дикое (въ Чердынскомъ уѣздѣ), Исетское (20 верстъ), Таватуй (40 верстъ), Аятское, Ирисядь (60 верстъ), Синарское (17 верстъ), Балтымь (13 верстъ), Шарташъ, Маянъ (60 верстъ) и рядомъ съ нимъ — Кокланъ (18 вер.), Чебакуль, Увельды, Артяжъ и многія другія. Кромѣ того, нѣкоторые заводскіе пруды слились съ близъ лежащими озерами и образовали огромныя скопленія прѣсной воды; таковы озеропруды: Каслинское (90 верстъ) и Черноисточенское (25 вер.).

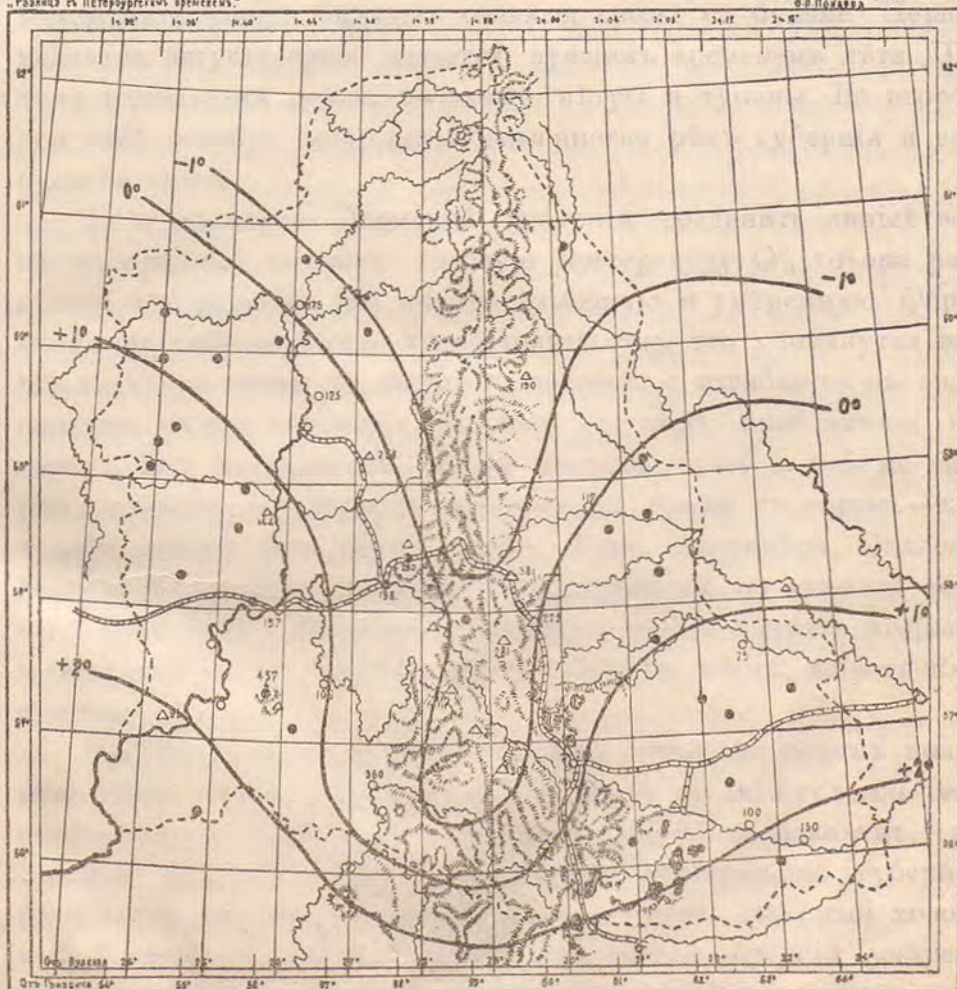
Климатъ. Такъ какъ Пермская губерніа имѣетъ большое протяженіе съ сѣвера на югъ и отличается разнообразіемъ своей поверхности, то климатъ ея не вездѣ одинаковъ. Въ сѣверной части губерніи климатъ очень суровъ: зима продолжается 7—7½ мѣсяцевъ, лѣто — 1½—2 мѣсяца. Зимой морозы въ горахъ достигаютъ 48 градусовъ.

Климатическая КАРТА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

„Разница от Петербургских средних.“

„Климат Перми и окрестн.“
Ф. Ф. ПОЛАНКА

По мѣрѣ приближенія къ югу климатъ становится теплѣе. Въ южной половинѣ губерніи зима тянется 5—6 мѣсяцевъ и сопровождается большими выпадками снѣга. Весна обыкновенно бываетъ короткая: снѣгъ исчезаетъ быстро. Но иногда въ горахъ теплые весенніе дни вдругъ смѣняются холодами и снѣгомъ, выпадающимъ даже въ первой половинѣ мая. Лѣто начинается съ 1 іюня и продолжается около 2 мѣсяцевъ. Въ іюнѣ стоятъ сильные жары, а іюль рѣдко имѣетъ постоянную погоду. Среди лѣта иногда бывають сильныя грозы съ бурями. Первая половина августа часто является лучшимъ временемъ лѣта. Потомъ начинаются дожди, холодные вѣтры и туманы. Во второй половинѣ октября замерзаетъ большинство рѣкъ губерніи и выпадаетъ снѣгъ.

Если на картѣ Пермской губерніи соединить линіей всѣ мѣста, имѣющія среднюю годовую температуру 0° , то она раздѣлитъ губернію на двѣ полосы: холодную и умѣренную. Обращая на себя вниманіе то обстоятельство, что упомянутая линія идетъ не прямо съ запада на востокъ, а изгибается въ видѣ подковы, сильно спускаясь къ югу по мѣрѣ приближенія къ горамъ. Это показываетъ, что въ мѣстахъ одной и той же широты климатъ по теплотѣ неодинаковъ: ближе къ горамъ—холоднѣе, дальше отъ горъ—теплѣе. Такъ, на примѣръ, Оханскъ лежитъ значительно сѣвернѣе Красноуфимска, но климатъ первого, какъ болѣе удаленнаго отъ горъ, теплѣе климата второго. Слѣдовательно, на степень тепла взятыхъ мѣстъ вліяетъ ихъ высота.

Къ сѣверу и къ югу отъ нулевой линіи мы можемъ получить новыя линіи, соединивъ всѣ мѣста съ средней годовой температурой -1° , затѣмъ—съ температурой $+1^{\circ}$, и, наконецъ,—съ температурой $+2^{\circ}$. Этими линіями все пространство губерніи раздѣлится на пять климатическихъ поясовъ: сѣверный холодный, южный холодный, сѣверный умѣренный, средній умѣренный и южный умѣренный. Кромѣ указаннаго различія въ климатѣ пяти полосъ губерніи, необходимо отмѣтить разницу въ количествѣ выпадающаго за годъ снѣга и дождя, а именно: въ горахъ и около нихъ выпадки того и другого болѣе часты и обильны, чѣмъ къ западу и востоку отъ горъ.

Въ Пермской губерніи дуютъ два главныхъ вѣтра: сѣверо-восточный и юго-западный. Первый изъ нихъ приноситъ воздухъ холодный и сухой, а второй—теплый и влажный. Въ зимнее время при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ настаетъ ясная и холодная погода, а лѣтомъ—постоянная ведреная. Юго-западный вѣтеръ зимой приноситъ оттепель и снѣгъ, а лѣтомъ—дождь. Такъ какъ Уральскія горы препятствуютъ этому вѣтру проникать на противоположную сторону, то въ климатѣ восточной и западной половины губерніи замѣчается разница: на западѣ отъ горъ выпадаетъ больше дожда и снѣга, зато на востокъ отъ горъ—холоднѣе. Это всего болѣе замѣтно на рѣкахъ. Рѣки въ сѣверо-восточной части остаются подольдомъ 185 дней, тогда какъ въ сѣверо-западной—175 дней.

Въ общемъ климатъ губерніи считается здоровымъ, за исключеніемъ болотистыхъ мѣстностей.

Растительный міръ. Растительный міръ въ Пермской губерніи богатъ и разнообразенъ. Огромныя пространства покрыты лѣсами. Особенно ихъ много въ сѣверныхъ уѣздахъ—Чердынскомъ и Верхотурскомъ. Здѣсь лѣса состоятъ главнымъ образомъ изъ хвойныхъ породъ: ели, пихты, сосны, кедра и лиственницы. На лѣсныхъ опушкахъ растетъ вересъ (можжевельникъ). Вообще же,—предуральскіе (западные) уѣзды являются мѣстомъ наибольшаго распространенія ели и пихты, тогда какъ въ Зауральѣ преобладаетъ сосна и береза.

Природа сѣверной части губерніи напоминаетъ Финляндію. Здѣсь также величественно поднимаются мрачныя гранитныя сопки, съ громадными утесами самой причудливой формы. На вершинахъ высокихъ горъ, какъ, на примѣръ, на Денежкиномъ и Конжаковскомъ камняхъ, замѣчается полное отсутствіе древесной растительности. Изрѣдка встрѣчаются только низкорослые кусты ивы, иногда совершенно спрятавшей свои стебли въ тощей почвѣ, которая скопилась въ расщелинахъ скалъ и углубленіяхъ между каменными обломками. Скалы и каменные глыбы, которыми усѣяны вершины этихъ горъ, не одѣты сплошнымъ ковромъ зелени, а только мѣстами прикрыты лишайниками и низенькими травами, скученными въ небольшія дерновинки.

Травки эти замѣчательны тѣмъ, что встрѣчаются также въ сѣверныхъ странахъ Европы, Азіи и сѣверной Америки.

Ниже начинается полоса дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ. Громадные стволы сосенъ отгѣняются величественными куполами синевато-зеленой листвы кедровъ, а между ними изрѣдка проглядываютъ высокія ели, окутанныя въ бѣлые саваны бородастыхъ лишайниковъ. Въ такихъ лѣсахъ куполь небеснаго свода едва просвѣчиваетъ изъ за густой хвои высокоствольныхъ сѣверныхъ великановъ. Лѣса мѣстами прерываются незначительными пространствами луговъ и полей. Тутъ является множество растений, которыя на лугахъ совершенно покрываютъ почву. Въ іюнѣ здѣсь царство яркихъ цвѣтовъ, сгруппированныхъ отдѣльными дерновинами и представляющихъ живописную картину.

Чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ больше примѣшивается къ хвойнымъ деревьямъ лиственныхъ. Встрѣчаются веселыя свѣтлыя рощи, состоящія изъ сосенъ съ примѣсью березы и другихъ лиственныхъ деревьевъ: осины, ольхи и липы. Изъ кустарниковъ появляются: черемуха, шиповникъ, рябина, калина, разныя породы ивы, боярышникъ, малина, смородина, а на юго-востокѣ (Шадринскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ)—вишня. Въ Осинскомъ уѣздѣ растутъ дубъ, вязъ и кленъ.

Болота и лѣса изобилуютъ ягодами: клюквой, морошкой, паленикой (княженикой), брусникой, земляникой. Въ южной части губерніи растетъ клубника.

По мѣрѣ удаленія отъ горъ къ востоку и западу количество лѣсовъ уменьшается. Восточныя части Ирбитскаго и Шадринскаго уѣзда почти безлѣсны.

Отъ неумѣлаго и хищническаго пользованія лѣсами страдаютъ безлѣсьемъ и мѣста, лежащія въ горной части. Такъ, мѣстность около Невьянскаго завода на большое пространство совершенно лишена лѣсовъ.

Лѣсное богатство въ Пермской губерніи годъ отъ года уменьшается, лѣса рѣдѣютъ: много ихъ вырубается для горныхъ заводовъ и для сплава въ безлѣсныя мѣстности Россіи и за границу, но еще больше гибнетъ отъ страшныхъ лѣсныхъ пожаровъ.

Животный міръ. Въ огромныхъ лѣсахъ губерніи водятся разные звѣри и птицы, а рѣки, пруды и озера богаты рыбой. Въ сѣверныхъ частяхъ губерніи встрѣчаются медвѣди. Они живутъ обыкновенно въ одиночку, рѣже семьями, и приносятъ мѣстами значительный вредъ тѣмъ, что нападаютъ на домашнихъ животныхъ. Волки, лисицы, зайцы встрѣчаются повсемѣстно. Изъ цѣнныхъ пушныхъ звѣрей на сѣверѣ водится соболь, куница и бѣлка. Кромѣ того, нерѣдки животныя кошачьей породы: рыси и росомахи. Изъ травоядныхъ животныхъ въ лѣсахъ живутъ лоси (сохатые), олени и дикія козы. Лѣса даютъ также пріютъ разнаго рода птицамъ. Сѣверъ богатъ рябчиками, тетеревами, куропатками. Изъ хищныхъ птицъ чаще встрѣчаются ястреба, коршуны, орлы, филины, совы, сычи и проч. Кромѣ того, постоянными (осѣдлыми) птицами являются всемъ извѣстныя: галки, вороны, сороки, воробьи, голуби, щеглы и друг. Изъ перелетныхъ птицъ проводятъ у насъ лѣто гуси, утки, журавли, скворцы, ласточки и многія другія пѣвчія птицы. Изъ рыбъ, живущихъ въ рѣкахъ губерніи, наиболѣе извѣстны: щука, окунь, ершъ, налимъ, карась, пискаръ и друг. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ водятся цѣнныя породы рыбы: осетръ и стерлядь (въ Камѣ), нельма и семга (въ Сосьвѣ и Лозьвѣ), харюзь и тальмень (въ горныхъ рѣчкахъ). Въ рѣкѣ Камѣ, Исети, Тагилѣ и нѣкоторыхъ др. водятся раки. Изъ пресмыкающихся и земноводныхъ почти повсемѣстно встрѣчаются ядовитыя змѣи (гадюки черныя и сѣрыя), ящерицы, лягушки, а въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ губерніи водятся тритоны и ужи.

16.058

II. Народонаселеніе губерніи и важнѣйшіе промыслы.

Число жителей. По числу жителей наша губернія занимаетъ первое мѣсто среди другихъ губерній Россіи. Всѣхъ жителей обоюга пола считается болѣе 3 милліоновъ (3.630.643 чел.) Наибольшее число жителей имѣетъ Екатеринбургскій уѣздъ (504 тыс.), за нимъ слѣдуетъ Шадринскій (395 тыс.), затѣмъ — Осинскій (381 тыс.), а меньше всѣхъ имѣетъ населенія Чердынскій уѣздъ (125 тыс.).

Хотя общее число жителей въ губерніи и велико, но если принять во вниманіе огромную величину ея, то окажется, что среднимъ числомъ на одну квадратную версту приходится менѣе 20 человекъ. Въ различныхъ уѣздахъ густота населенія неодинакова: гуще всѣхъ оно въ уѣздахъ—Осинскомъ (30 ч.), Оханскомъ (26 ч.) и Шадринскомъ (24 ч.), рѣже, сравнительно, населены уѣзды: Камышловскій (22 ч.), Екатеринбургскій (20 чел.), Ирбитскій (19 ч.), Кунгурскій (15 ч.), Красноуфимскій (13 ч.), Соликамскій (9 ч.). Еще рѣже населены уѣзды: Верхотурскій (5 ч.) и Чердынскій (2 ч.).

По племенному составу жители раздѣляются на слѣдующія главныя группы: славянскія, финновъ и монголовъ. Къ славянскому племени относятся русскіе, составляющіе главную массу населенія, и поляки. Пермьки, зыряне, вогулы, черемисы и башкиры—финскаго племени. Къ монгольской группѣ принадлежатъ татары.

Кромѣ перечисленныхъ народовъ, въ нашей губерніи живутъ евреи, нѣмцы, французы и другіе иностранцы; они немногочисленны и составляютъ пришлое населеніе городовъ и большихъ заводскихъ поселеній.

Однородную массу чисто русскаго и сельскаго населенія имѣютъ Камышловскій и Ирбитскій уѣзды, а въ остальныхъ уѣздахъ населеніе смѣшанное, а именно:

1. Пермьки живутъ въ Чердынскомъ, Соликамскомъ и Оханскомъ уѣздахъ;
2. Вогулы—въ Чердынскомъ, Красноуфимскомъ, но главнымъ образомъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, гдѣ они занимаютъ 24 селенія;
3. Татары—въ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ уѣздѣ;
4. Башкиры—въ Осинскомъ, Красноуфимскомъ, Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздѣ.

Населеніе Красноуфимскаго уѣзда является самымъ разнороднымъ: здѣсь, кромѣ русскихъ, живутъ вогулы, башкиры, татары и черемисы.

За послѣдніе годы въ губернію стали переселяться жители изъ другихъ частей Имперіи. Новоселы размѣщаются главнымъ

образомъ въ Верхотурскомъ, Чердынскомъ и отчасти, въ Оханскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ.

По вѣроисповѣданіямъ населеніе губерніи распределяется такимъ образомъ: православныхъ 3 милліона 150 тысячъ, старообрядцевъ—250 тысячъ, католиковъ—3 тысячи, протестантовъ—1 тыс., магометанъ—160 тыс., іудеевъ—2¹/₂ тыс. и болѣе 22 тысячъ человѣкъ язычниковъ. Главная масса язычниковъ приходится на Красноуфимскій уѣздъ (15 тыс.) и Осинскій (около 6 тыс.) и только небольшая часть падаетъ на Кунгурскій, Чердынскій и Верхотурскій уѣзды.

Промыслы. Жители губерніи занимаются земледѣліемъ, горнымъ, лѣснымъ и кустарными промыслами, скотоводствомъ, звѣроловствомъ, охотой, рыболовствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ и торговлей.

Земледѣліе составляетъ главное занятіе трехъ четвертей всего населенія Пермской губерніи. Оно невозможно только въ сѣверныхъ частяхъ Чердынскаго и Верхотурскаго уѣздовъ, а также и въ предгоріяхъ Урала. Наибольшаго развитія земледѣліе достигло въ трехъ восточныхъ уѣздахъ: Камышловскомъ, Ирбитскомъ и Шадринскомъ, гдѣ болѣе половины всей площади уѣздовъ занято полями. Эти уѣзды называютъ житницей Пермской губерніи, потому что въ урожайные годы избытокъ хлѣба вывозится отсюда въ тѣ уѣзды, гдѣ его не хватаетъ.

Душевой надѣлъ земли не вездѣ одинаковъ: въ Верхотурскомъ уѣздѣ онъ равняется 3 десятинамъ, а въ Ирбитскомъ 9. Въ остальныхъ уѣздахъ надѣлъ колеблется между этими предѣлами.

Изъ хлѣбныхъ растений въ сѣверныхъ частяхъ губерніи засѣвается рожь, овесъ и ячмень, а въ южныхъ—пшеница, гречиха и даже просо. Изъ волокнистыхъ растений воздѣлывается ленъ и конопля.

Такъ какъ черноземная почва встрѣчается только на югѣ и юго-востокѣ губерніи, а въ остальныхъ частяхъ губерніи она глинистая, супесчаная и подзолистая, то труды земледѣльца вознаграждаются въ большей части губерніи только при усиленномъ удобреніи.

Надѣль пахотной земли крестьянинъ обыкновенно дѣлитъ на три поля: на одномъ сѣетъ яровое, на другомъ—озимое, а третье оставляетъ подъ «паромъ». На слѣдующій годъ паровое поле засѣвается озимымъ, бывшее подъ озимымъ—яровымъ, а яровое «парится». Такъ продолжается смѣна изъ года въ годъ. Этотъ видъ хозяйства называется трехпольнымъ.

Обработка земли подъ посѣвъ ведется сохой и бороной. Только благодаря земствамъ, между крестьянами мало по-малу начинаютъ распространяться усовершенствованные плуги, а также сѣялки, жатвенные и молотильные машины и улучшенные хлѣбныя сѣмена.

Кромѣ того, земства устраиваютъ сельско-хозяйственные фермы и опытные поля, гдѣ крестьяне на дѣлѣ убѣждаются въ преимуществахъ новыхъ способовъ обработки земли и видятъ результаты посѣвовъ улучшенныхъ сѣмянъ.

Горный промыселъ. Второе мѣсто послѣ земледѣлія въ губерніи занимаетъ горнозаводская промышленность, которою въ 11 уѣздахъ (кромѣ Шадринскаго) кормится до 150 тысячъ чело-
вѣкъ.

Уральскія горы богаты желѣзными, мѣдными и серебряными рудами, золотомъ, платиной, драгоценными камнями, солью, каменнымъ углемъ, горнымъ льномъ (азбестомъ), яшмами, мраморами, глинами и другими ископаемыми. Недавно открыты около Аятскаго озера (Екатеринбургскаго уѣзда) залежи ртутной руды (киновари).

Тѣ мѣста, гдѣ добываютъ руды металловъ, называются рудниками, а мѣста добыванія изъ земли металловъ въ чистомъ видѣ—пріисками. Такимъ образомъ, рудники бываютъ желѣзные, мѣдные, серебряные, а пріиски—золотые, платиновые и проч. Желѣзные и мѣдные рудники раскинулись по всей губерніи, но чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ ихъ больше. Около рудниковъ основались и заводы, на которыхъ изъ рудъ выплавляются металлы. Всѣхъ заводовъ въ губерніи насчитывается болѣе 70; изъ нихъ 9 казенныхъ, а остальные принадлежатъ частнымъ лицамъ. Всѣ горные заводы изготовляютъ въ годъ отъ 28 до 32 миллионъ пудовъ чугуна, свыше 26 миллионъ пудовъ желѣза и стали. Мѣди вырабатывается до 550 тыс. пуд.

Только небольшая часть выработанныхъ металловъ расходуется въ губерніи, а все остальное количество ихъ отправляется по р. Чусовой и Пермской жел. дорогѣ въ Пермь, а оттуда въ Нижній на ярмарку.

Золото встрѣчается на Уралѣ въ двухъ видахъ: жильное (коренное) и россыпное. Главная золотоносная порода коренныхъ мѣсторожденій чаще всего состоитъ изъ кварца, въ которомъ втиснуты крупинки, нити и жилки золота. Жильное золото разрабатывается около Березовскаго завода (въ 13 вер. отъ Екатеринбургa), около Невьянска и Кушвы.

Золотоносныя россыпи находятся обыкновенно въ долинахъ рѣкъ и ручейковъ, въ логахъ и ложбинахъ. Золотыя зернышки разной формы и величины здѣсь перемѣшаны съ разнообразными песчинками и глиной. Пески изъ россыпей промываются или ручнымъ способомъ (на важгердахъ), или же при помощи сложныхъ машинъ.

Платина добывается также, какъ и россыпное золото.

Золотые, серебряные и платиновые пріиски находятся почти исключительно на восточномъ склонѣ горъ. Первые и вторые разбросаны по всей длинѣ Уральскихъ горъ; платиновые же имѣются только въ двухъ мѣстахъ Верхотурскаго уѣзда: 1) по рѣкѣ Турѣ и ея притокамъ, въ дачѣ Н. Туринскаго завода и смежной съ ней графа Шувалова, 2) въ дачѣ Н. Тагильскихъ заводовъ, по р. Уткѣ. Въ другихъ мѣстахъ Урала платины пока не найдено.

Золота ежегодно добывается въ губерніи до 250 пудовъ, серебра до 370 пуд., а платины до 330 пуд. Работами на золотыхъ и платиновыхъ пріискахъ заняты до 25 тыс. человекъ.

Соль въ Пермской губерніи добывается около г. Соликамска, въ селахъ: Усольѣ, Ленвѣ и въ заштатномъ городѣ Дедюхинѣ. Здѣсь вода глубокихъ колодцевъ содержитъ соль, которую получаютъ черезъ выпариваніе воды. За годъ вывариваютъ до 19 милліоновъ пуд. соли, часть которой тутъ же перерабатывается въ соду.

Драгоценныя камни (изумруды, топазы, бериллы, хризолиты и пр.) въ большинствѣ случаевъ попадають попутно при добычѣ золота, и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ трудъ людей направ-

лень исключительно на ихъ добываніе. Одно изъ такихъ мѣстъ — село Мурзинское (около Невьянска), второе — изумрудныя копи (около станціи Баженово, Тюменской линіи). Добытые камни иногда имѣютъ очень большую цѣнность: въ Горномъ институтѣ (въ Петербургѣ) хранится берилль, найденный въ селѣ Мурзинскомъ, стоящій до 200 тыс. руб.

Въ Уральскихъ горахъ встрѣчаются даже алмазы. Ихъ находятъ въ дачѣ Бисерскаго завода. Вышлифованные изъ нихъ брилліанты по чистотѣ и блеску не уступаютъ Бразильскимъ. Правильной добычи алмазовъ здѣсь не предпринимается, а ихъ подбираютъ понутно при промывкѣ золотоносныхъ пѣсковъ. Между тѣмъ, возможность нахождения алмазовъ въ Бисерской дачѣ предсказана ученымъ Гумбольтомъ по сходству горныхъ породъ рѣчки Полуденки съ породами, сопровождающими алмазы въ Бразиліи и другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, были случаи нахождения алмазовъ въ дачѣ Кушвинскаго завода, по р. Кушайкѣ.

Каменный уголь добывается вдоль Луньевской вѣтви Пермской жел. дор. въ трехъ мѣстахъ: 1) около Александровскаго завода, 2) около Кизеловскаго завода и 3) около станціи Губаха. Въ восточной части губерніи также имѣются камено-угольныя копи: Егоршинскія (Ирбитскаго уѣзда), Каменскія (Камышловскаго уѣзда) и Сухоложскія (на р. Пышмѣ, около села Сухой Логъ). Всего на Уралѣ добывается каменнаго угля около 50 мил. пудовъ.

Яшмы и мраморы встрѣчаются почти всюду въ горахъ, но особенно ими богата часть Урала, лежащая въ предѣлахъ Екатеринбургскаго уѣзда. Эти камни идутъ на всевозможныя издѣлія и бездѣлушки: вазы, печати, запонки, пепельницы, статуэткы и проч., а мраморы, кромѣ того, — на выдѣлку надгробныхъ плитъ, памятниковъ и ваннъ.

По всему восточному склону Уральскихъ горъ разбросаны залежи азбеста (горнаго льна), который идетъ на приготовленіе различныхъ огнеупорныхъ предметовъ. Самыми лучшими мѣсто-рожденіями азбеста считаются — Азбестовая гора (около Сысерти) и Шелковая гора (около Верхняго Тагила). Значительная добыча азбеста производится въ копяхъ, расположенныхъ въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ станціи Баженово, въ Каменской, Монетной,

Березовской и Режевской дачахъ. Добываемый здѣсь азбестъ (до 300 тыс. пуд. въ годъ) очень высокаго качества. Онъ почти весь вывозится за границу и возвращается въ Россію въ видѣ издѣлій. Уралъ можетъ давать ежегодно до 3 милліоновъ пудовъ азбеста.

Обыкновенная горшечная глина есть по всей губерніи, бѣлая же залегаеть пластами только въ Кунгурскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ.

Кромѣ перечисленныхъ минералловъ, изъ горъ добывается огромное количество сѣраго строительнаго камня—гранита. Большія каменоломни его имѣются около Екатеринбургa.

Лѣсной промыселъ. Широкому развитію горнаго промысла много способствовало обиліе въ Пермской губерніи лѣсовъ, дающихъ горючій матеріаль, безъ котораго не могутъ работать заводы. Заготовкой дровъ, бревенъ, выжиганіемъ угля и доставкой ихъ кормятся многія тысячи народа. Множество лѣсныхъ матеріаловъ, рогожь и мочала сплавляется изъ уѣздовъ западнаго склона внизъ по Камѣ и до низовьевъ Волги. Не мало также лѣса, въ видѣ бревенъ, отправляется на внутренніе рынки и за границу изъ дачи Павдинскаго и Богословскихъ заводовъ (Верхотурскаго уѣзда) при посредствѣ желѣзной дороги, проведенной недавно на сѣверъ уѣзда.

Такъ какъ большая часть лѣсныхъ работъ совершается зимой и ранней весной, когда крестьяне свободны отъ земледѣльческаго труда, то лѣсной промыселъ является подспорьемъ сельскому хозяйству. Въ Верхотурскомъ, Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ хорошіе заработки даетъ сборъ кедровыхъ орѣховъ.

Кустарные промыслы. Многіе предметы, необходимые въ жизни, выдѣлываются въ губерніи не на фабрикахъ и заводахъ, а на дому, ручнымъ способомъ или при помощи несложныхъ машинъ. Въ такихъ работахъ обыкновенно принимаетъ участіе только семья, безъ наемныхъ рабочихъ; въ рѣдкихъ случаяхъ нанимается небольшое число и постороннихъ. Этотъ видъ производства предметовъ называется кустарнымъ (отъ слова кустъ), мелкимъ, въ противоположность фабричному и заводскому производству.

Первоначально кустарные промыслы возникли въ тѣхъ частяхъ губерніи, гдѣ основное занятіе жителей (хлѣбопашество и горный промыселъ) не вполне обеспечивало существованіе населенія и требовало рабочую силу не на круглый годъ, а только на часть его. При такихъ условіяхъ населеніе, пользуясь досугомъ и побуждаемое нуждой, начало выработку у себя на дому неприхотливыхъ предметовъ домашняго обихода, земледѣльческихъ орудій и т. п.

Нѣкоторые виды этихъ промысловъ явились благодаря обилію горныхъ заводовъ и минеральныхъ богатствъ края. Сюда относятся промыслы: кузнечно-слесарный, сундучный, подносный, экипажный съ колеснымъ и гранильный съ камерѣзнымъ. Последний видъ кустарнаго промысла развитъ главнымъ образомъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Здѣсь многіе жители на домахъ занимаются обточкой (огранкой) камней (топазовъ, аметистовъ, хризолитовъ) для бусъ, печатей, серегъ, запонокъ и вставокъ въ кольца. Изъ горнаго хрустала, яшмы, мрамора и другихъ камней вырѣзываются печати, вазы, солонки, пещельницы и многія другія вещи.

Кромѣ этихъ видовъ кустарнаго промысла, въ губерніи развиты: кожевенный съ чеботарнымъ (въ Кунгурѣ и его уѣздѣ), пимокатный (Камышловскій уѣздъ), мебельно-токарный (Юговской и Верхъ-Исетскій зав.), экипажный (Юговской и Камбарскій зав.), веревочно-канатный (Ирбитскій у.) и нѣкоторые др.

Всѣми кустарными промыслами въ губерніи кормится свыше 28 тыс. чел.

Скотоводство. Скотоводствомъ занимаются главнымъ образомъ для удовлетворенія нуждъ собственнаго хозяйства. Наиболѣе оно развито въ Шадринскомъ уѣздѣ и на югѣ Екатеринбургскаго, гдѣ этому способствуетъ обиліе пастбищъ.

По всей губерніи славятся силой, выносливостью и красотой низкорослыя обвинскія лошади (р. Обва); необыкновенно большимъ ростомъ и молодностью — Лайскія и Нижне-Тагильскія коровы.

Звѣроловство, охота Звѣроловство и охота доставляютъ и рыбный промыселъ. средства къ жизни жителямъ сѣверныхъ частей Верхотурскаго, Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ

Въ лѣсахъ ставятъ ловушки и кашканы для ловли лисицъ, соболей, медвѣдей, а также и охотятся съ ружьями: бьютъ бѣлку, лосей, оленей, дикихъ козъ; изъ птицъ — рябчиковъ и тетеревовъ.

Рыболовство, какъ промыселъ, ведется на Камѣ, Печерѣ, на огромныхъ заводскихъ прудахъ и озерахъ. Многія изъ озеръ сдаются въ аренду особымъ рыбопромышленникамъ, которые отиравляютъ въ столицы лучшіе сорта рыбы.

Огородничество. Огородничествомъ занимаются повсемѣстно, но оно не имѣетъ характера промысла: каждый домохозяинъ имѣетъ въ виду прежде всего удовлетвореніе своихъ нуждъ въ овощахъ и только избытокъ ихъ продаетъ. Исключеніе составляютъ селенія и деревни, лежація около городовъ и большихъ заводовъ, гдѣ много пришлаго населенія; тамъ огородничество является промысломъ и выражается, между прочимъ, въ заботахъ о ранней выгонкѣ зелени, овощей и ягодъ.

Пчеловодство. Пчеловодство составляетъ важный промыселъ для жителей Кунгурскаго, Красноуфимскаго, Осинскаго и Оханскаго уѣздовъ. Отчасти имъ занимаются и въ другихъ уѣздахъ губерніи, гдѣ для этого благопріятны климатическія условія.

Торговля. Благодаря выгодному положенію — на границѣ Европейской Россіи съ Сибирью, — Пермская губернія съ давнихъ поръ сдѣлалась посредницей между ними. Недостатокъ путей сообщенія въ прежнее время придавъ торговлѣ ярмарочный характеръ. На многочисленныя ярмарки губерніи (до 650) привозятся произведенія Европейской Россіи, а мѣстные жители и пріѣзжіе сибиряки сбываютъ на нихъ сырье: кожи, мѣха, зерновой хлѣбъ и т. п.

По величинѣ оборотовъ первое мѣсто въ губерніи занимаетъ Ирбитская ярмарка, происходящая ежегодно съ 25 января по 1 марта.

Съ развитіемъ путей сообщенія ярмарочные обороты стали падать, потому что явилась возможность получать товары изъ другихъ губерній и посылать туда сырье во всякое время года по желѣзнымъ дорогамъ.

Всѣ торговые обороты губерніи, взятые вмѣстѣ, превышаютъ 140 мил. руб.

Желѣзныя дороги. Кромѣ водныхъ путей, каковыми является Кама съ притоками и нѣкоторыя другія рѣки, кромѣ трактовыхъ дорогъ и проселковъ, губернію прорѣзываютъ желѣзныя дороги. Главную линію составляетъ Пермская дорога (черезъ Кунгуръ). Связанная при посредствѣ Вятской и Вологодской линіи съ желѣзными дорогами Европейской Россіи, она составляетъ часть кратчайшаго пути изъ Сибири въ Петербургъ. Въ Екатеринбургѣ Пермская линія дѣлится на двѣ вѣтви: одна идетъ на Челябинскъ, другая—на Тюмень. Последняя, въ свою очередь, даетъ отъ ст. Богдановичъ вѣтвь на Каменскій заводъ (Синарская). Отсюда строится дорога на Шадринскъ и Курганъ. Кромѣ того, между Пермью и Екатеринбургомъ имѣются слѣдующія вѣтви: 1) Горнозаводская—отъ Перми черезъ Чусовую, Н.-Тагиль до Екатеринбурга; 2) отъ станціи Лысьва до Лысьвенскаго завода, 3) Луньевская—отъ станціи Чусовая до Солеваренъ въ Усольѣ, 4) Богословская—отъ станціи Гороблагодатской до Богословскаго завода, 5) отъ Н.-Тагила до Н.-Салды и Алапаевска 6) отъ Н. Тагила до Висимъ-Шайтанска. Общее протяженіе рельсовыхъ путей въ предѣлахъ губерніи свыше 2000 верстъ.

Но существующихъ желѣзныхъ дорогъ для Пермской губерніи далеко недостаточно. Перевозка огромнаго количества руды, угля, дровъ и др. матеріаловъ для заводскаго дѣла производится зимой. Проселочныя и лѣсныя дороги въ это время приходятъ въ очень плохое состояніе: нырки, ухабы, желоба и т. п. неудобства встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Людямъ и лошадамъ выпадаетъ масса трудовъ и мученій въ пути. Весной и осенью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи бываетъ полное бездорожье.

Дурное состояніе дорогъ и недостатокъ ихъ повышаетъ цѣну перевозимыхъ грузовъ и лишаетъ возможности использовать многія минеральныя и лѣсныя богатства края.

Въ настоящее время признается необходимымъ проведеніе слѣдующихъ желѣзныхъ дорогъ:

1. Тавдинской—отъ Екатеринбурга (или Алапаевска) на Ирбитъ и далѣе—на село Таборинское, на р. Тавдѣ.

2. Егоршинской отъ станціи Богдановичъ (Тюменской линіи) до села Егоршина, гдѣ имѣются огромныя залежи каменнаго угля.

3. Бѣломорской—отъ Надеждинскаго завода на Ухту (нефтяные источники Вологодской губ.) и Архангельскъ.

4. Отъ станціи Лысьва до станціи Бердяушъ (Самаро-Златоустовской ж. д.).

Кромѣ того, намѣчено расширение сѣти водныхъ путей сообщенія: предположено устроить сплошной водный путь изъ Камы по Чусовой въ рѣки бассейна Оби.

Административное раздѣленіе губерніи.

Пермская губернія раздѣлена на 12 уѣздовъ. На западномъ склонѣ горъ расположены семь уѣздовъ (Предуралье). Чердынскій, Соликамскій, Пермскій, Оханскій, Осинскій, Кунгурскій и Красноуфимскій. На востокъ отъ горъ лежатъ остальные пять уѣздовъ (Зауралье): Верхотурскій, Ирбитскій, Екатеринбургскій, Камышловскій и Шадринскій.

Обозрѣніе уѣздовъ; города и замѣчательныя мѣста.

Чердынскій уѣздъ.

Чердынскій уѣздъ составляетъ сѣверную часть Предуралья. Пространство его равно 58 тыс. кв. верстъ, а населенія всего около 126 тыс. человѣкъ (плотность—2 ч. на кв. версту). По устройству поверхности онъ дѣлится на двѣ части: восточную, наполненную горами и предгоріями, и западную—болѣе низкую и ровную. По первой части протекаетъ рѣка Вишера съ Колвой и другими быстрыми горными рѣками. Западная же, слегка взволнованная равнина, раскинулась по рѣкѣ Камѣ и притоку ея Косѣ. Значительную часть пространства уѣзда занимаютъ болота. Изъ нихъ самое большое Гуменцо (болѣе 100 верстъ въ длину) лежитъ на границѣ съ Вологодской губерніей.

Весь уѣздъ лежитъ въ холодной климатической полосѣ. Наибольшей суровостью отличается климатъ сѣверной и горной части, а къ западу онъ нѣсколько мягче. Весенніе заморозки въ уѣздѣ оканчиваются между 10 и 26 мая, а осенніе появляются между 15—30 сентября. Число теплыхъ дней (безъ заморозковъ

по ночамъ) не превышаетъ 110 въ годъ. Снѣгъ покрываетъ землю почти въ теченіе 210 дней въ году. Зима бываетъ суровая (до 45°) и многоснѣжная.

Въ восточной части уѣзда почва каменистая, хрящеватая и галечная; въ западной — преобладающей почвой являются суглинки, а по долинамъ рѣкъ встрѣчаются иловатые почвы.

Населеніе смѣшанное, состоитъ изъ русскихъ и коренныхъ жителей края: пермяковъ, зырянъ и вогуль. — Несмотря на неблагоприятныя климатическія и почвенныя условія, три четверти населенія уѣзда сѣетъ хлѣбъ (рожь, овесъ), хотя и понемногу, т. к. удобныхъ для пашень мѣстъ мало. Хлѣба родится далеко недостаточно для прокормленія всего населенія. Онъ привозится по р. Камѣ изъ другихъ мѣстностей. — Горные промыслы въ уѣздѣ почти не существуютъ, т. к., вслѣдствіе рѣдкой населенности и бездорожья, гористая часть мало изслѣдована. — Кустарные промыслы развиты крайне слабо и не могутъ удовлетворить мѣстнаго спроса на предметы даже домашняго обихода крестьянъ. — Главное богатство уѣзда составляютъ хвойныя лѣса, занимающіе площадь въ 5 слишкомъ мил. дес. (96% всей площади). Рубка лѣса, сплавъ его въ Каму (и далѣе по Волгѣ до Астрахани), охота на бѣлку, рябчиковъ и прочую лѣсную дичь, сборъ кедровыхъ орѣховъ, — вотъ что кормитъ жителей уѣзда.

Городъ Чердынъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Пермской губерніи: основаніе его относится къ XIV вѣку. Сама по себѣ Чердынъ производитъ впечатлѣніе захолустнаго городка, съ 6 тысячами жителей, а, между тѣмъ, въ отдаленнѣйшія времена она была столицей богатой Біарміи. Вниманіе вновь прибывшаго въ городъ привлекаютъ нѣсколько старинныхъ церквей и остатки земляныхъ укрѣпленій съ валами. Къ достопримѣчательностямъ города нужно отнести музей общества любителей археологіи (древностей). Здѣсь собрано много разныхъ предметовъ глубокой старины. Они показываютъ, что жившій когда то здѣсь народъ вель обширную торговлю съ теперешней Индіей, Персіей, Аравіей и Византіей. Всѣ предметы музея можно подраздѣлить на двѣ группы: одни — тонкой, художественной работы, — очевидно, иноземнаго происхожденія; другіе — грубы, безобразны, — это предметы домашняго обихода древнѣйшихъ обитателей страны (чуди).

Съ горы, по склону которой расположился городъ, открывается очень красивый и величественный видъ на окрестности. Особенно хорошъ видъ на гору Полюдъ, куда можно совершать прогулку за 45 верстъ. Полюдъ представляетъ собою огромную каменную гору, издали очень похожую на ту скалу, на которой въ Петербургѣ укрѣпленъ памятникъ Петру Великому. Это — одна изъ самыхъ красивѣйшихъ горъ на Уралѣ. Съ вершины ея открывается великолѣпный видъ на отдаленныя окрестности сѣвернаго Урала.

Чердынь ведетъ обширную торговлю хлѣбомъ, который привозится сюда съ низовьевъ Камы. Часть этого хлѣба направляется воднымъ и сухопутнымъ (зимнимъ) путемъ въ Печерскій край.—Весной, какъ только рѣки освободятся отъ льда, что бываетъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля, Чердынскіе торговцы начинаютъ свое путешествіе. Отъ Чердыни оно начинается на небольшомъ буксирномъ пароходикѣ. Такъ какъ главная часть груза (хлѣбъ и товары) уже отправлена на Печерскую пристань Якшу еще зимой, то весной груза отправляется не такъ много. Маленькій буксирный пароходикъ обыкновенно ведетъ за собой небольшую барку и цѣлую флотилію «каюковъ» — крытыхъ лодокъ—и направляется вверхъ по Колвѣ. Рѣка эта весной судоходна на большомъ протяженіи, лѣтомъ же на буксирномъ пароходѣ по ней можно добраться лишь до впаденія въ нее рѣки Вишерки.

Колва, какъ и всѣ здѣшнія рѣки, страшно извилиста. Она неособенно быстра, берега ея поросли хвойнымъ лѣсомъ. Въ пяти верстахъ отъ Чердыни на берегу Колвы расположено самое богатое и значительное село Покча. Затѣмъ встрѣтятся еще два села—Вильгортъ и Камгортъ и нѣсколько незначительныхъ деревушекъ, жители которыхъ занимаются постройкой баржъ для сплава соли изъ Усольскихъ и другихъ варницъ, расположенныхъ на Камѣ. Послѣ же деревушки Ветлана берега Колвы украшаются живописными скалами, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, камнями: Ветланскимъ, Дивымъ, Бобыкскимъ, Бойцомъ. Камни эти висятся по обѣимъ сторонамъ рѣки, которая извиливается среди нихъ на протяженіи 3—4 верстъ. Когда кончаются эти камни, пароходъ идетъ мимо совершенно пустынныхъ

береговъ, довольно низменныхъ и покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ. Всего по Колвѣ приходится дѣлать 112 верстѣ и, наконецъ, пароходъ достигаетъ р. Вишерки. Среди лѣсовъ и болотъ по ея теченію встрѣчаются только два маленькихъ селенія: деревня Фадина (15 дворовъ) и Семь Сосенъ (два двора). Дальше путь идетъ по Чусовскому озеру, рѣчкѣ Березовкѣ и Еловкѣ до Усть-Еловской пристани. Здѣсь пароходный путь прекращается, приходится ѣхать болѣе 60 верстѣ на лодкахъ по рѣкѣ Вогулкѣ до Печерскаго волока. Здѣсь товары и лодки перевозятся на лошадахъ на р. Волосницу (6 верстѣ), по которой спускаются въ Печеру и достигаютъ Якшинской пристани. Она представляетъ собою нѣсколько рядовъ огромныхъ амбаровъ, среди которыхъ имѣется всего шесть жилыхъ домовъ. Сюда зимой Чердынскіе торговцы привозятъ хлѣбъ и мануфактуру, а осенью съ низовьевъ Печеры доставляются сырыя произведенія края. Весной и зимой Якшинская пристань оживляется, а на лѣто совершенно замираетъ.

Въ 45 верстахъ къ сѣверу отъ Чердыни находится с. Ныроръ, куда былъ сосланъ дядя царя Михаила Феодоровича Романова, Михаилъ Никитичъ. Ссылка боярина М. Н. Романова объясняется слѣдующими историческими обстоятельствами. Когда царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ, прямыхъ потомковъ дома Рюрика не осталось. Близка по родству къ прежнимъ царямъ была фамилія бояръ Романовыхъ. Въ 1598 году царемъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ. Завладѣвъ престоломъ не по праву и опасаясь лишиться его, онъ сталъ смотрѣть на Романовыхъ, какъ на соперниковъ, которые могутъ его извести. Чтобы избавиться отъ нихъ, Годуновъ подвергъ всѣхъ Романовыхъ опалѣ: Федора Никитича (впослѣдствіи Патріарха Филарета) постригъ въ монахи, одного брата заточилъ въ г. Пелымъ, а Михаила Никитича сослалъ въ глухую деревушку Ныроръ, гдѣ онъ и умеръ. Здѣсь до сихъ поръ сохранилась темница (яма), въ которой сидѣлъ несчастный, и цѣпи—вѣсомъ въ три пуда.

Соликамскій уѣздъ.

Соликамскій уѣздъ лежитъ къ югу отъ Чердынскаго и занимаетъ пространство въ 27 тыс. кв. верстѣ, съ населеніемъ

260 тыс. человекъ (плотн. 9 ч.). Площадь его вытянута съ востока на западъ и рѣкой Камой раздѣлена на двѣ, почти равныя, части: восточную—гористую и западную—равнинную. Въ первой изъ нихъ преобладаютъ почвы каменистыя, глинистыя и болотистыя, а во второй—подзолистыя и суглинки. Больше $\frac{7}{10}$ площади уѣзда покрыто лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ хвойныя породы. По мѣрѣ движенія на западъ количество лѣсовъ уменьшается.

Главной рѣкой является Кама и притоки ея: справа—Иньва и слѣва—Яйва.

Въ климатическомъ отношеніи уѣздъ также можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: восточную—съ суровымъ климатомъ, одинаковымъ съ сосѣдней частью Чердынскаго уѣзда, и западную—съ умѣренно-холоднымъ климатомъ. Въ этой части уѣзда заморозки начинаются въ концѣ сентября, и снѣгъ лежитъ на землѣ въ среднемъ не болѣе 175 дней. Весенніе ночные заморозки оканчиваются въ концѣ апрѣля.

Выпадки дождя и снѣга обильны по всему уѣзду.

Населеніе состоитъ изъ русскихъ и обрусѣвшихъ пермяковъ, населяющихъ главнымъ образомъ бассейнъ рѣки Иньвы, который вмѣстѣ съ берегами р. Камы является самою густонаселенною частью уѣзда. Иньвенское населеніе исключительно земледѣльческое. Прикамскіе жители занимаются работами на соляныхъ варницахъ Усоля, Ленвы и Дедюхина, на содовомъ заводѣ въ Березникахъ и на желѣзодѣлательныхъ заводахъ.

Восточная малонаселенная часть уѣзда даетъ жителямъ лѣсные промыслы, охоту и сборъ кедровыхъ орѣховъ.

Городъ Соликамскъ лежитъ въ семи верстахъ отъ р. Камы. Годъ основанія его въ точности неизвѣстенъ, такъ какъ всѣ документы по исторіи города сторѣли во время одного пожара. По одной лѣтописи годомъ основанія считаютъ 1430 й, когда весь Пермскій край находился подъ властью Новгородцевъ, имѣвшихъ соляныя варницы на рѣчкѣ Боровой. Въ 1581 г. городъ подвергся нападенію Пелымскаго вогульскаго князя Кихекъ, который, вмѣстѣ съ сибирскими татарами, взявъ городъ, сжегъ его, перебилъ часть жителей, а другую увелъ въ плѣнъ. Послѣ

этого городъ былъ укрѣпленъ деревяннымъ заплотомъ, имѣвшимъ ворота и башни. Это укрѣпленіе сгорѣло въ 1672 году. Во второй половинѣ 16 и въ 17 вѣкѣ черезъ Соликамскъ пролегаль трактъ на Верхотурье (Бабиновская дорога) и дальше въ Сибирь, дѣлавшій его важнымъ торговымъ мѣстомъ. Съ основаніемъ Екатеринбургa Сибирскій трактъ измѣнилъ направленіе, и значеніе Соликамска упало.

Въ настоящее время Соликамскъ имѣетъ 5½ тысячъ жителей, отличается обиліемъ церквей (13) и часовенъ (20); кромѣ того, въ немъ имѣется два монастыря, городское училище и женская гимназія.

Въ Соликамскомъ уѣздѣ находятся соляные промыслы въ селахъ: Усольѣ, Ленвѣ, Дедюхинѣ и деревнѣ Усть-Боровой. Въ Березнякахъ на содовомъ заводѣ, единственномъ въ Россіи, готовится изъ мѣстной соли въ годъ до милліона пудовъ соды.

Село Усолье—родина многихъ знаменитостей, бывшихъ крѣпостныхъ графа Строганова. Здѣсь родился художникъ Медвѣдниковъ, получившій образованіе въ Италіи;—архитекторъ Воронихинъ, строитель Казанскаго собора въ Петербургѣ, и знаменитый актеръ Императорскихъ театровъ Мельниковъ.

Усолье—настоящее соляное царство. Разсолъ, изъ котораго получается соль, поднимается насосами изъ 74 колодезь, имѣющихъ глубину отъ 40 до 100 сажень. Поднятый кверху соляной разсолъ течетъ по трубамъ въ особый громаднѣйшій бакъ, изъ котораго проводится въ самыя солеварни. Онѣ представляютъ собой рядъ каменныхъ низенькихъ амбаровъ, гдѣ устроены огромныя желѣзныя сковороды: сажени въ три—четыре длиной и шириной, при аршинной глубинѣ. Здѣсь особой тонкой разсолъ нагрѣвается, вода испаряется, а на сковородѣ остается соль.

На линіи желѣзной дороги, идущей изъ Березняковъ къ ст. Чусовой, расположены каменноугольныя копи: Кизеловскія, Губахинскія и Луньевскія.

Въ 22 верстахъ отъ Камы (пристань село Слудка) находится село Ильинское, основаніе котораго относитъ къ глубокой старинѣ, къ 3—4 вѣку по Р. Х. Съ 1781 года въ Ильинскѣ сосредоточено управленіе имѣніями графа Строганова. Въ одной изъ старинныхъ церквей села имѣются иконы св. Иліи,

св. Николая и Богоматери съ вышитымъ на нихъ 1646 годомъ. Въ той же церкви хранятся многіе предметы изъ церковной утвари, отбитые у французовъ въ 1812 году отрядомъ войска подъ командой П. А. Строганова, и евангеліе, изданное въ 1637 году. Ильинское — родина извѣстнаго гравера-художника Пищалкина, имѣвшаго званіе профессора.

Здѣсь имѣется городское училище, начальное училище, почтовое отдѣленіе и земская больница. Окрестности Ильинскаго богаты бывшими селеніями и стоянками древнѣйшихъ обитателей края — чуди.

Пермскій уѣздъ.

Пермскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 23 тысячи кв. верстъ, съ населеніемъ 353 тысячи человѣкъ (плот. 15 ч.). Наибольшее протяженіе уѣздъ имѣетъ съ востока на западъ. Часть уѣзда, лежащая къ востоку отъ р.р. Усьвы и Сылвы, наполнена Уральскими горами и ихъ отрогами, а западная часть имѣетъ характеръ взволнованной равнины. Изрѣдка и здѣсь близость Уральскихъ горъ выражается въ могучихъ подъемахъ мѣстности, принимающихъ видъ отдѣльныхъ каменистыхъ или глинистыхъ грядъ и горъ.

Въ горной части уѣзда преобладаетъ каменистая почва, а въ остальной супесчаная и суглинки. Черноземъ встрѣчается только на мѣстахъ обсохшихъ болотъ. Восточная часть богата лѣсами, занимающими пространство свыше полутора милліона десятинъ.

Климатъ уѣзда холодно-умѣренный, но не вездѣ одинаковъ: въ горахъ значительно суровѣе, чѣмъ въ западной части. Нигдѣ по всей губерніи за годъ не выпадаетъ такого количества дожда и снѣга, какъ въ Пермскомъ уѣздѣ. Число ненастныхъ дней достигаетъ 200 въ году.

По Пермскому уѣзду протекаетъ р. Кама, Чусовая съ Усьвой и Сылвой. Главную массу населенія составляютъ русскіе; только въ южной части уѣзда есть нѣсколько татарскихъ волостей. Основнымъ занятіемъ жителей является земледѣліе и горный промыселъ. Многія тысячи народа кормятся работами на р. Камѣ, Чусовой и на горныхъ заводахъ. Изъ кустарныхъ про-

мысловъ заслуживаетъ вниманія мебельно-столярный, который достигъ значительнаго развитія въ Юговскомъ заводѣ. Здѣсь же готовится большое количество экипажныхъ ходовъ и простыхъ телѣгъ. Въ Югокамскомъ заводѣ развитъ кузнечный промыселъ, а село Курашимъ приобрѣло широкую извѣстность въ Пермской и сосѣднихъ губерніяхъ, благодаря особому виду приготовляемыхъ здѣсь сохъ (курашимка) и сабановъ. Существуютъ въ уѣздѣ кожевенные, маслобойные и нѣкоторые другіе промыслы, но они имѣютъ только мѣстное значеніе.

Губернскій городъ Пермь расположенъ на берегу р. Камы, нѣсколько ниже впаденія въ нее Чусовой.

Пермь, сравнительно съ другими русскими городами, городъ молодой. Основаніе его состоялось въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй. Мѣстность, занятая теперь городомъ и его окрестностями, была пожалована въ 1568 году Якову Строганову, который основалъ здѣсь поселеніе, названное деревней Брухаловой. Черезъ полтора столѣтія (въ 1723 году) около этой деревни, при устьѣ рѣчки Ягужихи (нынѣ Ягошиха), былъ основанъ казенный мѣдеплавильный заводъ — Ягужихинскій. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ заводъ былъ пожалованъ графу Воронцову, а впоследствии былъ снова купленъ казною.

При дѣленіи Россіи на губерніи, въ царствованіе императрицы Екатерины Второй, встрѣтилась необходимость въ новыхъ губернскихъ городахъ. Въ 1778 году въ Пермскій край прибылъ Казанскій губернаторъ, князь Мещерскій, которому было поручено отыскать мѣсто для новаго губернскаго города. Послѣ осмотра нѣсколькихъ городовъ и мѣстечекъ выборъ Мещерскаго остановился на мѣстности, прилегавшей къ Ягужихинскому заводу, гдѣ и было приступлено къ постройкѣ новаго города. 27 января 1781 года повелѣно наименовать строившійся городъ Пермью и тогда же былъ дарованъ ему гербъ: на красномъ полѣ серебряный медвѣдь, на спинѣ его евангеліе въ золотомъ окладѣ и крестъ. 18 октября того же года состоялось торжественное открытіе новаго города; такимъ образомъ, Перми нѣтъ еще и 150 лѣтъ.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія города въ немъ числилось 1330 жителей обоого пола, изъ которыхъ 204 было купцовъ.

Благодаря выгодному положенію на берегу р. Камы, новый городъ сталъ быстро развиваться, хотя опустошительные пожары, бывшіе въ немъ въ 1842 и 1859 году, нѣсколько задерживали его ростъ.

Въ настоящее время городъ растянулся по берегу Камы верстъ на пять и въ ширину до $2\frac{1}{2}$ верстъ. Деревни, находившіяся прежде около города, слились съ нимъ и образовали его части. Въ городѣ считается 68 тысячъ жителей.

Видъ города съ Камы очень живописенъ. На крутомъ берегу расположенъ кафедральный соборъ съ прилегающими къ нему постройками архіерейскаго дома. Отсюда внизъ по теченію рѣки идутъ зданія духовной семинаріи, дома частныхъ лицъ, казенный винный заводъ, а далѣе опять дома и, наконецъ, механическіе заводы Любимовой, Каменскихъ, Сорокина и др. За ними виденъ красивый желѣзнодорожный мостъ черезъ Каму.

Вверхъ по Камѣ отъ собора по обрыву берега разбитъ садъ, любимое мѣсто гулянья среднихъ городскихъ классовъ населенія въ лѣтнее время. Въ полугорѣ пролегаетъ желѣзнодорожный путь Пермь-Вятской желѣзной дороги. Далѣе берегъ понижается и открываетъ красивый видъ на прилегающія зданія: управленія желѣзной дороги, вокзалъ, домъ Мѣшкова. Сзади ихъ выступаютъ: городской театръ, женская гимназія и колокольни церковей.

Съ первыми признаками весны въ городѣ начинается особенное оживленіе, замѣтное главнымъ образомъ на прибрежныхъ улицахъ. Во второй половинѣ апрѣля вскрывается Кама, и тогда жизнь на берегу начинаетъ бить ключемъ. День и ночь стоитъ неумолкаемый шумъ отъ работъ на берегу и на облѣпившихъ его пароходахъ и баржахъ. Грохотъ ломовыхъ телѣгъ и разнаго рода экипажей сливается съ шумомъ волнующейся, куда-то спѣшащей толпы и съ свистомъ пароходовъ. Оживленію берега около пристаней много способствуетъ то обстоятельство, что общій вокзалъ дорогъ на Вятку и Екатеринбургъ расположенъ тутъ же на берегу. Стоитъ только, выйдя съ вокзала, перейти дорогу, и вы окажетесь на пристаняхъ.

Улицы города прямые и пересекаются под прямыми углами, отчего кварталы имѣютъ видъ прямоугольниковъ. Лучшей улицей, изъ числа идущихъ отъ Камы, считается Сибирская, на которой расположены: городская управа, мужская гимназія, казенная палата съ губернскимъ казначействомъ, лучшіе магазины и губернскія учрежденія. Заканчивается улица Сибирской заставой, имѣющей видъ двухъ высокихъ каменныхъ столбовъ съ гербами на вершинѣ. За заставой лежитъ часть города, называемая Новой Слободкой.

Изъ улицъ, идущихъ вдоль Камы, лучшая — Торговая.

Въ Перми имѣется двѣ мужскихъ гимназіи и одна прогимназія, 4 женскихъ гимназіи, реальное училище, горнозаводское, духовная семинарія, женская учительская семинарія, женское епархіальное училище, торговая школа, желѣзнодорожное техническое училище, два городскихъ, двѣ музыкальныхъ школы, фельдшерскіе и учительскіе курсы и около 30 начальныхъ училищъ.

Изъ научно-просвѣтительныхъ учреждений заслуживаютъ быть отмѣченными: обширная городская публичная библіотека съ бесплатнымъ читальнымъ заломъ, Пермскій научно-промышленный музей, располагающій богатыми коллекціями и библіотекой, метеорологическая и бактериологическая станціи; въ послѣдней производятся прививки больнымъ, укушеннымъ бѣшеными животными.

Изъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ города самыми значительными являются: судостроительные, механическіе, фосфорный, гвоздарный, спичечные, мыловаренные и пивоваренные. Въ городѣ имѣется водопроводъ, построенный на средства города и дающій до 50 тысячъ ведеръ воды въ сутки, и электрическая станція, освѣщающая улицы города, многіе общественные и частные дома.

Въ четырехъ верстахъ отъ Перми, вверхъ по Камѣ, лежатъ Пермскіе пушечные заводы (при селеніи Мотовилихѣ). Здѣсь готовятся пушки, лафеты и снаряды для флота и арміи, части судовыхъ машинъ и строятся пароходы. Изъ многихъ замѣчательныхъ сооружений заводовъ обращаетъ на себя вниманіе пресовая фабрика и молотъ-гигантъ. Въ первой — изъ куска раскален-

ной стали однимъ движеніемъ машины сразу готовится артиллерійскій снарядъ. Молотъ же вѣситъ 3100 пудовъ и можетъ ударять съ силой 10 тыс. пудовъ. Имъ иногда проковываются куски стали до 3000 пудовъ. Здѣсь же былъ примѣненъ въ первый разъ въ Россіи способъ электрической плавки металловъ инженера Славянова. Благодаря этому изобрѣтенію, явилась возможность исправлять сломавшіеся паровые валы, разбитые и треснувшіе колокола. Обороты Пермскихъ пушечныхъ заводовъ колеблются отъ 4 до 5½ милліоновъ рублей. Заводы даютъ заработокъ 6 тыс. рабочихъ.

Многіе домохозяева селенія Мотовалихи занимаются огородничествомъ и молочнымъ хозяйствомъ, доставляя на городской рынокъ молочные продукты, овощи и ягоды.

Лысьвенскій заводъ расположенъ на р. Лысьвѣ, притокѣ Чусовой, въ 24 верстахъ отъ станціи Калино. Заводъ вырабатываетъ до 1½ милл. пудовъ чернаго и оцинкованнаго листового желѣза. Часть его тутъ-же перерабатывается въ издѣлія особыми машинами, являющимися полной новинкой на Уралѣ. Здѣсь готовятъ ведра, тазы и проч. посуду, которой продается до 150 тыс. пудовъ ежегодно.

Въ селеніи имѣется бібліотека, городское училище, прогимназія и почтово-телеграфное отдѣленіе.

Всѣхъ жителей до 12 тыс. человѣкъ.

Оханскій и Осинскій уѣзды.

Оханскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 12½ тыс. кв. верстъ, съ населеніемъ 325 тыс. чел., а Осинскій почти 14 тыс. кв. верстъ, съ населеніемъ 420 тыс. По характеру мѣстности оба уѣзда сходны между собой: они представляютъ равнину, слегка взволнованную глинистыми и каменистыми буграми. Болѣе или менѣе значительныя возвышенія имѣются только въ Осинскомъ уѣздѣ, къ востоку отъ г. Осы, въ верховьяхъ рѣчекъ: Березовки, Быма, Юга и Бабки.

Главной рѣкой этихъ уѣздовъ является Кама, служащая природной границей между ними: Оханскій уѣздъ расположенъ на правой сторонѣ ея, а Осинскій—на лѣвой. Почва состоитъ изъ подзолистыхъ суглинковъ и нуждается въ удобреніи. Климатъ

здѣсь значительно мягче, чѣмъ въ остальныхъ прикамскихъ уѣздахъ. Хотя средняя продолжительность зимы и здѣсь равна 175 днямъ, но снѣжный покровъ рѣдко бываетъ толще 11 вершковъ, и средняя температура зимы не спускается ниже -14° . Лѣтомъ не бываетъ рѣзкихъ колебаній температуры при переходѣ отъ дня къ ночи. Средняя температура лѣта равна $+17^{\circ}$. Хвойныя породы лѣса, по мѣрѣ движенія на западъ и югъ, смѣняются все больше и больше лиственными, появляется липа, илимъ, дубъ и кленъ. Общее количество лѣсовъ хотя и значительно въ обоихъ уѣздахъ (въ Оханскомъ—486 тыс. десятинъ, въ Осинскомъ—512 тыс. десят.), но не превышаетъ $\frac{2}{5}$ площади ихъ.

Преобладающую массу населенія составляютъ русскіе. Въ сѣверной части Оханскаго уѣзда есть пермяки, а въ Осинскомъ—башкиры. По плотности населенія Осинскому уѣзду принадлежитъ первое мѣсто въ губерніи (30 чел.), а Оханскому—второе (26 человекъ).

Почвенныя и климатическія условія вполне благопріятны для земледѣлія, почему оно и является главнымъ занятіемъ жителей. Хотя здѣсь есть селенія, носящія названія заводовъ, но большинство изъ нихъ уже давно прекратило заводскую дѣятельность, а бывшіе заводскіе рабочіе обратились въ земледѣльцевъ и кустарей. Въ обоихъ уѣздахъ сильно развито кустарное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ, экипажей и колесъ. Вслѣдствіе обилія липовыхъ лѣсовъ, развитъ также рогожно-кулеткацкій промыселъ и пчеловодство.

Наибольшаго развитія кустарные промыслы достигли въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Въ Оханскомъ уѣздѣ въ Очерскомъ заводѣ въ большомъ количествѣ вырабатываются молотилки, вѣялки, кочкорѣзы; въ селѣ Ножевкѣ дѣлаютъ экипажные ходки и колеса на сумму до 48 тысячъ рублей въ годъ; Рождественская волость извѣстна ручнымъ производствомъ плетеныхъ и вязаныхъ кружевъ.

2. Въ Осинскомъ уѣздѣ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ Камбарскій заводъ, кустари котораго ежегодно выпускаютъ на продажу огромное количество простыхъ и городскихъ экипажныхъ ходовъ, оцѣниваемыхъ въ общей сложности суммой до 130 тыс. рублей. Жители Аннинской, Комаровской

и Устиновской волостей занимаются приготовленіемъ оконныхъ рамъ. Весной и осенью мастера разъѣзжаютъ по селамъ и деревнямъ не только Пермской, Уфимской и Оренбургской губерній, но забираются даже въ отдаленныя мѣста Сибири, гдѣ продаютъ новыя рамы, чинятъ старыя и вставляютъ стекла.

Въ обоихъ уѣздахъ значительно развито смолокурение.

Уѣздный г. Оханскъ. Оханскъ—самый меньшій изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Пермской губерній: въ немъ всего около 2½ тысячъ жителей. Онъ стоитъ на правомъ берегу Камы, на 130 верстъ ниже Перми. Основаніе ему было положено еще въ 13 вѣкѣ Строгановыми, а съ 1781 года онъ считается уѣзднымъ. Городъ ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ и вообще произведеніями сельскаго хозяйства уѣзда. Кромѣ городского училища, въ немъ есть еще женская гимназія и реальное училище.

Уѣздный г. Оса. Городъ Оса расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Камы, въ 3 верстахъ отъ берега и на 65 верстъ ниже Оханска по теченію рѣки. Основаніе городу положено въ 1506 году. Во время Пугачевского бунта онъ три дня выдерживалъ приступы бунтовщиковъ, но наконецъ былъ взятъ ими и сожженъ.

Кромѣ хлѣба, отсюда отправляется по рѣкѣ Камѣ огромное количество лѣса, лыка, рогожъ и кулей.

Въ городѣ имѣется городское и реальное училище и женская гимназія.

Кунгурскій уѣздъ.

Кунгурскій уѣздъ, по сравненію съ разсмотрѣнными раѣе уѣздами Пермской губерній, не такъ великъ: онъ занимаетъ пространство около 11 тыс. квадрат. верстъ. Населенія въ немъ насчитывается до 160 тыс. челов. Большее протяженіе Кунгурскій уѣздъ имѣетъ съ запада на востокъ, гдѣ захватываетъ часть главнаго хребта Уральскихъ горъ, посылающихъ на западъ нѣсколько каменныхъ (гранитныхъ и известковыхъ) грядъ, постепенно понижающихся и исчезающихъ на западѣ. Между этими грядами встрѣчаются обширныя равнины и болота.

Восточная часть уѣзда, по которой протекаетъ р. Чусовая, богата хвойными лѣсами и минералами, но очень рѣдко насе-

лена и мало изслѣдована. Суровый климатъ ея и каменистая почва неблагопріятны для земледѣлія. Здѣшніе жители занимаются преимущественно лѣснымъ и горнымъ промысломъ, а также охотой и работами на р. Чусовой.

Западная часть уѣзда находится въ болѣе благопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ. Климатъ здѣсь мягче, въ лѣсахъ замѣчается преобладаніе березы; подзолистые суглинки (мѣстами съ черноземомъ) даютъ хорошіе урожаи хлѣбовъ. Земледѣліе и вообще сельское хозяйство въ этой части уѣзда идетъ настолько успѣшно, что продукты его (хлѣбъ, крупы, масло, яйца и проч.) въ большомъ количествѣ вывозятся въ сосѣдніе уѣзды, особенно же на пріиски и заводы Верхотурскаго уѣзда.

Кромѣ того, жители занимаются ломкой известковаго камня, добычей бѣлой глины и доставкой ихъ на заводы. Изъ кустарныхъ промысловъ въ уѣздѣ развитъ кожевенный и чеботарный (въ г. Кунгурѣ), по селамъ имѣются мастерскія, изготовляющія серпы, сохи, вѣялки и другія земледѣльческія орудія.

Въ Кунгурскомъ уѣздѣ всего два чугуно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ: казенный Серебрянскій и Кыновской графа Строганова.

Уѣздный городъ Городъ Кунгуръ лежитъ въ 87 верстахъ Кунгуръ отъ Перми, по обѣ стороны р. Сылвы и по правую сторону р. Ирени. Въ немъ числится до 20 тыс. жителей. Благодаря выгодному положенію на границѣ трехъ уѣздовъ, онъ едѣлался центромъ ихъ торговли и по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ занимаетъ въ губерніи третье мѣсто (Екатеринбургъ, Пермь). Кунгуръ является центромъ кожевенной промышленности Пермской губерніи: въ немъ болѣе 25 кожевенныхъ заводовъ и болѣе 1000 семействъ заняты шитьемъ обуви, рукавицъ, перчатокъ и кожановъ. Желѣзная дорога, соединившая его съ Европейской Россіей и Сибирью, дала толчекъ дальнѣйшему развитію торговли и промышленности города.

Многочисленныя церкви Кунгура славятся богатствомъ и величиной колоколовъ (до 1000 пудовъ). Кромѣ начальныхъ училищъ, въ немъ имѣется городское, реальное училище, женская гимназія и техническое училище.

Недалеко отъ города, у села Баннаго, находится, такъ называемая, Ледяная пещера, которая тянется верстъ на 10 въ глубь горы, состоящей изъ известняка. Въ одной изъ ея многочисленныхъ подземныхъ комнатъ есть довольно значительное скопленіе воды, которое обыкновенно называютъ озеромъ. Оно имѣетъ пологое ровное дно и лишь мѣстами на немъ встрѣчаются значительныя углубленія. Благодаря прозрачности воды, при свѣтѣ свѣчъ можно видѣть дно на далекое разстояніе. Въ озерѣ нѣтъ ни животныхъ, ни растений. Посѣщеніе пещеры возможно только зимой и ранней весной.

Красноуфимскій уѣздъ.

Красноуфимскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 20 тыс. квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ 280 тысячъ. Уѣздъ расположенъ по западному склону Уральскихъ горъ (къ югу отъ Кунгурскаго уѣзда) и наибольшее протяженіе имѣетъ съ запада на востокъ. Большая часть его наполнена горами, которыя особенно высоки на востокѣ. Къ западу онѣ понижаются и за г. Красноуфимскомъ совершенно исчезаютъ. Отъ этого мѣстность здѣсь имѣетъ видъ равнины. Почва на востокѣ каменистая и глинистая, а на западѣ подзолистая и черноземная. Хотя Красноуфимскій уѣздъ лежитъ южнѣе Кунгурскаго, но климатъ имѣетъ почти такой же. Это объясняется тѣмъ, что большая часть уѣзда значительно приподнята горами.

Почти по срединѣ уѣзда протекаетъ своимъ верхнимъ теченіемъ рѣка Уфа, которая, описавъ большую дугу, уходитъ въ сосѣднюю Уфимскую губернію. Другихъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ въ уѣздѣ нѣтъ.

Красноуфимскій уѣздъ богатъ лѣсами, но, за отсутствіемъ сплавныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ, торговля лѣсомъ совершенно неразвита.

Населеніе состоитъ изъ русскихъ, татаръ и небольшого количества вогуль, живущихъ въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда.

Главное занятіе жителей—земледѣліе, но оно идетъ успѣшно только въ западной части уѣзда. Горное дѣло замерло, и населеніе, лишившись заводскихъ работъ, занялось кустарными промыслами. Здѣсь получилъ значительное развитіе кузнечно-сле-

сарный промыселъ (Бисертскій и Саранинскій заводы), производство серповъ (Артинскій зав.), вѣялокъ (Саранинскій зав.) и другихъ земледѣльческихъ орудій. Населеніе Суксунскаго завода занимается приготовленіемъ мѣдныхъ самоваровъ, чайниковъ и т. п. предметовъ. Кожевенный и валяльный промыслы наиболее развиты въ Иргинскомъ заводѣ, гдѣ изъ выдѣланныхъ кожъ шьется, главнымъ образомъ, крестьянская обувь и простая сбруя. Изъ шерсти здѣсь катаются валенки, кошмы, подхомутники и т. п. Въ Ачитской, Уткинской и Саранинской волостяхъ развито добываніе дегтя, смолы, скипидара, пихтоваго и сосноваго масла.

Въ числѣ побочныхъ промысловъ среди населенія уѣзда существуетъ пчеловодство, рыболовство, выработка мочала, изъ котораго ткуть кули и рогожи.

Уѣздный городъ Красноуфимскъ расположенъ на рѣкѣ Уфѣ, недалеко отъ впаденія въ нее рѣчки Сарги, въ 202 верстахъ къ югу отъ Перми. Основаніе города относится къ 1736 году, когда въ мѣстности Красный Яръ была основана крѣпостца для защиты отъ набѣговъ башкирѣ. Въ 1774 году городъ былъ захваченъ Пугачевымъ. Въ настоящее время въ немъ до 6½ тыс. жителей, имѣется среднее сельско-хозяйственное училище, женская гимназія, реальное и городское училище.

Въ двухъ мѣстахъ уѣзда имѣются цѣлебныя минеральныя воды: однѣ лежатъ около Суксуна (Ключевскія, сѣрныя), другія около Н.-Сергинскаго завода (соляныя). Тѣ и другія привлекаютъ много больныхъ ревматизмомъ и другими болѣзнями.

Верхотурскій уѣздъ.

Верхотурскій уѣздъ занимаетъ огромное пространство въ 61 тыс. квадрат. верстѣ, съ народонаселеніемъ въ 335 тысячъ. По западной границѣ съ сѣвера на югъ его прорѣзываютъ Уральскія горы, захватывающія своими предгоріями почти половину ширины уѣзда. Только къ востоку отъ Н.-Тагила, Верхотурья и Богословска мѣстность рѣзко измѣняется и переходитъ въ равнину. Главныя рѣки уѣзда — Тура съ Тагиломъ, Лозьва и Сосьва. Весь Верхотурскій уѣздъ лежитъ въ холодной климатической полосѣ, открытъ для доступа холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и, наоборотъ, огражденъ горами отъ юго-запад-

ных—теплыхъ. Наибольше суровымъ климатомъ отличаются горы и предгорія; на равнинѣ же климатъ нѣсколько мягче. Заморозки въ горахъ начинаются въ половинѣ сентября, и затѣмъ быстро наступаетъ зима съ массой снѣга и холодами, доходящими на сѣверѣ до 48°. Последніе заморозки весной бываютъ еще 5 мая, а потомъ наступаетъ теплое время, продолжающееся въ среднемъ не болѣе 110 дней. Но и среди лѣта иногда послѣ жаркаго дня неожиданно наступаетъ такая холодная ночь, что вода въ лужахъ и колеяхъ замерзаетъ.

Населеніе состоитъ изъ русскихъ и вогуловъ. Последніе живутъ въ сѣверныхъ волостяхъ уѣзда по р.р. Лозьвѣ, Сосьвѣ, Лялѣ и Турѣ. Плотность населенія не вездѣ одинакова: на самомъ сѣверѣ и въ горахъ она крайне рѣдка, къ югу—нѣсколько больше, а наибольшей густотой населенія отличается восточная часть, расположенная по р.р. Тагилу и Турѣ. Это—земледѣльческій районъ уѣзда. Въ другихъ мѣстахъ успешное хлѣбопашество невозможно, вследствие суровости климата. Тамъ главнымъ занятіемъ жителей являются работы на чугуно-мѣдеплавильныхъ заводахъ, на рудникахъ, золотыхъ и платиновыхъ пріискахъ. Лѣсные промыслы, охота, собираніе кедровыхъ орѣховъ также даютъ многимъ средства къ жизни. Кустарные промыслы не получили здѣсь широкаго развитія. Они сосредоточены въ немногихъ пунктахъ и не отличаются разнообразіемъ: кузнечно-слесарный съ клепальнымъ развился въ Н.-Тагилѣ, сохладный—въ В.-Туринскомъ заводѣ, а въ селахъ и деревняхъ, расположенныхъ по теченію р. Туры, съ давнихъ поръ существуетъ бурачный промыселъ.

Уѣздный городъ—Городъ Верхотурье основанъ въ 1598 г., **Верхотурье.** Стоитъ на рѣкѣ Турѣ. Въ 15 и 16 вѣкѣ онъ имѣлъ большое торговое значеніе, такъ какъ черезъ него шель единственный трактъ изъ Россіи въ Сибирь. Какъ пограничный городъ, онъ имѣлъ таможию. Никто не имѣлъ права, да и не могъ, по пути въ Сибирь объѣзжать Верхотурья и миновать его заставы, гдѣ «цѣловальники» со служилыми людьми строго слѣдили за сборомъ пошлинь.

Первоначальное населеніе его составляли «выкликанцы» изъ Вятской, Вологодской и Новгородской губерній, т. е. лица, вы-

званные правительствомъ и пожелавшія здѣсь поселиться. Памятникомъ отъ древняго города, бывшаго дверью въ Сибирь и пользовавшагося громкой славой, остался Свято-Троицкій соборъ, основанный въ 1598 г.

Въ настоящее время Верхотурье — маленькій городокъ (4½ тысячи жителей), извѣстенъ далеко за предѣлами губерніи Николаевскимъ монастыремъ, гдѣ покоятся мощи св. Симеона Праведнаго.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ много золотыхъ и платиновыхъ приисковъ, горныхъ заводовъ и рудниковъ.

По дорогѣ изъ Верхотурья въ Кушвинскій заводъ, недалеко отъ Н. Туринскаго завода, въ рѣку Туру впадаетъ знаменитая рѣчка Иса, по теченію которой добывается платина. Длина Иса со всѣми притоками опредѣляется всего въ сто верстъ. 25 лѣтъ назадъ здѣсь была глушь, доступная только настоящимъ охотникамъ; даже проѣздъ верхомъ былъ невозможенъ далеко не вездѣ. Теперь же, особенно лѣтомъ, въ разгаръ работъ, долина Иса напоминаетъ муравейникъ, движеніе и работа въ которомъ не прекращается и ночью. Воздухъ наполненъ самыми разнообразными звуками: лязгомъ орудій, голосами людей, стукотней и трескотней телѣжекъ и таратаекъ, грохотомъ промывальныхъ машинъ. Проѣзжая по Ису, путникъ иногда встрѣчаетъ красивые большіе дома городской постройки, съ садами, огородами и теплицами. Это — квартиры управляющихъ. Служащіе живутъ въ обыкновенныхъ домахъ. Обычнымъ помѣщеніемъ для рабочихъ на приискахъ служатъ казармы, которыя строятся на скорую руку. Онѣ представляютъ собой срубы изъ тонкихъ бревенъ, съ одной простой дверью и двумя — тремя маленькими окнами; полъ часто земляной, какъ и крыша. Кругомъ стѣнъ въ казармѣ идутъ нары, замѣняющія рабочимъ кровати и другую мебель. Подъ нарами всегда мусоръ, грязь и тутъ же валяются пожитки рабочихъ. Зимой въ такихъ помѣщеніяхъ сыро, холодно, грязно и душно. Отъ массы находящихся здѣсь людей воздухъ портится, а вентилировать его нечѣмъ. Къ тому же здѣсь рабочіе сушатъ онучи, одежду и всякое бѣлье.

На нѣкоторыхъ приискахъ нѣтъ и такихъ помѣщеній, и рабочіе живутъ долгую сѣверную зиму въ землянкахъ.

Платина по справедливости можетъ называться уральскимъ металломъ, такъ какъ изъ общаго количества ея, добываемаго на всемъ земномъ шарѣ, 95⁰/₁₀₀ приходится на Верхотурскій уѣздъ, и больше она нигдѣ въ Россіи не встрѣчается. Кромѣ долины Иса, платина добывается еще около Н.-Тагила, по р.р. Висиму и Уткѣ.

Гора Благодать. Изъ другихъ мѣстъ уѣзда замѣчательна Кушвинскій заводъ. гора Благодать, лежащая въ одной верстѣ отъ Кушвинскаго завода. Она приобрѣла извѣстность не высотой, которая незначительна (1154 фут.), а богатствомъ желѣзной руды: восточный склонъ ея состоитъ изъ магнитнаго желѣзняка, котораго здѣсь добываютъ ежегодно до 2 милліоновъ пудовъ. Общій же запасъ руды въ горѣ Благодати и ея окрестностяхъ считаютъ до милліарда пудовъ.

Залежи рудъ въ горѣ Благодати были открыты, какъ говорить преданіе, въ 1730 году вогуломъ Степаномъ Чумпинымъ, получившимъ отъ правительства за свое сообщеніе 20 руб. (ассигнаціями) и поплатившимся за это жизнью. Соплеменники его приносили на горѣ жертвы; озлобленные на Чумпина за открытіе богатствъ горы русскимъ, они сожгли его на вершинѣ ея. Здѣсь въ настоящее время стоитъ памятникъ съ надписью: «Вогуль Степанъ Чумпинъ сожженъ здѣсь въ 1730 году».

Съ запада къ горѣ Благодати примыкаетъ невысокая возвышенность, носящая названіе Малой Благодати. На западномъ склонѣ ея и у подножія расположенъ Кушвинскій заводъ. Онъ имѣетъ до 15 тысячъ жителей и является центромъ Гороблагодатскаго горнаго округа, къ которому принадлежатъ пять заводовъ: Кушвинскій, В.-Туринскій, Н.-Туринскій, Баранчинскій и Серебрянскій. Здѣсь находится управленіе округомъ и живетъ горный начальникъ; имѣется женская гимназія и городское училище.

Н.-Тагиль. Самымъ большимъ заводомъ уѣзда и всего Урала является Н.-Тагиль (35 тыс. жителей). Широко раскинувшійся заводъ издали представляется красивымъ большимъ городомъ, въ разныхъ мѣстахъ котораго виднѣются храмы и часовни. При въѣздѣ въ селеніе бросается въ глаза множество старинныхъ красивыхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются: госпиталь, главная контора, квартира управляющаго и проч. Противъ главной

конторы, въ срединѣ центральной площади, возвышается художественной работы памятникъ одному изъ Демидовыхъ, основателей горнаго дѣла на Уралѣ.

Въ самомъ селеніи находятся два завода: Н.-Тагильскій и Выйскій. На первомъ выплавляется чугуны, выдѣлывается желѣзо и сталь, готовятся части машинъ и рельсы. Второй заводъ мѣдеплавильный.

Къ селенію прилегаеть гора Магнитъ (Высокая), изъ которой ежегодно добывается до 4 милліоновъ пудовъ желѣзной руды высокаго качества. У подножія горы Высокой расположенъ мѣдный рудникъ съ шахтой въ 130 сажень глубины. Здѣсь добывается богатѣйшая и красивѣйшая мѣдная руда — малахитъ, которая идетъ на выдѣлку вазъ, печатей и другихъ цѣнныхъ издѣлій. Рыхлые и землистые куски малахита, негодные для издѣлій, размалываются въ порошокъ, считающійся лучшей краской для желѣзныхъ крышъ.

Среди заводскихъ жителей Тагила развито кустарное производство подносовъ, желѣзныхъ ведеръ, чайниковъ, тазовъ, лопатъ, кайлъ и т. п. предметовъ.

Богословскій заводъ. На сѣверѣ Верхотурскаго уѣзда лежитъ Богословскій чугуно-мѣдеплавильный заводъ и Надеждинскій—рельсопрокатный, а также множество золотыхъ приисковъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудниковъ. Населеніе здѣсь занято главнымъ образомъ горными и заводскими работами. Кромѣ мѣстныхъ жителей, этими работами здѣсь кормятся до 5 тыс. чело-вѣкъ пришлыхъ рабочихъ изъ другихъ уѣздовъ Пермской губ. и даже Казанской (татары).

Алапаевскіе заводы. Въ восточной части уѣзда находятся Алапаевскіе заводы, въ составъ которыхъ входятъ: Нейво-Алапаевскій, Нейво-Шайтанскій, В.-Синячихинскій, Ирбитскій и заштатный городъ Алапаевскъ. Дача этихъ заводовъ богата различными ископаемыми: желѣзными рудами, каменнымъ углемъ и драгоценными камнями. Такъ, около деревни Южаковой, на горѣ Зотихѣ добываются лучшіе на Уралѣ аметисты.

Ирбитскій (9600 кв. верствъ), **Камышловскій** (13700 кв. в.) и **Шадринскій** (16600 кв. в.) уѣзды.

Эти три уѣзда расположены къ востоку отъ горъ, на равнинѣ, составляющей начало Сибирской низменности. Почвенныя и климатическія условія этихъ уѣздовъ имѣютъ много общаго.

Преобладающей почвой Ирбитскаго уѣзда являются подзолистые суглинки, а мѣстами имѣется черноземъ, полоса котораго къ югу дѣлается шире и захватываетъ больше двухъ третей площади Камышловскаго и Шадринскаго уѣзда. Лѣсовъ здѣсь, сравнительно съ приуральскими уѣздами, меньше; южная часть Шадринскаго уѣзда страдаетъ даже отъ безлѣсья и носитъ почти степной характеръ. Въ лѣсахъ преобладаютъ лиственнныя породы (береза), мѣстами встрѣчаются большія заросли дикой вишни.

Умѣренно-холодный климатъ Ирбитскаго уѣзда переходитъ въ болѣе мягкій (умѣренный) Камышловскаго и Шадринскаго. Зима здѣсь начинается значительно позднѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ губерніи: первые заморозки бываютъ только около 10 октября. Зимой ниже 30 градусовъ холода бываетъ рѣдко, средняя же температура зимы -14° — -15° . Снѣга выпадаетъ мало. Въ началѣ мая устанавливается совершенно теплая лѣтняя погода, съ умѣренными дождями и съ средней температурой въ 18° . Такая погода продолжается отъ 150 до 160 дней, т. е. лѣто здѣсь самое длинное въ губерніи.

Главными рѣками этихъ уѣздовъ являются: Ница, Пышма и Исеть. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ много озеръ.

Населеніе Ирбитскаго уѣзда чисто русское; въ южныхъ волостяхъ Камышловскаго и Шадринскаго уѣздовъ, кромѣ русскихъ, живутъ башкиры.

Главное занятіе жителей — земледѣліе, которому вполне благопріятствуютъ — какъ климатическія, такъ и почвенныя условія. Недаромъ эти уѣзды называютъ житницей Пермской губерніи: въ урожайные годы отсюда вывозятся огромные излишки хлѣба.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ нѣтъ ничего, напоминающаго горнозаводскій Уралъ: нѣтъ ни одного завода, нѣтъ металлообрабатывающихъ промысловъ, рудниковъ, пріисковъ. Въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ трудовъ время нѣкоторые жители занимаются кустарничествомъ. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Соснов-

скомъ выдѣлываются для мѣстной продажи обороны и вѣялки. Жители Крестовской и Бѣлойрской волостей ткутъ большое количество холстовъ, Иванищевская волость вырабатываетъ для сельскаго населенія пояса и опояски, г. Далматовъ и Макарьевская волость—кружева и половики, а въ селахъ—Канашинскомъ и Иванищенскомъ развитъ кожевенный промыселъ.

Камышловскій и Ирбитскій уѣзды характеризуются тѣми же промыслами, что и Шадринскій: преобладающимъ занятіемъ является земледѣліе, а наряду съ нимъ существуетъ мѣстами мелкое кустарничество. Напримѣръ, въ деревнѣ Ивановой гнутъ ободья изъ березы, плетутъ кораба изъ прутьевъ черемухи, выдѣлываютъ кожи, валяютъ пимы, вяжутъ веревки. Только въ тѣхъ частяхъ обоихъ уѣздовъ, гдѣ они принадлежатъ къ Екатеринбургскому, нѣсколько проявляется въ занятіяхъ жителей горнозаводскій характеръ. Здѣсь есть желѣзные рудники (Каменскій заводъ) и каменноугольныя копи (Егоршино), дающія работы жителямъ.

Уѣздный г. Ирбитъ. Городъ Ирбитъ расположенъ при впадѣніи Ирбита въ Ницу и извѣстенъ на всю Россію ярмаркой, которая продолжается съ 25 января по 1 марта. Величина оборотовъ ярмарки достигаетъ 50—70 милліоновъ рублей, почему ее справедливо считаютъ первою послѣ Нижегородской. Главное мѣсто среди привозимыхъ сюда сибирскихъ товаровъ занимаетъ пушнина (мѣха), которой доставляется на сумму до 5 мил. руб. Затѣмъ идутъ кожи, шерсть, чай, ковры, рыба и проч. Всѣхъ азіатскихъ товаровъ привозится на 30—40 мил. рублей, а европейскихъ на 25—30 мил. руб. Среди послѣднихъ больше всего мануфактуры, за ней по цѣнности идутъ кожаныя издѣлія, золотыя и серебряныя вещи, галантерейные товары, готовое платье, посуда и т. п. За послѣдніе годы привозъ товаровъ на ярмарку значительно уменьшился, такъ какъ сдѣлки (купля-продажа) совершаются по образцамъ, привозимымъ на мѣста особенными служащими съ фабрикъ и заводовъ, откуда самый товаръ отправляется прямо торговцамъ.

Основаніе города Ирбита относится къ царствованію Михаила Феодоровича, когда (1630 г.) была заложена здѣсь Ирбитская слобода. Первоначальные жители слободы были переселены

Верхотурскимъ воеводою Корсаковымъ изъ вольныхъ гулящихъ людей, въ количествѣ 33 семей. Имъ была дана льгота отъ всякихъ податей на 6 л., а потомъ они должны были доставлять ежегодно по 180 четвертей ржи и по 225 четв. овса.

Земли Ирбитской слободы оказались настолько плодородными, что сюда начали переселяться крестьяне изъ сосѣднихъ пашенныхъ слободъ—Тагильской и Невьянской. Такимъ образомъ, число поселеній по р. Ирбиту и Ницѣ начало быстро увеличиваться.

Первымъ поводомъ къ возникновенію въ Ирбитской слободѣ ярмарки былъ старинный обычай всякаго русскаго села праздновать особенно торжественно свой храмовой праздникъ. Обыкновенно на сельскій праздникъ съѣзжаются погостить все ближайшіе сосѣди. Пользуясь стеченіемъ народа, сюда пріѣзжаютъ торговцы, разбиваютъ палатки и торгуютъ самымъ разнообразнымъ товаромъ.—Ирбитская слобода праздновала свой престольный праздникъ 6 января. Такъ какъ слобода занимала центральное положеніе относительно другихъ селъ и деревень, то съѣздъ сюда гостей и торговцевъ былъ самый многолюдный. Кромѣ того, развитію ярмарки помогла перемѣна направленія Сибирскаго пути, который, съ ростомъ заселенія нынѣшняго Ирбитскаго уѣзда, повернулъ на Ирбитскую слободу. Нѣкоторые торговцы, проѣздомъ въ Сибирь, попадали въ Ирбитскую слободу какъ разъ во время праздничнаго торжка и пробовали продавать свои товары и покупать пушный товаръ. Годъ отъ года число проѣзжихъ купцовъ становилось больше и больше, торговые обороты ярмарки увеличивались.

Въ царствованіе Петра и Іоанна (въ 1688 г.) правительство обратило вниманіе на развившуюся въ Ирбиту ярмарку и построило казенныя лавки, за пользованіе которыми брало съ торговцевъ плату.

Въ 1773 году въ слободѣ появились сторонники Пугачева и начали привлекать жителей въ свои отряды. Но здѣсь нашлись и противники бунта. Это были—свящ. Василій Удинцевъ и писарь Иванъ Мартышевъ. Они убѣдили населеніе остаться вѣрнымъ Императрицѣ Екатеринѣ второй. Вскорѣ пугачевцы окружили слободу со всѣхъ сторонъ. Такъ какъ войска въ ней

не было, а стѣны пришли въ ветхость, то положеніе слобожанъ было критическое. Мартышевъ собралъ отрядъ охотниковъ изъ мѣстныхъ жителей, напалъ на мятежниковъ и прогналъ ихъ до деревни Зайковой. Но здѣсь счастье ему измѣнило: онъ попалъ въ плѣнъ и былъ подвергнутъ пыткамъ. Благодаря хитрости, ему удалось бѣжать. Несмотря на перенесенныя страданія, онъ снова собралъ охотниковъ, снова ударилъ на враговъ и на этотъ разъ окончательно разсѣялъ ихъ.

13 января 1775 года послѣдовалъ Высочайшій на имя Тобольскаго губернатора указъ, въ которомъ говорилось: «Съ особливимъ удовольствіемъ извѣстились Ея Императорское Величество, что жители Ирбитской слободы во время бывшихъ замѣшательствъ, будучи со всѣхъ сторонъ окружены бунтующими селеніями и угѣсняемы нападеніями отъ злодѣйскихъ шаекъ, наблюдая истинное къ отечеству усердіе, не токмо пребыли въ непоколебимой вѣрности, но самопроизвольно избравъ и вооружа изъ самихъ себя немалую партію, храбро сопротивлялись даже до того, что и въ отдаленности отъ ихъ слободы устремлялись на злодѣевъ и поражали ихъ. Ея Величество, не оставляя никогда похвальныхъ заслугъ безъ достойнаго воздаянія, въ знакъ особливаго Ея Императорскаго Величества къ симъ вѣрноподаннымъ благоволенія, Ея Императорское Величество повелѣваетъ: Ирбитскую слободу учредить городомъ на основаніи прочихъ городовъ Россійскихъ».

Кромѣ того, правительство выдало 30 рублей «для завѣдыванія городской школы, дабы обучать катихизисъ, читать и писать, ариѳметикѣ и держанію купеческихъ счетовъ и книгъ». Мартышевъ былъ возведенъ въ дворянство, получилъ помѣстье въ Ирбитскомъ уѣздѣ и былъ лично награжденъ Государыней серебрянымъ ковшемъ.

Въ воспоминаніе заслугъ города ему былъ пожалованъ слѣдующій гербъ: прямо стоящій щитъ раздѣленъ на два поля; верхнее — серебряное, нижнее — красное. Въ первомъ изображенъ андреевскій крестъ, означающій непоколебимую вѣрность, а во второмъ помѣщены крестъ-на-крестъ меркурьевъ жезлъ и сабля. Это — символы торговаго значенія города и заслугъ во времена пугачевского бунта.

Въ настоящее время въ городѣ 8¹/₂ тыс. жителей, имѣется мужская прогимназія, женская гимназія, ремесленное и городское училище.

Уѣздный г. Камышловъ. Г. Камышловъ стоитъ на Тюменской линіи желѣзной дороги. Положеніе его въ центрѣ хлѣбородныхъ мѣстностей способствовало развитію въ немъ довольно значительной торговли хлѣбомъ. Въ городѣ около 12 т. жителей, имѣется мужская прогимназія, женская гимназія, городское и духовное училище.

Въ семи верстахъ отъ города имѣются Обуховскія сѣрно-соляныя минеральныя воды. Кромѣ нихъ, въ уѣздѣ есть еще Курьинскія минеральныя воды, находящаяся въ 15 верстахъ отъ станціи Богдановичъ. По своей живописно-прекрасной мѣстности и безукоризненно чистому воздуху, Курьи имѣютъ право на названіе гигиенической станціи, являющейся какъ бы уѣзжизщемъ для людей съ болѣзнями органовъ дыханія. Кромѣ леченія водами, больные пользуются кумысомъ, приготовляемымъ башкирами.

Каменскій заводъ. Въ Камышловскомъ уѣздѣ всего одинъ горный заводъ — Каменскій. Въ немъ выплавляется чугуны и отливаются водопроводныя трубы. Съ давнихъ поръ заводъ извѣстенъ, какъ пунктъ торговли сельско-хозяйственными произведеніями (хлѣбомъ, масломъ, яйцами, огурцами), которыя направляются сюда изъ южной части Камышловскаго и большей части Шадринскаго уѣзда.

Село Катайское. По значительной торговлѣ тѣми же сельско-хозяйственными продуктами заслуживаетъ быть отмѣченнымъ с. Катайское, въ которомъ имѣется городское училище.

Уѣздный г. Шадринскъ. Городъ Шадринскъ стоитъ на р. Исети и ведетъ большую торговлю хлѣбомъ, скотомъ, масломъ, мясомъ и кожами. Въ его уѣздѣ много мукомольныхъ мельницъ, расположенныхъ по р. Исети. Торговое значеніе города и громадная производительность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ уѣзда были причиною проведенія на Шадринскъ новой линіи желѣзной дороги.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ есть село Ивановское (Кресты), въ которомъ ежегодно бываетъ (съ 1 по 29 августа) довольно значительная ярмарка, съ оборотомъ до 3 мил. руб.

Екатеринбургскій уѣздъ.

Екатеринбургскій уѣздъ занимаетъ 25 тыс. кв. верстъ, съ населеніемъ 500 тыс. человекъ.

По западной его части проходятъ Уральскія горы и ихъ отроги, а остальная часть уѣзда представляетъ равнину, только мѣстами взволнованную каменистыми грядами и холмами различной высоты. Почва въ горахъ каменистая, въ предгоріяхъ болотистая и глинистая, а въ остальной части—суглинистая и черноземная. Количество чернозема въ почвѣ увеличивается по мѣрѣ движенія на юго востокъ. Климатъ уѣзда холодно-умѣренный; средняя температура зимы— 15° , а лѣта $+16^{\circ}$ С. Число теплыхъ дней (отъ послѣдняго весенняго заморозка до перваго осенняго) колеблется между 125 и 140. Выпадки дождя и снѣга въ теченіе года въ общей сложности захватываютъ до 100 дней.

Главной рѣкой уѣзда является Исеть и притоки р. Туры. Судоходства по нимъ нѣтъ. При помощи плотинъ на нихъ (особенно на Исети) образованы многочисленные пруды, водой которыхъ приводятся въ движеніе мукомольныя мельницы. Южная часть уѣзда богата озерами, разбросанными среди горъ, и считается красивѣйшей въ губерніи. Здѣсь же беретъ начало р. Чусовая.

Населеніе въ массѣ своей русское; только въ южныхъ волостяхъ живутъ башкиры. По роду занятій жителей уѣздъ въ равной степени горнозаводскій и земледѣльческій: почти половина его населенія занимается горнымъ промысломъ и связаннымъ съ нимъ кустарничествомъ, а другая—земледѣліемъ. Жители подгородныхъ селъ и заводовъ (Шарташъ, Уктусъ и Н.-Исетскій з.) занимаются огородничествомъ, продукты котораго имѣютъ всегда хорошій сбытъ въ городѣ. Заводы, рудники, золотые прииски, каменоломни, копи драгоценныхъ камней разбросаны по всему уѣзду. Поэтому населеніе, наряду съ земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, имѣетъ возможность добывать средства къ жизни работами по добыванію рудъ, выплавкѣ чугуна, выдѣлкѣ желѣза и стали; рубкой бревенъ и дровъ для заводовъ, жженіемъ угля, а также добычей золота, драгоценныхъ камней, ломкой гранита и т. п. работами.

Кустарные промыслы нигдѣ въ губерніи не получили такого развитія, какъ здѣсь. На первомъ мѣстѣ по количеству занятыхъ рукъ долженъ быть поставленъ кузнечно-слесарный промыселъ, кормящій до 6 тыс. человѣкъ. За нимъ слѣдуетъ гранильный съ камнерѣзнымъ, потомъ—производство земледѣльческихъ машинъ и орудій, экипажный, сундучный, мебельный, кожевенный, маслобойный и др. промыслы.

Уѣздный г. Екате- Екатеринбургъ стоитъ на р. Исети-
ринбургъ. Основаніе ему положено въ 1721 году капитаномъ Татищевымъ, командированнымъ на Уралъ Петромъ Великимъ. Дальнѣйшей постройкой его руководилъ генералъ Геннинъ. Въ 1723 году онъ вытребовалъ изъ Тобольска разныхъ мастеровъ и цѣлый полкъ солдатъ для ускоренія работъ по постройкѣ. Благодаря энергіи и усиленнымъ трудамъ Геннина, постройка была закончена въ 1726 году. Въ первоначальномъ видѣ Екатеринбургъ представлялъ собою горный заводъ, укрѣпленный рвомъ и валомъ для защиты отъ нападенія башкирцевъ, владѣнія которыхъ подходили къ нему очень близко. Названіе вновь построенному заводу было дано въ честь Императрицы Екатерины, супруги Петра Великаго.

Въ заводѣ были устроены двѣ доменныхъ печи, выплавлявшія чугуны, двѣ молотовыя, пильная, мельница и др. мастерскія. Всѣ машины приводились въ движеніе водой р. Исети, перехваченной плотиною.

Такъ какъ здѣсь поселился начальникъ всѣхъ заводовъ и рудниковъ Уральскаго хребта, то новый заводъ сразу сдѣлался горнозаводскимъ центромъ не только нынѣшней Пермской губ., но и Вятской, Уфимской и Оренбургской. Это значеніе онъ сохранилъ и до сихъ поръ.

Въ 1781 году, при образованіи Пермскаго намѣстничества, Екатеринбургъ сталъ областнымъ городомъ. Тогда же былъ дарованъ ему гербъ: на зеленомъ полѣ серебряная плавильная печь и рудокопная шахта.

Значеніе и ростъ города сильно увеличились съ открытіемъ на Уралѣ золота. Это случилось въ 1824 году.

Послѣ освобожденія крестьянъ Екатеринбургъ сталъ уѣзднымъ городомъ, и военное управленіе его было замѣнено гражданскимъ.

Выгодное положеніе въ центрѣ заводскаго и золотопромышленнаго дѣла было главнымъ условіемъ, способствовавшимъ развитію города. Въ настоящее время онъ имѣетъ почти 70 тыс. жителей и считается богатѣйшимъ на Уралѣ. Городъ обстроился необыкновенно пышно и широко, чѣмъ превосходитъ многіе губернскіе города внутренней Россіи. Улицы его прямы и просторны, многія частныя и общественныя зданія, а также и магазины, отличаются величиной и художественностью архитектуры. Въ центрѣ города сохранился (еще отъ основанія) большой красивый прудъ, окруженный гранитной набережной. На плотинѣ пруда разбитъ садъ, являющійся любимымъ мѣстомъ для гулянья всѣхъ классовъ населенія.

Узелъ желѣзныхъ дорогъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, множество фабрикъ, заводовъ и мельницъ, находящихся — какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, дѣлаютъ Екатеринбургъ важнымъ торгово-промышленнымъ центромъ Урала.

Кромѣ начальныхъ училищъ, въ городѣ имѣются: мужская и двѣ женскихъ гимназіи, реальное училище, прогимназіи (мужская и женская), торговая и художественно-промышленная школы, три городскихъ училища, духовная семинарія, учительскій институтъ и училища — епархіальное женское и духовное. Въ ближайшемъ будущемъ здѣсь будетъ открытъ политехникумъ.

Къ числу достопримѣчательностей города относится Императорская гранильная фабрика, гдѣ выдѣлываются художественныя вещи изъ уральскихъ камней для Императорскаго двора, и богатый коллекціями музей Уральскаго общества любителей естествознанія. Въ части города, носящей названіе Плѣшивой горы, находится магнитно-метеорологическая обсерваторія.

Около Екатеринбурга находится много селъ и заводовъ, являющихся какъ бы его пригородами. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія В.-Исетскій заводъ, находящійся въ одной верстѣ отъ города. Здѣсь выплавляется чугунонъ, большая часть котораго тутъ же передѣлывается въ различные сорта желѣза. Среди жителей завода развитъ мебельно-столярный промыселъ, издѣлія котораго имѣютъ сбытъ главнымъ образомъ въ Екатеринбургѣ.

Изъ р. Исети здѣсь образованъ огромный прудъ, растянувшійся въ длину на 20 верстъ. Обиліе въ немъ рыбы и масса разбросанныхъ по нему острововъ, поросшихъ лѣсомъ, дѣлають его мѣстомъ прогулокъ городскихъ жителей въ лѣтнее время.

Въ 13 верстахъ отъ Екатеринбургa, на р. Шышмѣ, разрабатываются богатѣйшіе въ губерніи Березовскіе золотые прииски.

Невьянскій заводъ. На старой линіи жел. дороги, идущей изъ Екатеринбургa на Пермь, расположенъ Невьянскій заводъ, одинъ изъ старѣйшихъ на Уралѣ (16 тыс. жителей). Онъ основанъ въ 1700 году и назывался первоначально Федьковскимъ, по имени находящейся неподалеку деревни Федьковки. Въ 1703 году всѣ заводы на Нейвѣ были переданы во владѣніе Никитѣ Демидову. Въ 1769 году Невьянскій заводъ однимъ изъ Демидовыхъ былъ проданъ Саввѣ Яковлеву, во владѣніи наслѣдниковъ котораго онъ находится и въ настоящее время. Изъ старинныхъ построекъ здѣсь сохранилась наклонившаяся надъ прудомъ башня, на которой имѣются часы съ курантами. Механизмъ ихъ, выписанный изъ Италіи еще при Демидовыхъ, исполнялъ множество музыкальныхъ піесъ звономъ въ особые колокола, отличающіеся замѣчательно пріятнымъ звукомъ. Въ настоящее время эти часы значительно повреждены, но все-таки указываютъ время, отбиваютъ четверти, получасы, часы и играютъ мелодіи.

Жители селенія, кромѣ заводскихъ работъ, промышленны на многочисленныхъ золотыхъ приискахъ, разбросанныхъ въ окрестностяхъ, занимаются сундучнымъ, шорнымъ и слесарнымъ промысломъ.

Дача Невьянскаго завода богата ископаемыми: въ ней разрабатываются залежи асбеста (горнаго льна), золотыя росы и богатѣйшія мѣсторожденія мѣднаго колчедана, котораго здѣсь добывается до милліона пудовъ въ годъ.

По линіи желѣзной дороги, идущей изъ Екатеринбургa на Челябинскъ, расположены — Мраморскій, Каслинскій и Кыштымскій заводы.

Мраморскій заводъ. Мраморскій заводъ лежитъ въ верстахъ отъ станціи Мраморской. Главное занятіе жителей его состоитъ въ изготовленіи изъ мѣстнаго мрамора ваннъ, умывальниковъ,

надгробныхъ памятниковъ, вазъ и т. п. предметовъ. Кромѣ того, изъ серпентина, малахита, мрамора и селенита здѣсь выдѣлываются различныя кабинетныя вещи: прессы, письменные приборы, ножи для разрѣзыванія бумаги, горки и проч. Заказы на издѣлія мраморскихъ кустарей получаютъ изъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи и изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Сибири.

Въ селеніи имѣется особая школа, гдѣ подростки и взрослые обучаются рисованію и обработкѣ камней.

Каслинскій заводъ. Каслинскій заводъ раскинулся по берегамъ Каслинскаго пруда и озера. — Основанный въ половинѣ 17 вѣка въ дремучихъ лѣсахъ Урала, онъ много способствовалъ увеличенію числа русскихъ поселеній въ южной части Екатеринбургскаго уѣзда. Первыми поселенцами его были крѣпостные Демидова изъ разныхъ губерній Россіи, а затѣмъ сюда начали стекаться раскольники.

Заводъ ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ. Въ зимнее время сюда на торжки привозится много рыбы, которая ловится на многочисленныхъ озерахъ, прилегающихъ къ заводу (Увильды, Ирякуль, Каслинское). Чугуннымъ художественнымъ литьемъ (статуэтки, бюсты, группы и проч.) заводъ извѣстенъ по всей Россіи.

Кыштымскій заводъ. Къ югу отъ Каслей находится Кыштымскій чугуно-мѣдеплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, являющійся по количеству жителей (20 т.), торгово-промышленной дѣятельности и благоустройству весьма значительнымъ пунктомъ губерніи. Онъ лежитъ въ одной изъ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстностей Пермской губерніи. Съ западной стороны къ заводу прилегаютъ довольно высокія горы, которыя какъ бы отдѣлены отъ главнаго хребта и разбросаны въ безпорядкѣ. Особенно живописна гора Юрма. — На востокѣ горъ уже нѣтъ: тамъ тянутся равнины, усѣяныя множествомъ озеръ. Окрестности Кыштыма, отличаясь замѣчательной красотой, вполне заслуживаютъ названія русской Швейцаріи. Въ климатическомъ отношеніи эта часть въ губерніи наилучшая; особенно хороша долина Соймоновскихъ пріисковъ, расположенныхъ въ 35 верстахъ къ югу отъ завода.

ХРЕСТОМАТІЯ.

У р а л ь .

Въ вѣнцѣ своихъ гранитныхъ скалъ
Хорошъ ты, мрачно-величавый,
Неисчислимо-многоглавый,
Красавецъ сѣвера — Уралъ!

Ты всталъ на грани двухъ равнинъ,
Какъ стража спящаго титана;
Конечный рядъ своихъ вершинъ
Грядой довелъ до океана,

Туманъ да вѣтеръ гдѣ живутъ,
Пустынь полярныхъ властелины,
Да гдѣ лазоревыя льдины
Хрустальнымъ призракомъ плывутъ.

Тамъ, въ дикой тундрѣ, ты почилъ
Громадой горныхъ исполиновъ:
Печальный камень Константиновъ
Твои предѣлы заключилъ....

Когда луна посеребрить
Горы безжизненной ступени, —
То, мнится, преклонивъ колѣни,
Гигантъ молящійся стоитъ...

Чему онъ молча шлетъ укоръ,
Скрестивши каменные руки?
Раздумье горькое или муки
Хранить въ себѣ застывшій взоръ?

Не разъ подъ музыку вѣтровъ,
Быть можетъ, вспомнить приходилось,
Какъ много, много ужъ вѣковъ
Надъ нимъ беззвучно прокатилось,

Какъ много лѣтъ красы ночей
На немъ сіяніе оѣлѣетъ;
Какъ лѣтомъ солнце его грѣетъ
Недолгой ласкою своей,

Какъ оѣлокудря мятель
На склонахъ гривы завиваетъ,
Поетъ и, тѣшася, взбиваетъ
Его несмятую постель.

Ничѣмъ природа не могла
Украстить здѣшнихъ великановъ,
И только дымкою тумановъ
Да мхомъ безцвѣтнымъ убрала.

Нигдѣ привѣтливимъ кустомъ
Нагія кручи не одѣты;
Средь голыхъ тундръ онѣ - скелеты
На мрачномъ кладбищѣ пустомъ.

Есть что-то мертвое въ скалахъ,
Въ пещерахъ темныхъ, сталактитахъ,
Въ порфирахъ, дѣвственныхъ гранитахъ,
Застывшихъ въ страшныхъ крутизнахъ...

На югѣ крайній рядъ цѣпей
Холмами къ морю разбѣжался
И безъ названій затерялся
Въ глухой дали его степей.

Въ срединѣ - спутанныхъ хребтовъ
Зеленокудряя громады
Воздвигли смѣлыя преграды
Для мертвыхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Природы мощная краса
Здѣсь въ неземныя сочетанья
Слила утесовъ очертанья,
Обрывы, пропасти, лѣса!

Здѣсь дивный, сумрачный Уралъ,—
Живой, таинственный и чудный,—
Роскошной тогой изумрудной
Свой горный станъ драпировалъ;

Прорѣзавъ неба синеву
Остроконечными зубцами,
Обвилъ могучую главу
Темнокудрявыми вѣнцами.

Непроходимые лѣса
Едва здѣсь солнце пропускаютъ;
Потоковъ горныхъ голоса
Въ глухихъ ущельяхъ не смолкаютъ.

Величья строгаго полны
Обрывы скалъ, къ водѣ склоненныхъ,
И кудри сосенъ искривленныхъ,
Межъ нихъ повисшихъ съ крутизны.

Когда дневной кончаетъ трудъ
Свѣтило дня, лучемъ прощальнымъ
Въ листву деревъ, по кручамъ дальнимъ,
Оно кидаетъ изумрудъ;

А потухая за горой,
На ложѣ тихаго заката, —
Румянецъ вечера богато
Рисуетъ въ глади водяной.

Какъ очарованные, спятъ
Тогда и лѣсъ, и скалъ ступени;
Въ водѣ, какъ призраки, стоятъ
Ихъ опрокинутыя тѣни.

И мнится,—горы и струи
Въ объятъя неба заключили
И тайны неба и земли
Въ своемъ союзѣ примирили....

Е. Гадмеръ

Краткій историческій очеркъ Пермскаго края.

Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ двигался въ горы Урала. Его влекли сюда минеральныя сокровища, обиліе въ лѣсахъ пушныхъ звѣрей и множество рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. Кромѣ того, въ горахъ и лѣсахъ первобытнѣйшій человѣкъ видѣлъ надежную защиту отъ внезапныхъ нападений врага.

Памятники отъ этихъ древнѣйшихъ обитателей края, въ видѣ оружія, черепковъ глиняной посуды, украшений, орудій и проч., находили и находятъ при раскопкахъ древнѣйшихъ поселений (городищъ) и стоянокъ. Изученіе этихъ памятниковъ Пермской старины, о которой не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ разсказовъ, привело людей къ убѣжденію, что задолго до прихода на Уралъ русскихъ здѣсь жили такіе же инородцы, какіе уцѣлѣли и до настоящаго времени, а именно: остяки, пермяки, вогулы, зыряне (на сѣверѣ и западѣ) и башкиры (на югѣ). Эти народы въ незапамятныя времена придвинулись сюда изъ Азій, потомъ перевалили черезъ горы и расселились даже къ западу отъ нихъ. Одни изъ этихъ племенъ остались бродячими (вогулы и зыряне), другіе повели кочевой образъ жизни (башкиры), а третьи — рано стали заниматься земледѣліемъ и зажили осѣдло (пермяки).

Еще задолго до основанія Русскаго государства въ нашъ край проникали иногда купцы изъ отдаленныхъ странъ востока и вывозили отсюда мѣха. Центромъ торговли края былъ городъ Болгары, стоявшій при устьѣ рѣки Камы.

Древнѣйшіе жители страны, носившіе названіе чуди, или чудаковъ, были грубые идолопоклонники. Они боготворили небесныя свѣтила, почитали священные камни, деревья и различныхъ животныхъ. Божества ихъ имѣли видъ людей и различныхъ животныхъ, грубо сдѣланныхъ изъ камня или дерева. Главными божествами считались Войпель и Золотая Баба. Идолъ перваго божества имѣлъ видъ мужчины съ чашей на колѣнахъ, а второе божество изображалось старухой съ двумя младенцами. Жертвы идоламъ приносились волхвами, или кудесниками. Они

убивали лучшихъ домашнихъ животныхъ и кровью ихъ мазали губы идоламъ. Вѣра въ злыхъ и добрыхъ духовъ также была распространена между чудью. Управлялись чудскія племена своими князьями.

Первыми изъ русскихъ забрались въ западную часть Пермскаго края (нынѣшнюю Вологодскую губернію) въ XI вѣкѣ новгородцы. Они проникли сюда съ сѣверо-запада, по р. Вычегдѣ, и образовали маленькія укрѣпленныя поселенія—городки и остроги. Русскіе вымѣнивали у обитателей страны мѣха и везли ихъ въ Великій Новгородъ. Вскорѣ, кромѣ мѣховъ, русскіе нашли въ краѣ новое богатство—соль, которая въ старину цѣнилась очень дорого. Выварка соли привлекла сюда многихъ промышленниковъ, и вскорѣ вся страна по рѣкѣ Вычегдѣ получила названіе «Соль-Вычегодская». Отсюда предприимчивые люди двинулись дальше къ востоку и заняли мѣста по р.р. Вяткѣ и верхней Камѣ. Они и здѣсь нашли богатые соляные ключи и положили начало новымъ русскимъ поселеніямъ. Слава о богатой восточной сторонѣ, которую именовали Великой Пермью, быстро распространялась въ Московской и Новгородской области, и число русскихъ въ Пермскомъ краѣ увеличилось. Во времена татарскаго нашествія сюда хлынули новыя волны русскихъ, искавшихъ въ глуши лѣсовъ и болотъ убѣжища отъ страшнаго врага.

Первые русскіе поселенцы принесли сюда зачатки иной жизни и христіанской вѣры, противъ которыхъ не могли устоять финны и мало-по-малу стали перенимать то и другое.

Въ 1379 году въ Великую Пермь*) пришелъ проповѣдывать христіанскую вѣру св. Стефанъ. Много оскорбленій и грубыхъ насмѣшекъ пришлось ему перенести отъ кудесниковъ и невѣжественныхъ пермяковъ. Особенно сильное сопротивленіе св. Стефану оказалъ главный жрецъ Пама. Видя, что многіе пермяки крестятся, что власть его надъ народомъ ускользаетъ, Пама

*) По мнѣнію А. Дмитриева, знатока Пермской старины, Великая Пермь занимала площадь уѣздовъ: Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго, часть Кунгурскаго и Оханскаго, а также Глазовскаго и Слободскаго, Вятской губерніи.

предложилъ проповѣднику пройти черезъ огромный костеръ, чтобы рѣшить, чья вѣра правильная. Св. Стефанъ рѣшительно принялъ его вызовъ, но съ условіемъ, если Пама пойдетъ одновременно съ нимъ черезъ огонь. Кудесникъ отказался итти. Народъ сразу потерялъ въ него вѣру, и Памѣ пришлось скрыться.

Для новообращенныхъ христіанъ св. Стефанъ строилъ церкви и основывалъ при нихъ школы. Преемники его: Герасимъ, Питиримъ и Иона продолжали дѣло насажденія христіанства въ краѣ и успѣли крестить племена, обитавшія по средней Камѣ, Вишерѣ и Чусовой.

Почти до конца XV вѣка—какъ коренные жители, такъ и поселенцы не были въ зависимости отъ русскаго князя и не платили ему дани. Въ царствованіе Іоанна III въ Пермь Великой были обижены мѣстными жителями московскіе купцы. Царь воспользовался этимъ случаемъ и послалъ войска для наказанія и покоренія пермяковъ. Въ 1472 году къ устью рѣчки Черной (притокъ Сысолы, впадающей въ Вычегду) прибылъ съ войскомъ воевода князь Пестрый. Отсюда онъ отправилъ отрядъ на Чердынъ и Покчу, а самъ двинулся къ городу Искеру. На р. Колвѣ онъ разбилъ рать пермяковъ и, такимъ образомъ, покорилъ ихъ. Въ послѣдующее время краемъ продолжали управлять туземные князьки, но они уже стали платить дань русскому князю. При правителяхъ были княжескіе воеводы, которые наблюдали за порядками управленія. Послѣднимъ туземнымъ княземъ былъ Матвѣй, замѣненный въ 1505 году намѣстникомъ, назначеннымъ царемъ. Намѣстники сами собирали дань съ инородцевъ и должны были доставлять ее въ казну. Но такъ какъ должности имъ давались безъ жалованья, то они старались какъ можно больше обогатиться и собирали много податей въ свою пользу. Поэтому покореннымъ жителямъ Пермь Великой жилось очень тяжело во времена управленія намѣстниковъ. Татары, башкиры и остяки, жившіе за Уральскими горами, часто нападали на русскія поселенія. Иногда къ нимъ присоединялись пермяки, зыряне и вогулы, въ надеждѣ изгнать русскихъ. Они жгли и грабили русскія поселенія, а жителей убивали или продавали въ плѣнъ. Въ виду

этого, русскимъ приходилось быть постоянно готовыми къ отраженію непріятелей, необходимо было укрѣплять поселенія тыномъ или деревянными стѣнами, строить башни и рыть рвы.

Несмотря на опасную и тревожную жизнь въ новомъ для русскихъ краѣ, въ XVI вѣкѣ количество русскихъ поселеній увеличилось. Они были основаны выходцами изъ нынѣшнихъ Новгородской, Вологодской и Вятской губ. Сюда устремлялись тѣ крестьяне, которымъ тяжело жилось на Руси.

По мѣрѣ заселенія Пермской земли и открытія ея соляныхъ богатствъ, внутри Россіи все больше и больше стали распространяться заманчивыя вѣсти объ этомъ краѣ. Тогда за простыми поселенцами потянулись сюда и богатые предприимчивые люди, въ числѣ которыхъ первыми были Строгановы.

Предокъ нынѣшнихъ Строгановыхъ, Аника Федоровичъ, имѣлъ сначала соляныя варницы въ Соль-Вычегодскѣ, а потомъ повелъ торговлю съ мѣстными финскими племенами, которыя привозили ему цѣнные мѣха и мѣняли ихъ на предметы первой необходимости. Узнавъ объ огромныхъ соляныхъ богатствахъ на Камѣ (около нынѣшняго Соликамска), онъ отправился въ 1558 году въ Москву и выхлопоталъ себѣ всѣ земли по лѣвому берегу Камы внизъ отъ Пыскора до р. Чусовой. Черезъ 10 лѣтъ ему были пожалованы всѣ земли по р. Чусовой до ея верховья и было предоставлено неограниченное право владѣть рыбными и звѣриными ловлями, строить варницы, города, укрѣплять ихъ, имѣть оружіе и содержать наемное войско. Последнее было необходимо, потому что владѣнія Строгановыхъ соприкасались съ царствомъ сибирскихъ татаръ, которые часто нападали на владѣнія русскихъ, считая себя въ правѣ собирать дань съ тѣхъ туземныхъ племенъ, которыя оказались на пожалованной Строганову землѣ. Располагая огромной властью въ краѣ, владѣя всѣми его богатствами, Строгановы быстро разбогатѣли. Желая обезопасить свои владѣнія отъ набѣговъ татаръ, они рѣшили совершенно уничтожить ихъ царство.

Въ 1579 году они позвали къ себѣ донскихъ казаковъ, промышлявшихъ разбоемъ на Волгѣ и укрывшихся отъ преслѣ-

дованія царскихъ войскъ въ низовьяхъ Камы. Въ іюнѣ того же года Ермакъ съ товарищами явился на Чусовую и поступилъ на службу къ Строгановымъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ казаки помогали имъ отражать нападенія вогуль, татаръ, вотяковъ и пелымцевъ. А за это время Строгановыми былъ подготовленъ походъ въ Сибирь. Они снабдили Ермака пушками, съѣстными и боевыми припасами, дали отъ себя подкрѣпленіе въ 300 чел. и весь отрядъ, состоявшій изъ 840 чел., отправили за Уральскія горы. Походъ начался 1 сентября 1581 года. Изъ Чусовскихъ Городковъ, гдѣ было постоянное пребываніе войска, Ермакъ отправился на судахъ вверхъ по Чусовой. Поднявшись, затѣмъ, по рѣчкѣ Серебряной, казаки вышли на берегъ и основали городокъ, названный Ермаковымъ Кокуемъ. Отсюда лодки были переволочены въ р. Баранчу, по которой войско спустилось въ рѣку Тагиль, а затѣмъ въ р. Туру. Здѣсь уже начиналась Сибирская страна.

Послѣ многочисленныхъ стычекъ съ татарами Ермакъ, наконецъ, побѣдилъ Кучума и его племянника Махметъ-Куля и 26 октября 1582 г. овладѣлъ столицей Сибирскаго царства—Искеромъ, или Сибирью (около нынѣшняго Тобольска).

Ермакъ, по преданію, утонулъ въ рѣчкѣ Иртышѣ, спасаясь вплавъ отъ неожиданно напавшихъ на него татаръ. Его именемъ на Уралѣ называется много горъ, пещеръ и различныхъ мѣстностей.

Покореніе Сибирскаго царства окончательно упрочило положеніе русскихъ на Уралѣ. Съ этого времени начинается быстрое заселеніе средняго Урала, по которому шла дорога въ новое царство. Путь этотъ пролегалъ отъ Соликамска на Верхотурье (Бабиновская дорога) и далѣе—на нынѣшній Тобольскъ. Въ XVII вѣкѣ, кромѣ бѣглыхъ, на Уралъ стало переселяться много раскольниковъ, которые находили среди непроходимыхъ лѣсовъ покой и свободу вѣроисповѣданія («Кержаки» — выходцы съ р. Керженца). Строгановы покупали крестьянъ во внутреннихъ областяхъ Россіи и заселяли ими многія мѣста. Такъ протекала жизнь Пермскаго края до временъ Петра Великаго.

Въ царствованіе преобразователя Россіи жизнь выдвинула крестьянина Тульской губерніи Никиту Демидыча Антуфьева, который является родоначальникомъ извѣстной на Уралѣ фамиліи Демидовыхъ, основателей горнаго дѣла.

Родился Никита Антуфьевъ около Тулы (въ 1656 г.). Желая избавиться отъ военной службы, онъ бѣжалъ изъ родного дома въ Тулу и здѣсь нанялся въ работники къ кузнецу. Научившись кузнечному дѣлу, онъ завелъ свой небольшой заводъ для выплавки чугуна и выдѣлки желѣза.

Въ 1696 году, проѣздомъ въ Воронежъ, въ Тулѣ остановился Петръ Великій и во время обѣда спросилъ намѣстника, нѣтъ ли у него въ городѣ такого молодца, который могъ бы починить ему пистолетъ заграничной работы. Намѣстникъ отвѣтилъ, что есть одинъ смысленый слесарь, который чинитъ ружья. По приказу намѣстника къ царю явился молодой парень Никита. Осмотрѣвъ внимательно заморское произведеніе, онъ рѣшительно отвѣтилъ, что можетъ починить пистолетъ.

«На, почини», сказалъ Петръ, «но, смотри, не испорти. Испортишь,—худо будетъ, а починишь, спасибо скажу».

Возвратившись черезъ 6—8 недѣль въ Тулу, царь прежде всего спросилъ о пистолетѣ. Намѣстникъ отвѣтилъ, что пистолетъ давно готовъ. Позвали молодого мастера къ царю. Осмотрѣвъ пистолетъ и попробовавъ пружины, онъ сказалъ: «Хорошо. Я доволенъ. Спасибо тебѣ, молодецъ! Но когда же вы у меня сами будете дѣлать подобныя вещи?»

—Да хоть сейчасъ, Государь! Какъ будто и Богъ вѣсть какая диковинка эта заморщина!»

«Гериѣтъ не могу похвальбишекъ! Мы-де все умѣемъ дѣлать, а какъ заставишь,—ничего путнаго не сдѣлаютъ», сказалъ сердито Петръ Великій.

—«Ну, я тебѣ вотъ что скажу, Великій Государь», смѣло сказалъ Никита, «ты такія рѣчи о комъ хошь говори, но не обо мнѣ. Ты посмотри-ка пистолетъ: вѣдь этотъ сдѣлалъ я, да онъ и прочіе твоего будетъ. Твой лежитъ у меня и, коли не вѣришь, сбѣгаю и принесу».

«Бѣги и принеси», сказалъ удивленный царь.

Быстро принесъ Никита пистолеть, развинтилъ его и показалъ внутри какія то клейма. Убѣдился царь, обнялъ и поцѣловалъ молодого парня.

Такъ сталъ извѣстенъ Никита Антуфьевъ царю. Онъ осмотрѣлъ въ Тулѣ небольшую фабрику Никиты и заказалъ ему сдѣлать нѣсколько ружей на иностранный манеръ и приказалъ отвести близъ Тулы Никитѣ нѣсколько десятинъ земли для добыванія руды.

Въ томъ же году Верхотурскій воевода Протасьевъ доставилъ въ Москву найденную имъ въ Уральскихъ горахъ магнитную руду. Петръ Великій приказалъ послать ее на пробу въ Тулу Демидычу. Онъ выдѣлалъ изъ руды желѣзо, сдѣлалъ изъ него ружейный стволъ и копье и убѣдился, что желѣзо лучше шведскаго, которое славилось тогда по всей Европѣ. Понимая выгоды, какія можно было получить отъ обработки открытыхъ на Уралѣ рудъ, Демидычъ въ 1702 году ѣдетъ въ Москву и «бьетъ челомъ Великому Государю» объ отпускѣ его съ сыномъ на Уралъ. Въ томъ же году состоялся указъ, по которому Никитѣ Демидову были отданы огромнѣйшія пространства на Уралѣ съ тѣмъ, чтобы онъ доставлялъ въ казну всякіе воинскіе припасы: пушки, мортиры, бомбы, гранаты и проч.

Тулъскіе мужики умѣло принялись за дѣло. Съ 1716 по 1725 годъ они выстроили четыре новыхъ завода. Такъ какъ даровыхъ рабочихъ рукъ не хватало, то, по просьбѣ владѣльцевъ, имъ приписывали въ собственность прежнихъ вольныхъ поселенцевъ края. Демидовскіе заводы росли, и хозяева ихъ быстро богатѣли, такъ какъ на товаръ ихъ былъ большой спросъ и цѣны на него были высокія. Самимъ же заводчикамъ желѣзо обходилось крайне дешево, благодаря почти даровой работѣ крѣпостныхъ. Дѣти и внуки Демидыча уже владѣли миллионными богатствами.

Нуждаясь въ металлахъ для пушекъ (мѣдь) и снарядовъ (чугунъ), Петръ Великій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы развить горное дѣло на Уралѣ. Съ этой цѣлью онъ издалъ (въ 1719 г.) манифестъ, которымъ предоставлялось право разыскивать руды и строить заводы людямъ всякаго званія. Вскорѣ,

затѣмъ, было разрѣшено покупать крестьянъ внутри Россіи и выселять ихъ на Уральскіе заводы.

Хотя много льготъ давалось основателямъ заводовъ, но рудники, лѣса и заводы съ землями и людьми отдавались имъ на время, только до тѣхъ поръ, пока они снабжаютъ казну металлами и издѣліями изъ нихъ. Съ теченіемъ времени, эти первоначальныя условія забылись, и заводчики стали смотрѣть на людей и земельныя богатства, какъ на свою собственность. Такъ создалось на Уралѣ, такъ называемое, посессионное право на лѣса и заводы, сами же владѣльцы получили названіе посессионеровъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны были подарены на Уралѣ многія земли Бирону, отъ котораго онѣ перешли во владѣніе Шувалова. Въ послѣдующія царствованія также были случаи раздачи уральскихъ земель съ крестьянами разнымъ царедворцамъ. Такъ появились на Уралѣ собственники, въ рукахъ которыхъ оказались огромныя пространства съ крестьянами, лѣсами и минеральными богатствами.

Одновременно съ частными основаны были и казенные заводы, къ которымъ мѣстное населеніе приписывалось въ качествѣ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, населеніе края, составившееся изъ мѣстныхъ финновъ и самаго разнообразнаго русскаго люда, переселившагося сюда волей и неволей, оказалось въ концѣ концовъ прикрѣпленнымъ къ казенной и частной землѣ. Изъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, конечно, не всѣ работали на заводахъ. Большая часть ихъ, жившая вдали отъ заводовъ, къ востоку и западу отъ горъ, продолжала заниматься обработкой земли, но была обложена повинностями или же денежнымъ оброкомъ. Крестьяне, работавшіе на заводахъ, назывались «непремѣнными» работниками. При прежнихъ способахъ добычи руды и выработки металловъ заводская и рудничная работа была крайне тяжела, поэтому трудъ крѣпостныхъ нигдѣ не былъ такъ тягостенъ, какъ на Уралѣ. Всѣ заводскіе рабочіе, составлявшіе собственность заводовъ, получали отъ нихъ все необходимое: пищу, одежду, инструменты и т. д. Денежная плата была очень

ничтожна; такъ, при Петрѣ Великомъ Демидовы платили пѣшему работнику 5 коп. въ день, а конному—10 коп. Невысока плата была и послѣ.

Трудность жизни рабочаго люда увеличивалась еще тѣмъ, что заводовладѣльцы сами на Уралѣ не жили, а всѣ дѣла по управленію и хозяйству передавали управляющимъ, которые были безконтрольны, допускали много произвола и безчеловѣчной жестокости. Жаловаться на нихъ было некуда. Въ старыхъ палатахъ Демидовыхъ въ Невьянскомъ и Н.-Тагильскомъ заводахъ впослѣдствіи находили прикованными къ стѣнамъ человѣческіе скелеты, а на днѣ заводскихъ прудовъ они попадались десятками.

Здоровье людей, получавшихъ скудное питаніе, быстро надламывалось отъ стоянія въ ледяной водѣ рудниковъ и шахтъ, отъ жара доменныхъ печей и угнетеннаго состоянія духа, созданнаго подневольнымъ тяжелымъ трудомъ. О школахъ и обученіи населенія никто не думалъ, а между тѣмъ, суровая природа и тяжелыя условія жизни способствовали тому, что народъ грубѣлъ, коснѣлъ въ темнотѣ и невѣжествѣ. Драки, кулачные бои и пьянство были единственными развлеченіями послѣ тяжелаго труда.

Такъ продолжалось до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года многое измѣнилъ на Уралѣ. Люди, бывшіе собственностью заводовъ, стали лично свободными. Но матеріальное положеніе ихъ мало измѣнилось къ лучшему, такъ какъ земля осталась за казной и владѣльцами заводовъ. Заводскіе крестьяне, не работавшіе на заводахъ, а занимавшіеся земледѣліемъ, получили въ собственность только усадьбы, т. е. избы съ дворомъ и огородомъ, и сохранили за собой право обрабатывать прежнія поля за опредѣленную плату въ пользу владѣльцевъ или казны.

Мастеровые же, т. е. прежніе непремѣнные работники, кромѣ усадебъ, получили еще право пользоваться покосами небольшихъ размѣровъ.

Только въ настоящее время заканчивается надѣленіе горно-заводскаго населенія землей въ количествѣ отъ 6 до 12 десятинъ на душу.

Въ административномъ отношеніи исторія Пермскаго края имѣла слѣдующіе этапы. Въ 1708 году Петръ Великій раздѣлилъ Россію на 8 губерній, и пространство, занимаемое нынѣшней Пермской губерніей, вошло въ составъ Сибирской губ. Только г. Оса съ областью былъ причисленъ къ Казанской губерніи. Въ числѣ городовъ Сибирской губерніи упоминаются: Верхотурье, Кунгуръ, Пермь-Старая (Усть-Вымь), Чердынь и Соликамскъ.

Въ 1719 году Россія была вновь раздѣлена на 11 губерній, а послѣднія дѣлились на провинціи и уѣзды. Сибирская губернія была раздѣлена на три провинціи: Вятскую, Соль-Камскую и Тобольскую. Соль-Камская провинція имѣла города: Соль-Камскую, Пермь-Великую и Чердынь. Верхотурье вошло въ составъ Тобольской провинціи, а Кунгуръ былъ причисленъ къ Вятской. Въ царствованіе Екатерины второй (1781 г.) Пермскій край вошелъ въ ту рамку, въ которой находится нынѣшняя губернія, и носилъ названіе Пермскаго намѣстничества. Пермская губернія была учреждена въ 1797 году.

При составленіи очерка были использованы слѣдующіе матеріалы:

1. А. Дмитріевъ — „Пермская старина“, 2. Смѣшляевъ — „Матеріалы для исторіи Пермской губ. и Перми“, 3. Весновскій — „Путеводитель по Уралу“, 4. Березинъ — „Ураль“, 5. Рубакинъ — „Знаменитые русскіе работники“, 6. Соловьевъ — „Начало горнаго промысла на Уралѣ“ и нѣкот. др.

Кустарные промыслы въ Пермской губ.

Въ Пермской губерніи достигли значительнаго развитія многіе кустарные промыслы. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: слесарный, кузнечно-клепальный, кожевенный, производство сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, экипажный съ колеснымъ, мебельно-столярный, гранильный съ камнерѣзнымъ, сундучный, бурачный и нѣкоторые другіе.

Кустарной промышленностью въ губерніи занято свыше 28 тысячъ человекъ, которые вырабатываютъ разныхъ предметовъ на сумму до 8 миллионъ рублей.

Кузнечно-слесарный промыселъ.

Кузнечно-слесарный промыселъ является самымъ распространеннымъ въ губерніи: имъ занимается до 6 тыс. рабочихъ, которые производятъ товаровъ на миллионъ рублей.

Всѣ кузнечно-слесарныя мастерскія могутъ быть подраздѣлены на два вида: сельскія и заводскія.

Сельскіе кузнецы владѣютъ полями и занимаются хлѣбопашествомъ. Во время полевыхъ работъ они обыкновенно прекращаютъ работу въ кузницѣ. Особенной оживленностью отличается ихъ работа передъ началомъ страды, когда каждый крестьянинъ спѣшитъ отремонтировать свои орудія. Въ это время въ сельскихъ кузницахъ идетъ исправленіе боронъ, сохъ, оковка колесъ и т. п. Въ другое время кузнецы бываютъ заняты изготовленіемъ для продажи на ближайшихъ базарахъ и ярмаркахъ предметовъ крестьянскаго обихода: топоровъ, вилъ, молотковъ, бабокъ для отбиванія косъ, конскихъ пугъ, ухватовъ, дверныхъ скобокъ, петель и т. д.

Кузницы, находящіяся въ заводахъ, дѣйствуютъ большею частью безостановочно и во время полевыхъ работъ. Ихъ издѣлія почти исключительно сбываются на рынкѣ. Заводскіе кузнецы и слесари избираютъ себѣ одинъ какой нибудь видъ издѣлій (спеціализируются) и выдѣлку другихъ уже не берутъ на себя. Такъ, напримѣръ, въ заводахъ имѣются мастерскія, вырабатывающія только гвозди, другія готовятъ только лопаты, третьи заняты производствомъ цѣпей или замковъ и т. д.

Наиболѣе развитъ кузнечно-слесарный промыселъ въ Бисертскомъ и Саранинскомъ заводѣ—Красноуфимскаго уѣзда, въ Пышминскомъ, Н.-Исетскомъ, Ревдинскомъ и Каслинскомъ заводахъ—Екатеринбургскаго уѣзда, Н.-Тагильскомъ—Верхотурскаго уѣзда, Юго-Камскомъ—Пермскаго уѣзда и въ Камбарскомъ—Осинскаго уѣзда.

Къ кузнечно-слесарному промыслу близокъ по характеру своему кузнечно-клепальный, къ которому относится изготовле-

ніе издѣлій изъ желѣза безъ нагрѣванія его. Сюда же относится приготовленіе ковшей, при которомъ чашка ковша для приданія выгиба два раза нагрѣвается, а окончательная отдѣлка его производится въ холодномъ состояніи.

Всего по губерніи занято кузнечно-клепальнымъ промысломъ около 600 рабочихъ, изготовляющихъ издѣлій на 300 тысячъ рублей.

Пунктами особенно значительнаго развитія этого промысла являются уѣзды: Екатеринбургскій (33 заведенія), Верхотурскій (32 заведенія), Пермскій (21) и Красноуфимскій (12). Самаго высокаго развитія кузнечно-клепальное дѣло достигло въ Н.-Тагилскомъ заводѣ.

Изготавливаемые здѣсь издѣлія могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: 1) принадлежности рудничнаго и приискаго дѣла: желѣзныя бадьи, ушаты, желѣзныя трубы къ насосамъ, золотопромывные ковши, 2) предметы, служащіе для различныхъ хозяйственныхъ потребностей: желѣзныя печки, ведра, подойники, чайники, рукомойники, корыта для стирки бѣлья, подносы и т. п. Машины и станки этого производства, даже въ Тагилѣ, отличаются простотой и старинной конструкціей; тутъ виденъ застой, незнакомство съ тѣмъ, что давно извѣстно за границей. Главными инструментами являются молотокъ и большія ножницы.

Вотъ, на примѣръ, какъ дѣлаются ковши. Берется листовое желѣзо и ножницами обрѣзывается въ видѣ кружковъ нужной величины, съ полоской желѣза въ одномъ мѣстѣ для будущей ручки. Затѣмъ круги складываются въ пачки по семи штукъ, помѣщаются въ кузнечный горнъ и нагрѣваются докрасна. Въ раскаленномъ видѣ пачки одна за другой проковываются на особой наковальнѣ, имѣющей видъ чашки такого размѣра, какого желательно имѣть ковши. Молотки при этомъ употребляются также особой формы: пятка ихъ не плоская, а выпуклая, соответственно чашкѣ наковальни. Окончательная выковка получается послѣ второго нагрѣванія. Затѣмъ пачки разбиваютъ на отдѣльные ковши, которые выправляются на той же наковальнѣ въ холодномъ видѣ. Наконецъ, у cadaго ковша загибается трубочкой ручка и выравниваются края.

Заслуживаетъ также вниманія приготовленіе подносовъ.

Накроенное ножницами желѣзо связывается желѣзными обрѣзками въ пачки по 5—7 штукъ и выгибается молоткомъ въ холодномъ видѣ по желательной формѣ. Ручнымъ же способомъ производится потомъ загибаніе края около заложеной подъ него проволоки. Затѣмъ слѣдуетъ раскраска. Она дѣлается при помощи вырѣзанныхъ изъ бумаги трафаретокъ. Поэтому главное искусство и изобрѣтательность мастера состоитъ въ вырѣзываніи трафаретокъ и въ подборѣ красокъ. Прежде чѣмъ нанести рисунокъ, подносъ грунтуютъ, т. е. покрываютъ олифой, а затѣмъ уже по трафареткамъ раскрашиваютъ кисточкой. Иногда въ продажѣ встрѣчаются подносы съ переведенными на нихъ картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: когда грунтовка загустѣетъ, подсохнетъ, на нее накладываютъ вырѣзанную изъ книги или стараго журнала картинку и даютъ ей нѣкоторое время полежать; затѣмъ бумагу удаляютъ. Послѣ полной просушки подносы покрываютъ съ лицевой стороны лакомъ.

Въ красильняхъ работаютъ главнымъ образомъ женщины, для которыхъ это дѣло является самымъ подходящимъ, такъ какъ не требуетъ большой силы.

Гранильный и камнерѣзный промыселъ.

Екатеринбургъ и его уѣздъ являются центромъ гранильнаго и камнерѣзнаго дѣла на Уралѣ.

Пріѣзжающему въ Екатеринбургъ мелкіе торговцы — разносчики тутъ-же, на вокзалѣ, предлагаютъ купить различныя вещицы изъ уральскихъ камней, а въ самомъ городѣ бросаются въ глаза многочисленныя вывѣски: «Мастеръ каменныхъ вещей», «Продажа каменныхъ вещей», «Уральскіе камни».

Гранильнымъ промысломъ занимаются — какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестныхъ заводахъ: Березовскомъ, Н.-Исетскомъ и В.-Исетскомъ. Камнерѣзный промыселъ сосредоточенъ главнымъ образомъ въ Мраморскомъ заводѣ.

Въ Екатеринбургѣ кустарями производится граненіе разноцвѣтныхъ дорогихъ камней (топаза, аметиста, хризолита и др.),

приготавливаются бусы, печати; исполняются также различныя настольныя вещи, вазы, горки и цѣлыя рельефныя картины. Въ заводахъ же выдѣлываются печати, пуговицы, запонки, бусы и т. п.

Производство гранильныхъ издѣлій приноситъ большія выгоды только тѣмъ мастерамъ, которые имѣютъ возможность сбывать свои издѣлія прямо покупателямъ, а не торговцамъ и содержателямъ магазиновъ.

Къ недостаткамъ промысла нужно отнести отсутствіе изящества и художественности въ издѣліяхъ, по сравненію съ заграничными. Взявъ любое прессъ-папье, вазу или печать нынѣшняго мастера и сравнивъ ихъ съ таковыми же издѣліями его отцовъ и дѣдовъ, увидимъ, что въ нихъ нѣтъ замѣтнаго совершенствованія—ни въ формѣ, ни въ украшеніяхъ. Причина этого лежитъ въ отсутствіи не только художественнаго образованія кустарей, но часто и простой грамоты.

Чтобы развить вкусъ къ изящному, познакомить съ лучшими образцами издѣлій, съ приѣмами ихъ производства и съ усовершенствованными инструментами, въ Екатеринбургѣ открыта художественно-промышленная школа.

Центромъ камнерѣзнаго дѣла является, какъ уже было упомянуто, Мраморскій заводъ. Онъ расположенъ почти на гребнѣ Уральскаго хребта, бокъ-о-бокъ съ громадными залежами мрамора, встрѣчающагося въ его окрестностяхъ въ видѣ цѣлыхъ горъ.

Еще во времена крѣпостного права здѣсь была казенная фабрика для обработки мрамора. Она и утвердила за селеніемъ названіе «завода». Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости фабрика была закрыта, а окрестныя земли съ залежами мрамора перешли въ надѣлъ сельскому обществу. Съ этого времени мраморный промыселъ въ заводѣ начинаетъ быстро развиваться и мало-по-малу дѣлается главнѣйшимъ источникомъ существованія мѣстнаго населенія.

Незначительная часть мѣстныхъ кустарей занимается выдѣлкой разныхъ мелкихъ вещей изъ серпентина, змѣевика, моховика и шифера. Главнѣйшій же матеріалъ для промысла составляетъ мраморъ. Мастера пользуются не только мѣстнымъ мраморомъ.

моромъ, но за послѣднее время начали добывать и обрабатывать камень изъ другихъ мѣстностей уѣзда. Хорошіе (красивые) сорта мрамора кустари достаютъ изъ дачь Полевскаго завода (голубой мраморъ) и Н.-Тагильскаго (красный). Кромѣ мелкихъ издѣлій, изъ мрамора дѣлаются памятники, плиты для половъ, ступени для лѣстницъ, колонны, вазы, умывальники и проч. Заказы на издѣлія кустарей получаютъ изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи и изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Сибири. Въ наиболѣе крупныхъ центрахъ послѣдней открыты въ настоящее время склады мраморныхъ издѣлій, получаемыхъ изъ Мраморскаго завода.

Въ 1902 году здѣсь открыта учебная мастерская, въ которой взрослые и подростки (50—60 человекъ) учатся рисованію, лѣпкѣ и выработкѣ художественныхъ издѣлій подъ руководствомъ опытныхъ учителей и при помощи новѣйшихъ машинъ и усовершенствованныхъ инструментовъ.

Аккуратное, тщательное и художественное исполненіе заказовъ сдѣлало мастерскую извѣстной далеко за предѣлами губерніи.

Гончарный промыселъ.

Гончарныхъ заведеній въ Пермской губерніи насчитывается до 250, а число рабочихъ въ нихъ достигаетъ тысячи человекъ.

Наибольшее число гончарныхъ заведеній находится въ слѣдующихъ уѣздахъ: Екатеринбургскомъ — 130, Кунгурскомъ — 38, Пермскомъ — 29, Камышловскомъ — 11, а остальные разбросаны по другимъ уѣздамъ.

Главнымъ матеріаломъ для выдѣлки посуды гончарамъ служитъ красная жирная глина, которая встрѣчается по всей губерніи и обыкновенно добывается около домовъ и въ огородахъ. Въ Кунгурскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ имѣются залежи бѣлой глины. Тамъ посуда дѣлается и изъ нея.

Приготовленная посуда подвергается прокаливанію въ обыкновенныхъ русскихъ печахъ и въ то же время покрывается глазурью. Глазурь бываетъ красная, бѣлая и зеленая. Первая (самая дешевая) получается отъ посыпки посуды передъ обжиганіемъ свинцовымъ порошкомъ, вторая — отъ обмазки посуды бѣлой гли-

ной, а третья составляется изъ жженого свинца, малахита (или мѣдной зелени) и мелкаго рѣчного песка. Послѣдній видъ глазури наводится послѣ обжиганія, при вторичномъ прокаливаніи вещей.

Посуда, не покрытая глазурью, называется черной.

Мѣстомъ сбыта гончарныхъ издѣлій служатъ ближайшіе сельскіе и городскіе базары. Наиболѣе состоятельные и много-семейные кустари ѣздятъ со своими издѣліями по окрестнымъ селамъ и, продавая посуду въ розницу или обмѣнивая ее на масло, яйца, куделю, куръ и т. д., получаютъ значительные барыши. Изъ Шадринскаго и Екатеринбургскаго уѣзда посуда вывозится въ сосѣднюю Оренбургскую губернію и Западную Сибирь.

Экипажный промыселъ.

Къ экипажному промыслу относится цѣлая группа довольно разнородныхъ производствъ: производство дровней, колесныхъ ободьевъ, телѣжныхъ колесъ, изготовленіе телѣгъ съ деревянными осями, производство телѣгъ съ желѣзными осями и, наконецъ, изготовленіе дорожныхъ повозокъ и городскихъ выѣздныхъ экипажей.

Всего экипажнымъ промысломъ въ губерніи занято до 2¹/₂ тысячъ рабочихъ, производство которыхъ оцѣнивается въ 850 тыс. руб.

Производство дровней разсѣяно по всей губерніи довольно равномерно, такъ какъ потребность въ нихъ есть всюду, и матеріалъ для нихъ (береза и черемуха) встрѣчается также вездѣ.

Работа по изготовленію саней продолжается почти круглый годъ. Зимой или весной (по послѣднему снѣгу) дѣлается запасъ дерева. По окончаніи весеннихъ полевыхъ работъ его распиливаютъ, а въ Петровки загибаютъ полозья. Передъ загибаніемъ березовые брусья распариваются на каменкѣ черной бани. Нуженъ особый навыкъ, чтобы вынуть брусья во время: если ихъ перепарить, то они дѣлаются сухими и ломкими; если же ихъ не допарить, то брусья трудно загибаются. Загнутые полозья упираютъ въ стѣну какого нибудь строенія, чтобы они не могли

разогнуться. Въ такомъ видѣ ихъ оставляютъ на все лѣто. Въ то же время на воздухѣ сохнетъ дерево, наколотое для нащеповъ и копыльевъ. По окончаніи осеннихъ земледѣльческихъ работъ кустари принимаются за работу саней и стараются надѣлать ихъ какъ можно больше къ осеннимъ сельскимъ ярмаркамъ, когда каждый крестьянинъ запасается на зиму необходимыми въ хозяйствѣ предметами. Работаютъ санники исключительно своими семьями.

Производство экипажей на желѣзномъ ходу развилось преимущественно въ заводахъ. Отдѣльныя мастерскія по деревнямъ хотя и есть, но, сравнительно, въ незначительномъ числѣ. Самымъ распространеннымъ рыночнымъ товаромъ являются хода съ желѣзными осями, некрашенные и имѣющіе только однѣ дроги, безъ кузова. Такіе хода съ желѣзными осями продаются на каждой весенней и лѣтней сельской ярмаркѣ, по цѣнѣ отъ 25 до 45 руб. Покупателями на нихъ являются, главнымъ образомъ, крестьяне. Въ прикамскихъ уѣздахъ на такой ходъ съ дрогами крестьяне ставятъ телѣжный ящикъ и пользуются имъ, какъ обыкновенной телѣгой при всякаго рода работахъ. Въ остальныхъ уѣздахъ на хода ставятъ плетеные коробки и употребляютъ ихъ для легкой ѣзды, какъ выѣздной экипажъ. Такой коробокъ на желѣзномъ ходу есть у каждаго крестьянина даже средняго зажитка. Ходки съ желѣзными осями, изготовляемые кустарями Пермской губерніи, идутъ въ большомъ количествѣ въ сосѣднюю Оренбургскую губернію и въ Западную Сибирь.

Особенно выдающимися по количеству изготовляемыхъ ходовъ съ желѣзными осями являются: Камбарскій зав., Осинскаго уѣзда, с. Ножевка, Оханскаго уѣзда, Юговской заводъ, Пермскаго уѣзда, Саранинскій заводъ, Красноуфимскаго уѣзда, Кыштымскій зав. и Бобровская волость, Екатеринбургскаго уѣзда.

Въ Камбарскомъ и Юговскомъ заводѣ, кромѣ простыхъ ходовъ, изготовляется значительное количество выѣздныхъ коробковъ для городской ѣзды и дорожныхъ повозокъ. Камбарскіе экипажи имѣютъ особенно широкій сбытъ и конкурируютъ съ казанскими. Большое количество ихъ отправляется даже на Нижегородскую ярмарку.

Производство сел.-хоз. машинъ и орудій.

Занятіе этимъ промысломъ достигло значительныхъ размѣровъ въ уѣздахъ: Красноуфимскомъ, Екатеринбургскомъ и Оханскомъ. Годовой оборотъ всѣхъ заведеній этого рода достигаетъ 900 тысячъ рублей.

Изъ земледѣльческихъ орудій и машинъ кустарями Пермской губерніи изготовляются сохи, сабаны и плуги, зубья къ боронамъ, серпы, косы, молотилки, вѣялки и сортировки.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кузнецомъ Курашимскаго завода, Пермскаго уѣзда, была устроена одноральничная соха, отличавшаяся очень легкимъ ходомъ во время работы. Эта соха извѣстна подъ названіемъ «курашимки». Въ настоящее время курашимка преобразована въ сабанъ, отличающійся отъ сохи тѣмъ, что имѣетъ передки (переднюю пару колесъ), чего нѣтъ у сохи. Въ Курашимскомъ заводѣ вырабатывается большое количество сабановъ для Тобольской, Уфимской и Вятской губерній, гдѣ они пользуются хорошимъ сбытомъ.

Особый видъ сохи («Туринка») выдѣлывается кустарями В. Туринскаго завода, Верхотурскаго уѣзда. «Туринка» приспособлена для вспашки вязкихъ почвъ (глины). Благодаря особому устройству, соха значительно облегчаетъ работу — какъ лошади, такъ и человѣка.

Наибольшую извѣстность по выработкѣ косъ и серповъ пользуется Артинскій заводъ, Красноуфимскаго уѣзда, и кустарниыя мастерскія въ городѣ Кунгурѣ.

Начало производству серповъ въ Артинскомъ заводѣ положилъ крестьянинъ Герасимъ Шадринъ въ 1882 году. Съ производствомъ серповъ онъ познакомился въ Кунгурской мастерской Черепанова, но многого достигъ самъ, путемъ опыта. Насколько усовершенствовано дѣло производства серповъ, можно судить по тому, что въ 1889 году четырьмя главными Артинскими мастерскими изготовлялось только 3700 серповъ въ годъ, а въ настоящее время одна мастерская сына Герасима Шадрина вырабатываетъ ихъ до 10000 штукъ.

Сокращеніе заводскихъ работъ по выплавкѣ металловъ и выдѣлкѣ изъ нихъ предметовъ заставило населеніе заводовъ

искать иныхъ средствъ къ жизни. Жители многихъ заводовъ занялись производствомъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и, между прочимъ, молотилокъ. Центрами производства ихъ являются заводы: Артинскій и Саранинскій, Красноуфимскаго уѣзда, Каслинскій, Екатеринбургскаго уѣзда, и Очерскій, Оханскаго уѣзда.

Кромѣ того, молотилки изготовляются мастерами, разсѣянными въ одиночку по селамъ и деревнямъ губерніи. Нѣкоторыя изъ такихъ отдѣльныхъ сельскихъ кустарныхъ мастерскихъ получили извѣстность въ довольно широкомъ районѣ, на примѣръ, мастерская бр. Сосновскихъ въ селѣ Песчанскомъ, Шадринскаго уѣзда, Костромитинова - въ с. Б.-Бруснятскомъ, Екатеринбургскаго уѣзда.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ земледѣльческихъ орудій, въ губерніи изготовляются вѣялки, сортировки, сѣялки, куколетборники, кочкорѣзы и т. п.

Сундучный промыселъ.

Сундучнымъ промысломъ занято 57 заведеній съ 382 рабочими; годовой оборотъ ихъ превышаетъ 20000 руб.

Высшаго развитія этотъ промыселъ достигъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ (Невьянскѣ). Приготовленіе сундуковъ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ работъ. Въ однѣхъ мастерскихъ дѣлаются только деревянные ящики, въ другихъ — петли къ нимъ, въ третьихъ — замки, въ четвертыхъ — сундучные гвозди, въ пятыхъ производится чеканка желѣза, въ шестыхъ — «морозка» его, въ седьмыхъ выдѣлывается зеркальное желѣзо и, наконецъ, въ восьмыхъ, — сундуки оковываются. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ мастерскихъ издѣлія собираются въ центральныя, которыя собственно и называются сундучными. Здѣсь изъ составныхъ частей готовятся сундуки и поступаютъ въ продажу.

Кожевенный промыселъ.

Въ Пермской губерніи насчитывается 387 кожевенныхъ заводовъ, годовой оборотъ которыхъ достигаетъ 1 мил. руб.

На мелкихъ заводахъ обрабатываются шкуры мѣстнаго скота, скупаемыя на сельскихъ ярмаркахъ и базарахъ. Крупные же

заводы употребляютъ много привозныхъ кожъ, которыя скупаются въ Оренбургской и Вологодской губерніи и въ Сибири.

Выдѣлка кожъ слагается изъ слѣдующихъ работъ: мочки, золки, мягченія, дубленія, окраски и смазки.

Кожи, поступающія на заводъ, сначала размачиваются въ старой загнившей водѣ отъ 2 до 10 дней. Въ такой водѣ много гніющаго мяса, крови и проч. веществъ, которыя способствуютъ загниванію спущенныхъ кожъ. Вымоченныя кожи «золятъ», т. е. укладываютъ въ чанъ, гдѣ ихъ пересыпаютъ гашеной известью, перемѣшанной съ содой и золой. Дней черезъ 20—30 кожи вынимаются изъ зольника и съ нихъ удаляется волосъ. Затѣмъ кожи тщательно промываются; чтобы удалить съ нихъ известь, ихъ при промываніи мнутъ ногами, лопатами или пестами въ особомъ чану. Промытыя кожи еще разъ очищаются отъ остатковъ мяса, жира и проч., потомъ еще разъ промываются въ теплой водѣ и погружаются въ «кисель». Онъ готовится такимъ образомъ: четверть или восьмая часть муки, предназначенной для киселя, заваривается кипяткомъ, тщательно размѣшивается и охлаждается. Затѣмъ приливаютъ сюда дрожжей или гуци изъ-подъ кваса и даютъ закиснуть. Тогда остальную муку разбалтываютъ въ теплой водѣ, оба раствора смѣшиваютъ и даютъ снова закиснуть. Когда кисель будетъ готовъ, въ него опускаютъ кожи часовъ на 10—12. Затѣмъ ихъ погружаютъ въ настой ивовой коры, гдѣ онѣ лежатъ отъ 3 до 6 дней. Чаще же всего послѣ киселя кожи засыпаютъ одну за другой слоями смоченой дубовой коры, которую мѣняютъ черезъ каждые 10 дней, отъ 3 до 5 разъ. Послѣ дубленія кожи сильно промываются, красятся, мажутся дегтемъ, сушатся и отдѣляются.

Мелкія мастерскія сбываютъ свой товаръ на мѣстныхъ торжкахъ, а крупныя кожевники отправляютъ свой товаръ на ярмарки: Ирбитскую, Нижегородскую, Тюменскую и Челябинскую.

Кожевенному промыслу сопутствуетъ чеботарный или сапожный. Всѣхъ сапожныхъ заведеній въ губерніи насчитывается болѣе 200 съ 800 рабочихъ, которые вырабатываютъ обуви на 300 тысячъ рублей.

Такъ какъ главными потребителями обуви, изготовляемой въ губерніи, являются мѣстные и сибирскіе крестьяне, то и

шется, главнымъ образомъ, обувь простая, крестьянская. Самый простой сортъ такой обуви называется «обуткомъ», затѣмъ слѣдуютъ мужскіе и женскіе «коты», бахилы, бродни. Эти виды обуви употребляются жителями сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, а въ остальныхъ носятъ болѣе красивую обувь: сапоги, ботинки, штилеты и башмаки. За послѣднее время въ Пермской губерніи появились мастерскія, вырабатывающія обувь машиннымъ (механическимъ) способомъ.

Мебельно-столярный промыселъ.

Столярнымъ ремесломъ въ губерніи занимается до 600 рабочихъ, годовая производительность которыхъ достигаетъ 120 т. р. Главнымъ издѣліемъ мастерскихъ является различная мебель.

Всѣ мебельно-столярныя мастерскія можно раздѣлить на двѣ группы. Къ одной относятся деревенскія и сельскія, готовящія простую (крестьянскую) мебель: стулья и табуреты (отъ 15—25 к. за штуку), столы (отъ 80 коп. до 1 р. 50 к.), простые стѣнные шкафчики и т. п. Эта мебель красится масляной краской и не кроется лакомъ. Сельскіе столяры-кустари занимаются своимъ ремесломъ обыкновенно зимой, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Продажа издѣлій производится ими на базарахъ и сельскихъ ярмаркахъ.

Ко второй группѣ относятся мастерскія, занятія изготовленіемъ красивой и, сравнительно, дорогой мебели для болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Такія мастерскія находятъся—или въ городахъ, или вблизи ихъ, въ крупныхъ заводахъ. Особеннаго развитія кустарное производство городской мебели достигло въ трехъ мѣстахъ губерніи: въ Юговскомъ заводѣ, Пермскаго уѣзда, въ В.-Исетскомъ и Березовскомъ зав. Екатеринбургскаго уѣзда.

Столярное ремесло въ Юговскомъ заводѣ возникло во времена крѣпостного права, когда заводскіе управители посылали мѣстныхъ мастеровъ въ Петербургъ учиться мебельному дѣлу. Дальнѣйшему развитію его способствовало обиліе въ окрестныхъ лѣсахъ подходящихъ породъ деревьевъ: березы, ильма и липы.

Въ дѣлѣ развитія вкуса Юговскихъ кустарей, а также усовершенствованія производства, много сдѣлало Пермское земство, знакомившее ихъ съ наилучшими рисунками и образцами мебели, пользующейся хорошимъ спросомъ. Для сбыта издѣлій кустарей то же земство открыло въ Перми складъ мебели, куда кустари сдаютъ свои вещи для продажи. Масса мебели изъ Пермскаго склада отправляется въ Сибирскіе города: Омскъ, Тобольскъ, Томскъ и Семипалатинскъ. Издѣлія В.-Исетскихъ и Березовскихъ кустарей такого широкаго сбыта не имѣютъ и сдаются въ магазины торговцевъ Екатеринбургъ.

Особенный интересъ представляетъ производство ильмовой гнутой мебели, по образцу вѣнской, существующее въ Алмазской и Тисовской волости, въ Артинскомъ заводѣ, Красноуфимскаго уѣзда, и въ Уинской волости, Осинскаго уѣзда. Начало этому производству въ Артинскомъ заводѣ положилъ лѣтъ 25 назадъ столяръ Василій Кирѣевъ, который однажды увидалъ у мѣстнаго лѣсничаго вѣнскую мебель и попытался готовить такую же. Онъ самъ сдѣлалъ формы, а распариваніе дерева производилъ въ банѣ «на каменкѣ». Первые работы его были грубы и представляли лишь слабое сходство съ настоящей вѣнской мебелью. Но Кирѣевъ не бросилъ этого дѣла и мало-по-малу достигъ того, что сынъ его въ 1887 г. на выставкѣ въ Екатеринбургѣ получилъ за свое производство медаль.

Бурачный промыселъ.

Бурачный промыселъ распространенъ по всей губерніи, но особеннаго развитія онъ достигъ въ деревняхъ Верхотурскаго уѣзда, расположенныхъ по рѣчкѣ Салдѣ. Здѣшніе жители занимаются бурачнымъ промысломъ съ давнихъ поръ.

Выдѣлка бураковъ производится въ свободное отъ занятій хлѣбопашествомъ время. Этотъ промыселъ даетъ обитателямъ береговъ рѣки Салды настолько значительный заработокъ, что отсюда почти никто не уходитъ въ отхожіе заработки. Наемныхъ рабочихъ здѣсь не держатъ, нѣтъ и скупщиковъ товара: кустари сами возятъ свои издѣлія на ярмарки въ ближайшіе пункты: Н.-Тагиль, Невьянскъ, Екатеринбургъ.

Производство бураковъ очень несложно. Главнымъ матеріаломъ для нихъ служить береста, которая заготавливается въ іюнѣ, когда она всего легче отстаетъ отъ коры. Буракъ состоитъ изъ двухъ слоевъ бересты: изъ внутренняго, безъ швовъ (цѣльнаго), и наружнаго, со швомъ, идущимъ сверху внизъ. Для получения перваго слоя береза срубается, и стволъ ея распиливается поперекъ на части («чурки»), съ которыхъ береста снимается цѣликомъ. Такимъ образомъ получаютъ трубки разной длины и разной ширины. Кустари называютъ ихъ «сколотень».

Для наружной «обшивки» употребляется береста, снятая съ несрубленныхъ березъ и имѣющая видъ пластинъ. Кромѣ бересты, заготавливается матеріаль для донышекъ, крышекъ и ручекъ. На донышки и крышки обычно употребляется сухостойный кедръ или валежникъ, а для ручекъ идетъ мелкій березнякъ. Этихъ матеріаловъ въ бурачномъ производствѣ расходуется очень мало.

Когда кустарь принимается за работу, то онъ беретъ «сколотень» и къ нему примѣряетъ обшивку такъ, чтобы края сколотня были выше краевъ обшивки и чтобы боковые края ея заходили одинъ на другой на полвершка. Последнее обстоятельство очень важно, такъ какъ изъ краевъ образуется шовъ. По одному краю обшивки дѣлаютъ особымъ долотомъ дырочки, а на другомъ—высѣкаются вполне соответствующіе имъ выступы. Затѣмъ выступы вставляются въ дырочки, и обшивка затянута на сколотнѣ. Теперь буракъ опускается на одну минуту въ чугунокъ съ кипяткомъ. Отъ этого береста дѣлается мягкой. Край сколотня загибается вверху и внизу и прикрываетъ собою края обшивки; передъ загибаніемъ подъ края сколотня подкладываютъ ленты бересты. Отъ этого края становятся толще округленнѣе и придаютъ бураку болѣе красивый видъ.

Дно изъ заготовленныхъ заранѣе и просушенныхъ дощечекъ вставляется въ буракъ вколачиваніемъ съ внутренней стороны.

Бураки дѣлаются разной вмѣстимости: отъ бутылки до ведра. Для красоты бураки раскрашиваются отъ руки цвѣтами и разводами, иногда на нихъ переводятъ картинки.

Въ зиму одинъ кустарь легко можетъ сдѣлать изъ готоваго матеріала до 2000 бураковъ различнаго размѣра. 1000 штукъ въ

среднемъ стоитъ 120 рублей; расходъ на матеріалы, затраченные на 1000 шт., составятъ около 60 руб. Такимъ образомъ, кустарю останется до 120 руб. за его работу.

Обработка желѣзной руды: чугуны, сталь и ковкое желѣзо.

Въ глубокой древности, когда люди не знали еще желѣза, они приготовляли все свои орудія изъ камня или дерева. Но какъ только человѣкъ научился получать желѣзо, то сталъ дѣлать изъ него различные предметы, такъ какъ желѣзо не горитъ, не гниетъ и гораздо прочнѣе дерева. Въ настоящее время желѣзо окружаетъ насъ всюду: желѣзныя дороги, пароходы, машины, мосты, мелкіе домашніе предметы, — все дѣлается изъ желѣза. Въ Америкѣ изъ него строятъ даже дома. Въ г. Нью-Йоркѣ, наприѣръ, есть домъ въ 47 этажей, высотой въ 90 саж., весь построенный изъ желѣза, безъ кусочка дерева. Недаромъ желѣзо называютъ самымъ полезнымъ изъ всехъ металловъ.

Чистаго желѣза въ природѣ въ большихъ количествахъ не встрѣчается. Его находятъ въ видѣ особыхъ камней, называемыхъ желѣзной рудой. Добытую изъ земли руду обжигаютъ, раздробляютъ на камешки, величиною немного больше грецкаго орѣха, и затѣмъ плавятъ въ особенныхъ печахъ, которыя называются «доменными» или, просто, — домнами.

Заводскія домны представляютъ собою огромныя печи, имѣющія до 15 саж. высоты. Внутреннія стѣнки ихъ выкладываются огнеупорнымъ кирпичемъ, который можетъ выносить страшный жаръ. Самая нижняя часть доменной печи называется металлопріемникомъ, или горномъ; здѣсь во время работы печи скопляется расплавленный чугунъ. Въ горнѣ имѣется отверстіе, черезъ которое можно выпускать металлъ наружу. Немного повыше горна въ стѣнкѣ печи устраиваются съ двухъ противоположныхъ сторонъ отверстія, называемыя фурмами. Черезъ нихъ по особымъ трубамъ вгоняется въ доменную печь, при помощи машинъ, горячій воздухъ. Это дѣлается для того, чтобы усилить горѣніе и жаръ въ печи. Верхнее отверстіе печи называется калошникомъ. Къ

нему обыкновенно ведетъ длинный мостъ, служащій для подвозки руды, подготовленной къ плавкѣ.

Передъ тѣмъ, какъ начать работу въ доменной печи, въ нее черезъ калошникъ засыпаютъ древесный уголь и зажигаютъ его. Воздуходувныя машины пускаютъ въ ходъ, и печь начинаетъ нагрѣваться. Раскаливаніе печи продолжается съ недѣлю, причеиъ уголь сыплотъ въ нее день и ночь, съ небольшими промежутками. Когда печь раскалится, въ нее начинаютъ засыпать руду и уголь такимъ образомъ, что слои ихъ чередуются. Дутье въ печи увеличиваютъ. Вся внутренность ея страшно раскаляется: температура достигаетъ 2000 градусовъ. Руда плавится. Жидкое желѣзо течетъ внизъ черезъ слои угля и въ пути превращается въ чугуиъ. Онъ собирается въ горнѣ. Два или три раза въ сутки чугуиъ выпускаютъ по жолобу, вырытому въ песокѣ, въ особыя формы. Здѣсь онъ остываетъ, дѣлается твердыиъ и принимаетъ темносѣрый цвѣтъ. Выпустивъ изъ доменной печи чугуиъ, отверстіе закрываютъ, а черезъ калошникъ продолжаютъ сыпать новыя порціи руды и угля. Такъ работа идетъ нѣсколько мѣсяцевъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. Потомъ доменную печь охлаждаютъ, ремонтируютъ и снова пускаютъ въ ходъ.

Такимъ образомъ, въ доменныхъ печахъ выплавляется изъ руды только чугуиъ, изъ котораго можно приготовить сталь и ковкое желѣзо. Чугуиъ идетъ еще на приготовленіе вещей, которыя получаютъ путемъ плавки и отливки въ формы. Такъ, изъ него льютъ чугуны, рѣшетки, статуэткы, пепельницы, плиты и т. п.

Для того, чтобы получить изъ чугуна сталь, надо его прокалить такъ, чтобы онъ не имѣлъ соприкосновенія съ горящимъ углемъ. Для этого устраиваютъ огромныя кувшины изъ толстаго желѣза, обложенныя изнутри огнеупорнымъ кирпичемъ. Ихъ называютъ бессемеровскими ретортами. Реторта укрѣпляется на подставкахъ такимъ образомъ, что можетъ поворачиваться и наклоняться. Въ нижней части реторты устроены узенькія трубки, черезъ которыя съ страшной силой вгоняется воздухъ. Сначала реторту сильно раскаливаютъ, потомъ наполняютъ расплавленнымъ чугуномъ и, наконецъ, пускаютъ въ ходъ воздуходувныя машины. Отъ страшно сильной струи воздуха

жидкій чугуны клокочетъ, бурлитъ, а изъ жерла реторты несется такой ревъ, что человекъ не слышитъ собственнаго голоса. Команда рабочимъ подается пронзительнымъ свисткомъ. Минуть черезъ 15 чугуны превращается въ сталь. Ее выливаютъ въ формы, въ которыхъ она остываетъ и идетъ потомъ на различныя вещи.

Для получения изъ чугуна мягкаго, ковкаго желѣза устраиваются особыя печи, состоящія изъ двухъ несообщающихся отдѣленій: въ одномъ сжигается топливо, а въ другомъ плавится чугуны. Второе отдѣленіе выложено толстыми чугунными плитами. Для того, чтобы онѣ не плавилась отъ сильнаго жара, какой бываетъ въ печи, по нимъ снаружи непрерывно льется струя воды. Раскаливъ печь и расплавивъ положенный въ нее чугуны, рабочіе непрерывно перемѣшиваютъ его длинными ломками. Мало-по-малу расплавленная масса въ печи густѣетъ и принимаетъ видъ огненнаго тѣста. Рабочіе раздѣляютъ его на отдѣльныя комья, весомъ отъ 4 до 6 пудовъ, переносятъ на наковальню и проковываютъ тяжелымъ молотомъ. Послѣ проковки получается мягкое желѣзо, которому можетъ быть придана форма листовъ (кровельное), полосъ, прутьевъ и т. п.

На золотыхъ пріискахъ.

(По сочин. Е. Гадмеръ „Около желѣза и золота“).

Изъ калитки полуразвалившейся избы, стоявшей на окраинѣ села, вышли два человекъ съ котомками за плечами и направились къ лѣсу. Скоро они скрылись за деревьями.

Въ старшемъ изъ нихъ можно было сразу узнать рабочаго съ пріиска. Вся одежда его, начиная съ домотканной сермяги и кончая неуклюжими сапогами, носила на себѣ слѣды желтой пріисковой грязи.

Младшему было лѣтъ одиннадцать, звали его Гришей. Послѣ смерти отца онъ остался кормильцемъ семьи. Дядя Герасимъ вель его теперь на пріискъ, чтобы сдать въ работу.

Вспомнивъ о недавно умершемъ отцѣ, Гриша вздохнулъ и, стараясь не отстать отъ дяди, проворно зашагалъ по извиистой лѣсной дорогѣ.

Когда въ воздухѣ сталъ чувствоваться запахъ гари, дядя Герасимъ сказалъ: «Ну, Гришутка, теперь и до пріиска недалеко. Это старый пріискъ; на немъ мы съ твоимъ отцомъ розсыпи мыли и коренную породу. Ты, поди, и понять этого не можешь?»

— «Да я еще никогда и на пріискъ то не бывалъ; ничего не знаю».

«А не знаешь, такъ вотъ послушай. Коренная порода—это если золото въ кварцѣ попадается. Кварцъ, чай, знаешь; бѣлый камень, какъ снѣгъ, и твердый,—насилу его расколотишь».

— «Знаю. Мы какъ-то съ ребятами стекло имъ рѣзали. Здорово чертить».

«Онъ самый, значитъ, и есть... Такъ въ этомъ кварцѣ и попадаетъ золото: либо жилками, либо крапинками, какъ бисеръ. Только вотъ добывать его оттуда мудрено, не въ примѣръ до-роже и труднѣе, чѣмъ изъ розсыпей».

— «А я, вѣдь, и не знаю, что это за розсыпи».

«Эхъ, ты! и розсыпи не знаешь? Живешь около золота, а ничего не знаешь! Розсыпи, братъ, это такія мѣста, гдѣ золото перемѣшано съ пескомъ и глиной. Коренную породу въ горахъ находятъ, а розсыпи въ низинахъ, даже въ рѣкахъ и въ озерахъ. Вонъ, въ Невьянскѣ, такъ въ прудѣ розсыпь оказалась».

— «Откуда же она взялась тамъ?»

«Изъ той же коренной породы. Слыхалъ, навѣрно, что капля по каплѣ камень долбитъ. Точить она его, точить, а солнце, морозъ да вѣтеръ помогаютъ ей. Вотъ камень мало-по малу и начнетъ разсыпаться въ песокъ. Дождями да ручьями смоешь его съ высокихъ мѣстъ, унесетъ его куда нибудь въ низину, въ логъ, на дно рѣки и будетъ оно тамъ лежать, покроется пескомъ, иломъ и разной землей. А потомъ можетъ случиться, что и рѣка то высохнетъ, либо въ сторону отойдетъ, и заростетъ наше золото лѣсомъ. Вотъ тебѣ и розсыпи, догадайся, гдѣ онѣ спрятаны».

— «А какъ же узнать, гдѣ ихъ искать? Вѣдь, подъ землей-то не видно».

«А развѣдки-то на что! Небось, и подъ землю заглянуть. Пробьютъ шурфъ,—вотъ и окошечко; достанутъ изъ него песку, промочутъ въ желѣзномъ ковшѣ и смотрять, есть-ли золото. Если въ ковшѣ не оказалось мелкаго чернаго песочка-шлиховъ, то тутъ и искать золота нечего. Оно всегда со шлихами вмѣстѣ бываетъ».

Если же окажется въ пробѣ порядочно золота, то во всѣ стороны отъ перваго шурфа пробиваютъ еще. Расшурфовка и покажетъ, широко-ли и глубоко-ли лежитъ въ землѣ золотоносный пластъ песку. Если пластъ лежитъ неглубоко, то всю землю съ него снимаютъ, вскрываютъ, и на томъ мѣстѣ получается огромная яма съ отвѣсными краями. Это и есть разрѣзъ. Теперь срывай слой песка съ золотомъ да и на промывку».

— «А можно поглядѣть промывку-то?»

«Отчего нельзя! Можно! Вотъ придемъ, такъ увидишь».

До пріиска оставалось версты двѣ. Дорога стала необыкновенной. Ночью здѣсь могъ пройти только пріисковый человѣкъ, хорошо знающій мѣстность. На каждомъ шагу видѣлись ямы, канавы, кучи песку и галекъ. Дорога постоянно дѣлала извороты, обходя эти препятствія.

«А вотъ тутъ наша старая шахта», сказалъ дядя Герасимъ, указывая въ сторону отъ дорожки, «тутъ и отецъ твой когда-то работалъ. Теперь ее забросили».

Гриша зналъ шахты только по рассказамъ и представлялъ ихъ себѣ чѣмъ-то безконечно ужаснымъ, такъ какъ слышалъ, что въ нихъ иногда людей засыпаетъ землей.

— «Дядюшка, я пойду погляжу, что за шахта!»

Старому Герасиму тоже захотѣлось пойти посмотрѣть то мѣсто, гдѣ имъ было пролито много пота.

Шахта сохранилась вполне. Прочныя крѣпи ея были сдѣланы изъ толстыхъ плахъ и могли долго еще просуществовать. Широкое отверстіе ея двумя толстыми обрубками бревенъ было разгорожено на три части. Среднее, самое меньшее, предназначалось для насоса, которымъ изъ шахты откачивали воду, а боковыя назывались—одно бадейнымъ, а другое лѣстничнымъ.

«Тутъ вотъ бадьи были. Ими золотоносный песокъ поднимали. Пока одну опоражниваютъ, въ другую внизу песокъ накладываютъ. Такъ онѣ безъ перерыва и ходятъ: одна вверхъ, другая внизъ. А тутъ лѣстницы были. По нимъ мы въ шахту спускались».

У Гриши духъ захватило, когда онъ заглянулъ въ черную пасть шахты.

Дядѣ Герасиму припомнилось, какъ они первоначально пробивали шахту, укрѣпляли бока ея срубомъ, чтобы земля не осыпалась. Когда дошли до пласта, то начали рыть боковые ходы. Мѣстами встрѣчалась такая твердая порода, что приходилось взрывать ее порохомъ и динамитомъ. Опасная была работа. Во время взрывовъ стѣнки и потолоки подземныхъ ходовъ могли легко обвалиться и похоронить подъ собою рабочихъ. Вспомнилась вся тяжесть подземнаго труда въ теченіе цѣлаго дня, съ перерывомъ въ два часа на обѣдъ и отдыхъ. При выходѣ на вольный воздухъ кружилась голова, и шатало вѣтромъ, какъ пьянаго.

Помолчавъ съ минуту, дядя Герасимъ продолжалъ: «Ты думаешь, пожалуй, что въ шахтѣ одна лѣстница съ верху до самаго дна. Нѣтъ, голубчикъ! Какъ же мы по ней стали-бы спускаться? Одинъ споткнулся, полетѣлъ бы внизъ и другихъ, которые шли передъ нимъ, опрокинулъ бы. Нѣтъ! Въ шахтѣ черезъ каждыя двѣ сажени полъ настилаютъ, площадку, а отъ нея идетъ ужъ лѣстница около другой стѣны, какъ на колокольнѣ. Если оступишься и упадешь, то все же больше двухъ сажень не пролетишь и на смерть можешь и не разбиться. Страшно работать въ шахтѣ: и водой тебя можетъ залить, и землей засыпать. Много тамъ народу гибнетъ. Спускаешься поутру и не знаешь, вернешься ли къ обѣду. Словно въ могилу идешь».

Вскорѣ они миновали ямы и отвалы и стали спускаться въ выработанный нѣсколько лѣтъ назадъ разрѣзъ. Здѣсь работали старатели, отыскавшіе остатки раньше добытыхъ и промытыхъ росышей. Въ одномъ мѣстѣ въ стѣнѣ разрѣза виднѣлось отверстіе, изъ котораго время—отъ времени появлялся парень съ тачкой, наполненной пескомъ.

«Вишь, штольно догадались устроить», сказалъ дядя, «какъ кроты ушли въ землю».

Въ сторонкѣ отъ штольни, около ямы съ водой, стоялъ промывальный станокъ. Устройствомъ своимъ онъ напоминалъ маленькій шлюзъ на мельничной плотинѣ. На головкѣ его была положена чугунная рѣшетка. На нее лилась вода машинкой-подергушкой, которую приводилъ въ движеніе мальчуганъ лѣтъ тринадцати. По сторонамъ рѣшетки стояли двѣ женщины и же-

лѣзными лопатками толкали другъ къ другу песокъ, привезенный рабочимъ изъ штольни. Мелкій песокъ проваливался сквозь дырки рѣшетки на шлюзъ, а оставшіяся крупныя гальки сбрасывались женщинами тутъ же въ сторону.

Гришѣ хотѣлось подольше остановиться здѣсь, но дядя сталъ торопить его.

«Ужъ вечеръ, скоро будутъ кончать работу; на машинѣ сполоскъ будетъ, надо поспѣть».

За разрѣзомъ лѣсъ вскорѣ разступился, и глазамъ Гриши представилась картина пріиска. Среди лѣса, около новаго разрѣза, виднѣлись разбросанныя тамъ и сямъ, построенныя на скорую руку, бревенчатыя избушки, въ одно — два окна, и землянки, крытыя дерномъ. Выдѣлялось большое зданіе съ высокой желѣзной трубой.

Дядя объяснилъ Гришѣ, что зданіе съ трубой — корпусъ, гдѣ машина стоитъ, а около него домикъ — почище и побольше другихъ — контора.

Вскорѣ Гриша разсмотрѣлъ, что машинный корпусъ имѣетъ съ одной стороны длинныя и широкіе съ перилами мосты, поднимающіеся къ верхушкѣ зданія, а съ другой — длинный и широкій жолобъ, лежащій въ наклонномъ положеніи.

На вопросы мальчика дядя разъяснилъ, что мосты называются взвозами и устраиваются для того, чтобы по нимъ завозить на верхъ золотоносный песокъ, а жолобъ — это шлюзъ, на которомъ осаждается золото.

Гриша бѣгомъ бросился къ взвозу и поднялся на самый верхъ. Здѣсь онъ увидѣлъ люкъ, въ который возчики сваливали кварцъ. Подъ люкомъ была устроена огромная чугунная чаша съ дырками. Въ ней двигались два тяжелыхъ чугунныхъ колеса. Гриша догадался, что колеса размалываютъ кварцъ. Онъ припомнилъ, что дома ихъ называли «бѣгунами». Въ чашу съ боковъ непрерывно лилась струями вода. Размолотый кварцъ проваливался сквозь дырки въ чашѣ и падалъ на шлюзъ.

Пока Гриша разсматривалъ диковинную машину, къ нему подвѣлся дядя, успѣвшій поговорить съ нѣкоторыми изъ рабочихъ.

«Скоро будетъ сполоскъ», сказалъ дядя, «вотъ ты и золото увидишь».

По крутой и грязной лѣстницѣ они спустились отъ люка внизъ, и передъ Гришей оказался шлюзъ. Онъ имѣлъ видъ пологой и широкой лѣстницы, по которой поперечными валами струилась мутная вода, вытекавшая изъ-подъ запертыхъ дверей, находившихся на вершинѣ шлюза. Двери запирались на замокъ, потому что за ними, въ углубленіяхъ пола, скопляется самое большое количество золота.

Пришелъ служащій и прекратилъ засыпку черезъ люкъ кварца. Позвали промывальщицу. Машина остановилась, и тотчасъ же прекратился притокъ воды на шлюзъ. Теперь онъ имѣлъ видъ наклонной плоскости, на которой лежали деревянные рѣшетки. Каждая изъ нихъ представляла рядъ продольныхъ брусевъ, скрѣпленныхъ поперечными. Когда ихъ убрали, то весь задержанный ими песокъ оказался на шлюзѣ. Нѣсколько женщинъ стали поспѣшно сгребать его деревянными лопаточками въ продолговатые желѣзные тазы и относить на другой шлюзъ для окончательной промывки. Этотъ шлюзъ ничѣмъ не отличался отъ того, который Гриша видѣлъ въ разрѣзѣ, только на головкѣ его не было рѣшетки. По дну шлюза были расположены поперечныя перегородки въ видѣ пороговъ.

«Это американка», шепнулъ Гришѣ дядя, «смотри, вонъ ртуть къ порогамъ льютъ, чтобы мелкое золото не унесло водой. Ртуть его все словить».

Промывальщица принялась за работу. Она быстро, ловко и осторожно отгребала песокъ, который несло струей воды. Работала она деревянной дощечкой въ четверть аршина длинной, съ деревянной ручкой по срединѣ. По мѣрѣ того, какъ песокъ сносило внизъ, золото стало явственно поблескивать. Скоро на шлюзѣ осталось горсти двѣ чернаго мелкаго песку и золото, связанное ртутью. Промывальщица еще нѣкоторое время растирала шлихи по дну шлюза рукой и жесткой щеткой, стараясь отдѣлить ихъ отъ золота. Чтобы окончательно избавиться отъ шлиховъ, она взяла подковообразный магнитъ и собрала ихъ. Оставшееся золото было взято на желѣзный совочекъ. Оставалось теперь отдѣлить ртуть отъ золота и свѣсить его. Служащій, принявшій золото отъ промывальщицы, положилъ его въ кожаный мѣшокъ, по которому сталъ колотить палочкой. Такимъ образомъ онъ

отдѣлили свободную ртуть и вылили ее въ бутылку. Остальное золото, покрытое ртутью и имѣвшее цвѣтъ серебра, положили на желѣзную сковородку, закрыли крышкой и поставили на огонь—«отжигать». Когда раскаленную сковородку сняли съ огня и высыпали золото, то оно оказалось желтымъ.

«Это все и золото», сказалъ Гриша, увидавъ горсточку желтыхъ крупинокъ, явившихся въ результатъ трудной работы многихъ людей въ теченіе цѣлаго дня. Какое громадное количество песку надо промыть, чтобы получить горсточку золота.

«А ты думаешь, тутъ его мало», сказалъ дядя, «съ фунтъ будетъ».

— «Девяносто пять золотниковъ», объявилъ служащій, всѣсившій золото.

Другой служащій записалъ эту цифру на бумажномъ пакетикѣ, въ который затѣмъ было ссыпано золото и унесено въ контору.

Дядя Герасимъ, улучивъ моментъ, обратился къ смотрителю пріиска съ просьбой принять Гришу возчикомъ кварца. Свободнаго мѣста не оказалось. Они рѣшили переночевать въ землянкѣ у знакомыхъ рабочихъ, а утромъ идти на сосѣдній пріискъ.

Пермяки.

Худъ пермякъ, да два языка знаетъ.

Хоть живутъ въ тѣсу, а дрова въ тѣу.

(Все у нихъ покупное: ложки, плошки, чашки и другая деревянная посуда).

Русскія поговорки.

Полагають, что названіе Віармъ, или Пермь, происходитъ отъ парма, что означаетъ гору, поросшую лѣсомъ, а также отъ пеарма—окраина. Такимъ образомъ, пермяки—украинцы финскаго міра, живущіе у горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Сами себя пермяки называютъ камскимъ народомъ, «ками-мортъ», или «коми».

Въ настоящее время пермяковъ считается всего около 70000 человекъ. Судя по названіямъ рѣкъ, пермяки занимаютъ значительную часть Пермской губерніи. Теперь же они зани-

мають мѣста преимущественно по правую сторону рѣки Камы, съвернѣе г. Перми.

Современное состояніе пермяковъ далеко не напоминаетъ собою того, въ какомъ они, судя по остаткамъ древности, когда-то были. Вотъ какъ описываютъ ихъ нынѣ: «По наружности пермяки малаго роста, сухощавы, но крѣпки, широкоплечи, коренасты, ноги короче верхнихъ частей тѣла, руки толстыя, съ широкой кистью. Голова чаще малая, чѣмъ большая, со свѣтлыми волосами (рѣдко—съ черными). Лицо представляется угловатымъ, какъ-бы четырехугольнымъ, съ выраженіемъ тупости, дикости, скрытности, упрямства и злости. Вообще, какъ мужчины, такъ и женщины непривлекательны по наружности; къ тому-же пермякъ неповоротливъ, вялъ, ходитъ небольшимъ, мѣрнымъ шагомъ, покачиваясь въ стороны и сильно размахивая руками. Умственные способности весьма ограниченныя. Пермяки вообще лѣнливы, злы, легко приходятъ въ ярость, долго помнятъ старую обиду и при случаѣ мстятъ за нее. Они очень упрямы, скрытны, недоувѣрчивы и неразговорчивы. Дома пермякъ смѣль и дерзокъ, но въ чужомъ мѣстѣ трусливъ и робокъ. Хмельные напитки начинаютъ пить съ дѣтства—какъ мужчины, такъ и женщины. Пермяки, будучи суевѣрны, прибѣгаютъ къ колдунамъ и знахарямъ, пользующимся громкой славой и большимъ уваженіемъ; суевѣрными обрядами сопровождается даже наружное богопочитаніе и поклоненіе святымъ. Къ церкви пермяки лѣнливы, и многіе бывали въ ней только разъ въ своей жизни—при крещеніи, да при вѣчаніи; молитвъ почти никакихъ не знаютъ, кромѣ «Господи помилуй», но посты соблюдаютъ строго.

Живя въ дымныхъ, закоптѣлыхъ, грязныхъ избахъ, рѣдко мѣняя бѣлье, пермяки большею частью очень нечистоплотны; умываются нерѣдко грязной водой безъ мыла и утираются черными обносками рубахъ; лавки и полы въ избахъ никогда не моются, а кухонная посуда если и споласкивается, то никогда не вытирается. Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевыхъ рубахъ и короткихъ портовъ, сверхъ которыхъ надѣваютъ шарубъ, родъ халата, или зипунъ изъ пермскаго сукна; у пермяковъ средняго состоянія шарубъ замѣняется пониткомъ (короче шаруба и безъ вышивки), а у богатыхъ—бешметомъ, сдѣланнымъ изъ де-

шеваго фабричнаго сукна; зимою надѣваютъ полушубокъ, рѣже шубу. Въ рабочее время, для предохраненія одежды отъ порчи, надѣваютъ сверху запонъ, родъ рубашки, замѣняющей фартукъ. Ноги обертываются въ холщевыя онучи, а зимой, кромѣ того, въ скуты, т. е. въ суконныя полосы. Поверхъ онучь надѣваютъ лапти изъ лыка, а по праздникамъ зажиточные пермяки замѣняютъ лапти кожаными сапогами. Платье пермякъ подпоясываетъ особымъ поясомъ, къ которому привѣшиваетъ сумку для огнива и ножны съ ножемъ. Колпакъ изъ овечьей бѣлой шерсти, надѣваемый на голову, служитъ характерной частью одежды пермяка. Пермячки поверхъ рубахи носятъ короткій дубасъ, въ родѣ сарафана, или даже русской сарафанъ, прикрываемый спереди фартукомъ. На голову замужнія надѣваютъ шамширу, особой формы повойникъ, или чепецъ, унизанный сзади крупнымъ бисеромъ и стеклярусомъ или же узорчато расшитый нитками. Дѣти до 10 лѣтняго возраста ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ, передѣланныхъ изъ родительскихъ обносковъ, а потому нерѣдко представляются полунагими. Жилища пермяковъ мало отличаются своимъ устройствомъ отъ жилища русскихъ: та же курная изба, безъ трубы, изба съ русской печью, полатами, переднимъ угломъ съ божницею и столомъ для трапезы; рядомъ съ избою сѣни, къ которымъ прилегаютъ клѣтъ или горница; вокругъ избы крытый дворъ съ хлѣвами, амбаромъ и другими хозяйственными службами; позади—баня и овинъ. Пища почти такая же, какъ и у русскихъ; народнымъ кушаньемъ собственно считаются «пельмяни», называемые русскими «пельмени» или «пермени», т. е. маленькіе пирожки изъ тѣста, варимые въ водѣ. Бѣдняки ѣдятъ хлѣбъ ячменно-овсяный; средняго состоянія — ячменный, а богатые — ржаной и даже пшеничный. Любимый напитокъ пермяка составляетъ брага, замѣняющая русской квасъ.

Пермяки народъ не поэтический; пѣсни поютъ рѣдко и притомъ нестройно, однозвучно, диako, самыми грубыми голосами; голоса дѣвушки-пермячки часто не отличишь отъ голоса мужчины. У нихъ мало пѣсенъ на своемъ языкѣ, да и тѣ, которыя существуютъ, по своему содержанію и складу скорѣе должны быть названы прибаутками, побасенками и не всегда могутъ быть произносимы гласно. Многія пѣсни они переняли отъ

русскихъ и поютъ ихъ, всегда болѣе или менѣе искажая въ словахъ, вслѣдствіе малаго знакомства съ русскимъ языкомъ. Пермьки, подобно вотьякамъ и зырянамъ, мало-по-малу сливаются съ русскимъ народомъ. И теперь уже много такихъ русскихъ, которые, несомнѣнно, — обрусѣвшіе пермяки.

Рагозинъ.

В О Г У Л Ы.

Вогулы занимаютъ мѣста по сѣвернымъ частямъ Уральскаго хребта. Отсюда распространяются ихъ жилища далѣе — на востокъ до Иртыша, Тавды и верхнихъ частей Туры, на западъ — почти до самой Камы и на юго-западъ — до Чусовой и Кунгура. Вогулы невелики ростомъ, слабы, и въ лицѣ у нихъ, за исключеніемъ бѣлаго цвѣта кожи, есть много калмыцкаго: они круглолицы, но, большей частью, безъ бороды; волосы у нихъ длинные, черные или темные; немногіе изъ нихъ попадаютъ со свѣтлыми волосами и рѣдкою рыжеватою бородой. Вогулы отъ природы мало подвижны, но отъ постоянного занятія звѣриной ловлей сдѣлались ловки, дѣятельны, хитры. Вогулы — звѣроловы по преимуществу; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе встрѣчается между ними осѣдность, и здѣсь они приближаются своимъ образомъ жизни къ сосѣдямъ своимъ — башкирамъ. Вогулы — племя разбросанное, бѣдное, не знающее — ни земледѣлія, ни скотоводства; они живутъ зиму въ маленькихъ грязныхъ хижинахъ, лѣтомъ — въ балаганахъ или конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ древесной корой. Въ лѣсахъ своихъ вогулы живутъ отдѣльными семействами и часто отдѣльными родами. Каждое семейство считаетъ своей собственностью то пространство, на которомъ сосѣди позволяютъ ему охотиться. Не имѣя другого средства къ существованію, кромѣ звѣриной ловли, они вынуждены жить въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и не селеніями, а отдѣльно, иначе они терпѣли бы недостатокъ въ дичи. Вогулы часто мѣняютъ свои мѣстожительства; становища ихъ рѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе пяти юртъ и отстоятъ другъ отъ друга на

15 и болѣе верстѣ. Вогулы почти не держатъ лошадей, такъ какъ по непроходимымъ дорогамъ имъ гораздо удобнѣе ходить пѣшкомъ. Богатые держатъ не больше двухъ коровъ, которыя остаются постоянно съ вогульскими женами около юртъ. Коровы—ихъ единственный домашній скотъ. Собакъ они почти тоже не имѣютъ. Огромные лѣса несутъ имъ обильную дань звѣрями, изъ которыхъ самые прибыльные—лоси и соболи. Лосиными шкурами вогулы платятъ ясакъ (подать), а избытокъ продаютъ. Мясо они ѣдятъ не сырое, но разрѣзываютъ его на полосы и сушатъ безъ соли на солнцѣ или коптятъ. Это ихъ самая обыкновенная пища. Когда запасъ истощается, они собираютъ кости, разбиваютъ ихъ и варятъ. Впрочемъ, до этого вогулы доходятъ рѣдко, потому что у нихъ всегда есть средства добывать себѣ дичину и стрѣлять болотныхъ птицъ: у каждаго вогула есть ружье или лукъ. Къ тому же они занимаются и рыболовствомъ. Лучшее время охоты бываетъ въ исходѣ ноября, когда водосъ у звѣрей самый пушистый. Тогда вогулы идутъ на промыселъ маленькими партіями, человекъ по три, по четыре. Они везутъ съ собою на маленькихъ саняхъ свой съѣстной запасъ, строятъ на мѣстѣ охоты шалашъ и цѣлую зиму рыскаютъ по лѣсамъ. Зима—для нихъ время рабочее. Благодаря постоянной охотѣ, они стали нечувствительны ко всѣмъ неудобствамъ полярнаго климата. На прибыльной ловлѣ основываются всѣ ихъ торговыя сношенія съ сосѣдними народами—самоѣдами, остяками и русскими. Ежегодно ходятъ они съ европейскими самоѣдами въ Обдорскъ и мѣняютъ свою добычу на необходимыя для нихъ произведенія. Кромѣ мяса, кедровыхъ орѣховъ да болотныхъ ягодъ, они почти не знаютъ другой пищи, и, несмотря на постоянную жизнь среди болотъ, въ холодной, лѣсной полосѣ, цынга между ними почти неизвѣстна. Говорятъ, впрочемъ, что вогулы почти всегда жуютъ смолку лиственницы, которая считается отличнымъ средствомъ противъ скорбута.

Вогулы, живущіе южнѣе, по Турѣ и Тавдѣ, многимъ отличаются отъ своихъ сѣверныхъ земляковъ. Отъ постоянного столкновения съ русскими они сильно измѣнили свой первобытнѣйшій образъ жизни и говорятъ даже по-русски чаще, нежели на

своёмъ родномъ языкѣ. Здѣсь замѣтенъ уже переходъ къ осѣдлой жизни; эти вогулы занимаются немного земледѣліемъ, сѣютъ рожь и ячмень, впрочемъ, въ такомъ маломъ количествѣ, что его едва достаетъ для ихъ собственнаго обихода. Звѣроловство и здѣсь составляетъ ихъ главное занятіе. Немногіе живутъ въ русскихъ избахъ; ихъ зимнія селенія состоятъ по большей части изъ четырехугольныхъ деревянныхъ юртъ безъ крышъ, двери которыхъ обращены обыкновенно на сѣверъ или на востокъ. Лѣтомъ они живутъ вмѣстѣ со своей скотиной въ открытыхъ шалашахъ изъ березовой коры; а для защиты отъ комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ этихъ странахъ невыносимы, вогулы постоянно у себя дымятъ.

Рагозинъ.

У ВОГУЛОВЪ.

Это было прошлымъ лѣтомъ, когда я, путешествуя по сѣверу, поднимался по рѣкѣ сѣв. Сосьвѣ отъ маленькаго города Березова.

Быль июль мѣсяць. Сѣверная природа была въ полной красѣ: берега дикой, пустынной Сосьвы были одѣты густою зеленью, и самая рѣка, тихая, широкая, съ зеркаломъ водъ, окаймленная по обоимъ берегамъ почти непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ, словно спала, нѣжась подъ лучами теплаго солнышка, послѣ страшныхъ морозовъ долгой, суровой зимы.

Я бывалъ на этой рѣкѣ зимой и теперь, плывя по ней въ лодкѣ, рѣшительно не узнавалъ ея въ этихъ роскошныхъ, зеленыхъ рамкахъ лѣса, подъ голубымъ небосклономъ, съ легкими, бѣлыми облачками, въ этой чарующей красѣ лѣта.

Лѣто всюду хорошо, даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Но, любуясь этой красотой дѣвственной рѣки, какъ-то жаль было ее, жаль потому, что тутъ не было народа, и раскинься село вотъ по этому откосу, что сбѣгаль къ самой водѣ съ могучими высокими елями, которыя опрокинули свои острия вершины въ воду, наставъ нѣсколько сѣрыхъ избушекъ нашей русской деревни.

вотъ на этотъ бережекъ, который словно нарочно созданъ для этого и даже окруженъ душистыми рябинами,—рѣка эта оживеть, покажется совсѣмъ другою.

Вѣроятно, это когда-нибудь и будетъ, но теперь тутъ живетъ только одинъ дикарь, одинъ вогуль, юрту котораго можно только случайно встрѣтить, и то проплывя другой разъ чуть не цѣлый день на лодкѣ.

Эта рѣка — рѣка вогуловъ, дикарей, которые, словно нарочно, прячутся въ эти непроходимые лѣса, чтобы ихъ не коснулась русская незнакомая, чуждая имъ жизнь. Они всегда были дикарями; они всегда питались только рыбой этой рѣки, да мясомъ звѣрей этихъ лѣсовъ; они всегда жили въ маленькихъ своихъ хижинахъ и всегда одѣвались въ шкуры оленя; они всегда были одиноки, любя только лѣсъ съ его вѣчнымъ ропотомъ вмѣсто общества; они всегда были довольны своей жизнью и, разумѣется, ни за что не хотятъ и теперь промѣнять — ни своей свободы, ни своей жизни ни на какую другую, какъ бы эта другая жизнь ни была хороша.

Быть можетъ, они и правы въ этомъ отношеніи; но русскій человѣкъ не хочетъ помириться съ тѣмъ, что они — дикари, ѣдятъ сырую рыбу и мясо, ходятъ въ шкурахъ звѣрей, живутъ въ лѣсу, и поэтому непрочь поучить ихъ жить по-русски.

Русскій человѣкъ ихъ жалѣетъ, русскій человѣкъ, попавшій случайно въ ихъ страну, бываетъ пораженъ ихъ бѣдностью и нищетой; но мнѣ лично они совсѣмъ не казались никогда такими жалкими, и, по правдѣ сказать, я даже пожалѣлъ бы ихъ, если бы они вдругъ совсѣмъ перемѣнили свою жизнь, стали бы обрабатывать пашни, забросили бы ружье и сѣти, вытащили бы свои легкіе челноки на берегъ.

Напротивъ, мнѣ нравится ихъ жизнь, я очарованъ ею, и лѣтомъ, когда я присматриваюсь къ ней ближе, она мнѣ кажется такъ хороша, что даже я самъ на это время желалъ бы сдѣлаться дикаремъ, чтобы пожить этою привольною жизнью.

Пойдемте со мной къ этимъ вогуламъ на рѣку, и я вамъ покажу, какъ они тамъ живутъ, и какъ тамъ у нихъ прекрасно.

Вотъ недалеко и юрта вогуловъ: на берегу показался олень, другой вышелъ съ небольшими пушистыми рогами, что бываетъ

у оленей только лѣтомъ; за ними выскочилъ маленькій, третій, и изъ-за ближайшихъ на берегу елей, громадныхъ елей, вдругъ показался синенькій дымокъ, и вслѣдъ за нимъ—бѣлый берестяной чумъ съ березовой легкой огородкой. Десятка полтора домашнихъ оленей вышли на голоса на самый берегъ посмотрѣть, кто ѣдетъ; за ними выскочила бѣлая шустрая собачка и, увидавъ насъ, залилась громкимъ лаемъ.

— Вотъ и юрта, чумъ, лѣтнее жильё вогула,—говорить мнѣ толмачъ *).

Я смотрю на этотъ берестяной чумъ, на этотъ берегъ, слегка огороженный для оленей березовыми жердочками, на бѣлую, прыгающую собачку, на оленей, которые словно еще не могутъ рассмотреть насъ хорошо....

Какъ хороша эта картина, какъ хороши олени съ ихъ вѣвистыми рогами, какъ красиво отражается въ водѣ этотъ бѣлый на солнцѣ, остроконечный чумъ съ синимъ дымкомъ и голубымъ надъ нимъ небомъ!

На нашъ шумъ, на лай бойкой бѣлой собачки изъ берестяного чума выскочилъ маленькій мальчикъ и сразу остановился. На немъ—тонкій халатикъ изъ оленьихъ шкуръ и легкіе замшевые пимики. Темные волосы заплетены въ двѣ косы, и красный шнурокъ, которымъ мальчикъ оплетенъ, ярко выдѣляется на его темномъ дѣтскомъ костюмѣ.

— Галя, Галя!—крикнулъ ему вышедшій за нимъ братъ.

Но Галя быстро, безъ застѣнчивости, сбѣжалъ къ намъ подъ самый берегъ и остановился какъ разъ у воды, смотря на насъ удивленными черными глазами. За нимъ вслѣдъ сбѣжалъ и бѣлый пушистый, лаявшій до сихъ поръ товарищъ его—песикъ и, видя, что на его родномъ берегу совсѣмъ нѣтъ непріятелей, а его маленькіе хозяева находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ нами, сталъ круто вертѣться около ногъ двухъ братьевъ, подпрыгивая и хватая ихъ за руки.

Вслѣдъ за ними явился одинъ молодой олень съ черными маленькими рогами и любопытной мордой; потомъ пришла жен-

*) Переводчикъ.

щина—мать, маленькихъ вогуловъ, прибѣжала дѣвушка съ корзиной для рыбы, полагая, что отецъ ихъ ужъ воротился съ ловли, и я не замѣтилъ, какъ вдругъ откуда-то появилась маленькая лисичка съ мѣдной цѣпочкой на шеѣ, которой она, повидимому, совсѣмъ не стѣснялась, волоча ее по землѣ.

Это ужъ я никакъ не ожидалъ; звѣрекъ бѣгалъ между людьми такъ же вольно, какъ собачка, обнюхивалъ наши ноги и лодки, вѣроятно, воображая, что мы привезли лакомую рыбу, и велъ себя такъ свободно, что я невольно на него засмотрѣлся.

— Что это у васъ и лисицы ручныя, какъ олени?—спросилъ я.

— Это Галина лисичка: они съ братомъ словили ее въ лѣсу, совсѣмъ маленькой, выкормили, выпоили, и она живетъ у насъ, какъ собака.

Я посмотрѣлъ на маленькаго Галю и замѣтилъ, что онъ понялъ, о чемъ мы говорили. Онъ живо подманилъ къ себѣ маленькаго звѣрка, взялъ его на руки. Звѣрекъ даже лизнулъ его въ лицо, вѣроятно, изъ благодарности.

Оба они представляли такую милую картину, что я не удержался,—посадилъ ихъ на первый пень срубленнаго дерева и снялъ съ нихъ фотографическій моментальный снимокъ.

Галя была очень сконфуженъ тѣмъ, что я, окруженный толпой моихъ проводниковъ, навожу на него блестящія стекла аппарата, и, казалось, не смѣлъ даже поднять глазъ; но его пріятельница,—маленькая лисичка,—держала себя непринужденно, слегка разинувъ ротъ, такъ какъ было жарко, и я нисколько не жалѣлъ, что сконфузилъ ребенка.

Вскорѣ мы отправились всѣ вмѣстѣ въ чумъ, что было на берегу, выше.

На самой горкѣ, на возвышеніи берега, лѣсъ былъ вырубленъ, зеленѣла полянка, и на ней было поставлено временное лѣтнее жильё вогула, и сдѣлана небольшая загородка, въ которой спали выпускаемые на волю по ночамъ олени.

Вогуль нарочно загородилъ оленей, чтобы ихъ не разогналъ и не потревожилъ ночью медвѣдь. Медвѣди въ этомъ краю — самое обыкновенное животное; они бродятъ порой около самаго жилища, порой даже приходятъ въ самый пауль—деревушку,

почему вогулы и собираютъ на ночь домашнихъ оленей какъ можно ближе къ своему жилью, чтобы они не разбѣжались отъ такого страшнаго посѣтителя. Кромѣ того, это необходимо и для того, чтобы спасти этихъ чуткихъ къ уколамъ и нѣжныхъ животныхъ отъ тѣхъ сонмищъ комаровъ, которые на нихъ нападаютъ тучами. Для этого вогулы въ загородкѣ разводять огонь, дымъ котораго и спасаетъ бѣдныхъ животныхъ отъ назойливости насѣкомыхъ.

Берестяный чумъ и эта березовая легкая загородка—вогъ и все жилище, лѣтнее стойбище отца маленькаго Гали. Но зато какой чудный видъ открывался отсюда на его родную, тихую, лѣсную рѣку, какъ зеленѣлъ лѣсъ по берегамъ, какъ вдаль сплѣли крутыя, высокія горы! Плесъ рѣки словно дремалъ подъ лучами солнца, только порой кой-гдѣ взметнется рыба; лѣсъ словно задумался, тишина кругомъ—чарующая,—лѣсъ, казалось, мечталъ о чемъ-то прошломъ, далекомъ... Я не могъ долго оторвать глазъ отъ этой картины, не могъ на все это налюбоваться!..

Но пора было идти въ чумъ. Тамъ, пока я любовался и осматривалъ жилье вогула, вскипѣлъ уже мой дорожный чайничекъ. И я, бросивъ еще взглядъ на рѣку, словно боясь, что болѣе не увижу этой прелестной картины, наклонился передъ низенькой дверцей и зашелъ, скорѣе заполезъ, въ чумъ Гали.

Боже, какъ тамъ хорошо!.. Посрединѣ горитъ веселый огонекъ, подымая дымъ въ верхнее отверстіе; кругомъ его на шкурахъ оленей сидятъ вогулы; между ними бѣгаютъ бѣлая собачка и лисичка; тутъ же помѣстился въ углу молодой черный олень, у котораго не было матери, такъ что его кормили хлѣбомъ дѣти, и бѣгали, шныряя между людьми, пара молодыхъ соболей, которые нисколько не стѣснялись такимъ необыкновеннымъ, веселымъ обществомъ.

Я залѣзъ въ чумъ и сѣлъ на приготовленную оленью шкуру къ огню среди вогуловъ.

Теперь всѣ мы были другъ противъ друга, и мнѣ хорошо было видно и маленькаго Гали, и его брата, Манагру, и его сестеръ, и его мать, которая торопилась наливать горячій чай въ чашки, ставя ихъ на низенькій столикъ—на землю, хорошо

было видно и всѣхъ вогуловъ, моихъ проводниковъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ гостепріимнаго чума.

Внутри чумъ былъ тоже изъ бересты, изъ сшитой нитками распаренной бересты; но въ немъ совсѣмъ не было такъ грязно, какъ можно было ожидать,—такъ какъ тутъ горѣлъ костеръ; по стѣнамъ были развѣшаны сѣти, ружья, луки, разные ловушки для рыбы и звѣря, а въ углу, гдѣ была хозяйка, такъ же, какъ и въ любой обыкновенной хижинѣ, была поставлена разная хозяйственная посуда и ящики.

И въ довершеніе всего, надъ сидѣньемъ висѣлъ еще пологъ изъ красного ситца, за который пряталась эта семья отъ комаровъ ночью.

Въ чумѣ, жилищѣ вогула, я рѣшительно позавидовалъ Галѣ: что онъ можетъ, сколько угодно его душѣ, валяться на мягкихъ шкурахъ оленей у родного, теплаго, веселаго огонька.

Послѣ чаю, особенно вкуснаго на этомъ свѣжемъ воздухѣ, намъ подали обѣдъ.

Не было тутъ разнообразныхъ, вычурныхъ, особыхъ блюдъ. Обѣдъ вогула простъ: когда есть рыба, обѣдъ состоитъ изъ рыбы; когда есть мясо оленя, лося,—изъ мяса; когда убитъ косачъ, глухарь, рябчикъ,—изъ дичи. Все это варятъ, жарятъ прямо на вольномъ огнѣ, на кострѣ.

Эти простыя блюда на свѣжемъ, ароматномъ воздухѣ были такъ хороши, питательны, вкусны, что, кажется мнѣ, я давно уже не ѣдалъ съ такимъ аппетитомъ даже въ лучшихъ гостиницахъ столицъ.

К. Д. Носиловъ.

Б а ш к и р ы.

Печальное зрѣлище представляютъ башкирскія деревни скорбныя, подгнившія и покосившіяся избушки, разметанныя и разбитыя непогодой. Вотъ нѣсколько избъ на манеръ итальян-

скихъ виллъ съ плоской крышей, т. е. въ данномъ случаѣ совсѣмъ безъ крыши; потолокъ ихъ убитъ землей, на которой пышно разрастаются всевозможныя сорныя травы, невольно привлекая къ себѣ взоръ ботаника. Среди этихъ семирамидиныхъ садовъ торчитъ покривившаяся глиняная труба, прикрытая закопченнымъ горшкомъ безъ дна. Окна въ иныхъ избахъ безъ стеколъ и заткнуты кусками древесной коры. Входъ въ избу вецетъ изъ жалкаго грязнаго двора, огороженнаго плетнемъ; по срединѣ двора стоитъ прокопченный дымомъ плетеный шалашъ, служащій лѣтнею кухней, а позади къ нему примыкаетъ рядъ плетеныхъ или же обложенныхъ корьемъ загородей для лошадей, скота и козь. Въ немногихъ дворахъ имѣются амбарчики. Эти едва пригодныя для человѣческаго жилья избы вытянуты, во избѣжаніе опасности отъ пожаровъ, двумя правильными линиями по обѣ стороны широкой улицы, покрытой нетоптаной муравой.

Всѣ эти подробности сразу бросаются вамъ въ глаза, когда вы въѣзжаете въ деревушку. Сразу же вы замѣчаете у одной изъ видныхъ избъ, украшенной сильно покривившимся шпиремъ съ полулуной, слѣдовательно, у мечети, какую-то толпу людей, усѣвшихся посреди улицы по-турецки, на корточкахъ, и ведущихъ оживленно бесѣду. Уже по тому, что эти люди не кланяются вамъ, да и вообще не обращаютъ особеннаго вниманія на вашъ приѣздъ, вы можете заключить, что это правовѣрные магометане, не лишеныя извѣстнаго самосознанія. Передъ вами мужчины средняго роста, довольно угловатаго тѣлосложенія, въ бѣлыхъ рубахахъ безъ пояса, въ красныхъ распускныхъ шароварахъ. На головѣ у нихъ, поверхъ маленькой тюбигейки, бѣлая войлочная шляпа, напоминающая опрокинутую тарелку, или же большая мѣховая шапка. Изъ-подъ этихъ головныхъ уборовъ выглядываютъ широкія и смуглыя монгольскія лица съ выдающимися скулами, оттопыренными ушами, большимъ ртомъ, довольно слабой растительностью на губахъ и подбородкѣ; немало, однако, эти некрасивыя фізіономіи оживляются блестящими черными глазами и добродушной улыбкой. Это наши «сѣверные амуры», какъ ихъ остроумно назвали неунывающіе французы, когда башкиры, вооруженные луками и стрѣлами, вступили въ числѣ прочихъ войскъ въ Парижъ.

Навстрѣчу повыскакали одни только любопытные ребятишки, очевидно, еще не усвоившіе себѣ выдержаннаго хладнокровія настоящаго магометанина. Многие совершенно голые, другіе въ самыхъ невѣроятныхъ пестрыхъ лохмотьяхъ; всѣ они страшно грязны, а нѣкоторые покрыты сыпями. Впрочемъ, при звукѣ колокольчиковъ завозились по дворамъ женщины. Очевидно, и онѣ не могутъ удержаться отъ нѣкотораго любопытства, хотя и представляются занятыми работою. Дѣвушки, съ дико всклокоченными волосами, одѣты въ красныя распущенныя рубахи, въ родѣ блузъ, въ грубыхъ мужскихъ сапогахъ и съ платками на головѣ; платки эти, кстати замѣтить, не складываются въ треугольникъ, а носятся распущенными.

Несмотря на нѣсколько холодный или, лучше сказать, безразличный пріемъ, вы быстро сходитесь съ башкирами. Не трудно вамъ даже убѣдиться, что вы имѣете дѣло съ народомъ далеко не дикимъ или глупымъ. Башкиры удивительно мало интересуются личностью проѣзжаго; они на своемъ вѣку видали всяческіе виды, «всякихъ синовниковъ изъ Петербурга или губерніи», т. е. чиновниковъ изъ столицы и губернскаго города. Съ другой стороны, у нихъ на досугъ назрѣло немало вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ они охотно обращаются къ челоуѣку свѣдущему. Васъ спрашиваютъ, что такое комета, есть-ли люди на звѣздахъ, не слыхать-ли чего о войнѣ и т. д. Немало, наконецъ, среди нихъ людей физически вполне крѣпкихъ и свѣжихъ. Вотъ почему, смотря на этихъ туземцевъ и вспоминая о нетронутыхъ богатствахъ ихъ родной страны, вы не можете отдѣлаться отъ вопроса, почему башкиры бѣдствуютъ, почему кругомъ нищета и явные слѣды, повидимому, неизбѣжнаго разоренія.

Въ настоящее время размѣры ихъ владѣній настолько сократились, что они перестали кочевать. Рѣдкіе изъ нихъ выходятъ на коневку въ степь или въ кустарниковый лѣсъ. Обыденный башкиръ ограничивается тѣмъ, что на лѣто перебирается въ свой амбарчикъ или въ какой нибудь шалашъ на дворѣ.

Минуетъ холодная и голодная зима; башкиръ слѣшитъ вздохнуть полной грудью. Онъ вновь наслаждается зеленью и тепломъ, пьетъ свой излюбленный кумысъ съ водою, ведетъ не-

скопчаемыя бесѣды съ сосѣдомъ, принимаетъ гостей и самъ развѣзжаетъ по «кунакамъ». Гостепріимство вообще очень развито у башкиръ. Иногда устраиваются игры, состязанія, борьба, скачки. Пѣніе и танцы неособенно въ ходу. Окрестные жители, чуваша, татары и русскіе, давно уже вспахали поле и засѣяли, а башкиръ все еще медлитъ и ждетъ, не набѣжитъ ли дешевый работникъ или арендаторъ... Аренда для башкира самое излюбленное дѣло; но арендовать у него землю можно посоветовать только опытному человѣку. Башкиръ, въ особенности поблизости къ городскимъ поселеніямъ, страшно любитъ плутовать, хотя и плузуетъ довольно наивно: онъ, напримѣръ, забираетъ задатокъ за одинъ и тотъ-же клочекъ земли у нѣсколькихъ человѣкъ. Зато онъ на судѣ умѣетъ постоять за себя и надолго затянуть дѣло. Башкиры чрезвычайно любятъ судиться. Недаромъ про нихъ рассказываютъ, что иногда истецъ и отвѣтчикъ-башкиръ дружно ѣдутъ на одной лошади цѣлыя сотни верстъ въ губернской городъ, чтобы засудить другъ друга.

Когда потеряна всякая надежда на то, чтобъ попользоваться чужими рабочими руками, башкиръ нехотя и вяло принимается за дѣло и при этомъ, по бѣдности и непредусмотрительности, обыкновенно можетъ сдѣлать только самый ничтожный посѣвъ. Зачастую сѣмена ему приходится покупать у русскаго сосѣда. Наступаетъ конецъ лѣта, а башкиръ, тѣмъ временемъ, ведетъ все тотъ же образъ жизни и окончательно излѣнивается. Ему нужно косить и убирать жатву, а онъ вмѣсто себя посылаетъ бабъ, на которыхъ и безъ того лежитъ вся тяжесть домашней работы, и подростковъ. Мнѣ случалось видѣть, что башкиру не хватало характера пойти и взглянуть, какъ справляется его завѣдомо лѣнивый работникъ. Съ фаталистическимъ равнодушіемъ признаетъ онъ, что запасовъ у него на зиму не хватитъ, что ему придется голодать.

А, между тѣмъ, зима здѣсь такова, что могла бы заставить любого человѣка призадуматься. Маленькія, душныя, полутемныя избушки въ одну комнатку имѣютъ досчатый полъ, болшею частію безъ фундамента; доски подгнившія, съ большими щелями; изъ плохо законопаченныхъ стѣнъ страшно дуетъ. Отапливаются эти избы русскими печами, старинными башкирскими чувалами-

каминами и желѣзными печами; огонь поддерживается постоянно, и желѣзныя печи накаливаются докрасна, но въ то же время леденить со всѣхъ сторонъ сквознякъ. Въ какомъ то полуоцѣпененіи жмутся башкиры, закутанные въ халаты и овчинныя тулупы, на своихъ нарахъ, занимающихъ значительную часть помѣщенія. Лежатъ на кошмахъ (войлокахъ), самодѣльныхъ коврахъ и на подушкахъ, число которыхъ опредѣляется зажиточностью хозяина. За грязнымъ пестрымъ занавѣсомъ находится женская половина. Поддерживаютъ башкиры свое существованіе зимою, главнымъ образомъ, чаемъ, который пьютъ съ величайшею охотою цѣлыми самоварами, начиная съ крѣпкаго чая и кончая чуть-ли не теплой водичкой; чай пьется съ молокомъ и, если на то есть возможность, съ сахаромъ или медомъ. На зиму готовится овезій сыръ, «крушъ»; хлѣбъ ѣдятъ только поблизости къ городамъ, а «маханъ», мясо рогатаго скота, баранина или конина составляетъ нынѣ уже относительную рѣдкость.

Но вотъ тяжелое время на исходѣ. Повѣяло тепломъ! Опять весна... Зеленѣетъ трава, обширныя пространства въ кустарниковыхъ лѣсахъ покрываются благоухающимъ шиповникомъ и жимолостью. Вся природа дышитъ счастьемъ. Счастливы и неприхотливы башкиры.

Подъ гнетомъ суровой судьбы башкиры совершенно утратили жизненную энергію. Они любятъ жизнь и несложныя удовольствія полукочевника, но у нихъ нѣтъ желанія и надежды вырваться изъ бѣды.

«Все равно кончатъ надобно» — вотъ обыденная поговорка башкиръ, когда ихъ упрекаютъ въ лѣни и указываютъ на неминуемую гибель.

«Народъ совсѣмъ галка сталъ», пронизировалъ одинъ башкиръ, желая выяснитъ намъ степень бѣдности и необезпеченности народа. Если къ этому прибавить постепенно распространяющееся среди башкиръ пьянство и возрастающую съ обнищаніемъ болѣзненность, то, конечно, нельзя будетъ сомнѣваться въ неизбежности вымиранія этого народа.

Петри.

Черезъ Уральскія горы.

Уральская желѣзная дорога — одна изъ самыхъ живописныхъ въ Россіи. Сначала по сторонамъ пути видны только лѣса, вспаханныя поля и холмы, покрытые березой и елью; кое-гдѣ сверкаютъ озера, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и рѣзче начинается вступать въ свои права горная природа. Вокругъ все зелено, но уже кое-гдѣ замѣтны слѣды глины и плитняка. То видишь почти подъ собою страшные овраги; за ними далеко-далеко вырастаютъ гигантскіе холмы, покрытые лѣсомъ. То внезапно встрѣчаешь у самой дороги дикія стѣны разрубленной надвое скалы. Поѣздъ проскальзываетъ въ нихъ, какъ въ ворота, и мчится среди зловѣщихъ изуродованныхъ камней, сажени въ три—четыре ростомъ... И снова, опять внезапно, выносятся на необъятный просторъ,—и снова вокругъ все зелено и весело.

Около двухъ часовъ ночи, когда забрезжилъ разсвѣтъ, меня разбудилъ мой случайный попутчикъ и проговорилъ, показывая въ окошко: «Поглядите». Мы вышли на тормазъ.

Было блѣдное сѣрое утро. Утренній холодокъ бодрилъ и разгонялъ утомленіе. Среди стука и грохота поѣзда можно было слышать пѣніе птицъ. Вокругъ все было весело, зелено и красиво. Но страшная глушь, необозримая, безлюдная, раскинулась такъ широко, что не окинешь взглядомъ. Съ одной стороны возвышаются въ беспорядкѣ горные холмы, точно выглядывая другъ изъ-за друга. Съ другой стороны зияетъ страшный оврагъ, поросшій—то травой, то кустарникомъ. За нимъ постепенно поднимается высокая гора, съ лѣсной щетинистой вершиной. Повсюду лѣса, лѣса и камни. И нигдѣ незамѣтно руки человеческой, кромѣ желѣзнодорожнаго полотна. А поѣздъ, поднимаясь въ гору, идетъ медленно и осторожно, образуя собою все время дугу: то изгибаясь вправо, то влево, а въ иныхъ мѣстахъ онъ изгибается почти въ кольцо.

Станціи здѣсь то и дѣло. На ста верстахъ девять станцій. Но вотъ, наконецъ, и граница. Мы подъѣхали къ станціи «Европейской». Еще нѣсколько верстъ—и мы въ Азіи. Это самое высокое мѣсто. Это и есть переваль. До сихъ поръ поѣздъ шель, направляясь въ гору; отсюда онъ постепенно пойдетъ подъ уклонъ.

Подвигаясь впередъ, мы проѣзжаемъ, наконецъ, на полномъ ходу границу Азіи и Европы. Несмотря на свою условность, это мѣсто вызываетъ волненіе среди пассажировъ. Всѣ выглядываютъ въ окна, выходятъ на тормазъ и такъ или иначе добиваются случая увидѣть пограничные столбы, которыми отмѣнены конецъ Европы и начало Азіи. Это двѣ небольшія рѣшетчатыя башенки, сложенные изъ рельсовъ и окрашенные въ бѣлую краску. Съ одной стороны ихъ четко и крупно написано: ЕВРОПА, а съ другой стороны—АЗІЯ.

Близъ станціи Кушва, верстахъ въ двухъ, находится магнитная гора Благодать, знаменитая по богатству своей руды. Названа она такъ въ честь Императрицы Анны Іоанновны, имя которой по еврейски значитъ благодать. У подошвы ея раскинулся огромный Кушвинскій заводъ, а на вершинѣ стоитъ памятникъ-часовня. Существуетъ преданіе, что одинъ вогуль въ 1735 году открылъ тутъ магнитную руду и указалъ ее русскимъ. За это соотечественники сожгли его на вершинѣ горы—въ жертву богамъ. Русскіе при жизни дали ему награду—24 руб. 70 коп., а въ 1826 году поставили на мѣстѣ его казни памятникъ-часовню.

Н. Телешевъ.

Чердынецъ и его промыслы.

Чердынскій край, верхняя Колва и Печора населены чистокровнымъ русскимъ населеніемъ, сохранившимъ не только свой славянскій типъ отъ примѣси всякой инородческой крови, но даже свой говоръ, обычаи и многія пѣсни и преданія старины. Высокій, коренастый, съ красивымъ складомъ лица, мужественными чертами, сѣро-синими глазами и русою бородою—русскій насельникъ Чердынскаго края является потомкомъ новгородской вольницы. Расколъ мало коснулся его, и въ Чердыни старообрядчество держится лишь въ одиночку, тогда какъ масса русскаго населенія остается вѣрною церкви, хотя и любитъ старину. Частенько у печорянина можно встрѣтить и образокъ и книгу древняго письма, нерѣдко найдутся у него и настоящія археоло-

гическія рѣдкости, но собираетъ онъ ихъ просто изъ любви къ своей старинѣ, а не по привязанности къ расколу. Забравшись въ далекій сѣверный уголокъ со временъ первой колонизаціи Біарміи новгородской вольницей, русскій насельникъ Чердыни и верхней Печоры сидитъ тамъ крѣпко, ни въ чемъ не нуждаясь и не стремясь къ дальнѣйшему выселенію или колонизаціи. Всего у него довольно, только хлѣбушка Богъ не уродилъ, но зато въ краѣ есть много кой-чего другого, за что всегда можно купить хлѣба и всякаго другого добра. Правда, сѣтетъ печоранинъ и хлѣбъ, очищая гари и пармы, пуская палъ черезъ вѣковые лѣса, но дѣлаетъ это больше по привычкѣ, чѣмъ по настоящей нуждѣ. Все-таки своего хлѣба ему не хватаетъ, и морозъ очень часто сразу уничтожаетъ результаты долгихъ трудовъ. Зато чердынцу помогаютъ зашибать деньгу его лѣса, воды и горные кряжи, разбросанные по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ края.

Заводская дѣятельность мало еще коснулась Чердыни, — всѣ большіе заводы въ сторонѣ отъ нея. Кое-гдѣ лишь начинается горное дѣло въ Чердынскомъ краѣ. Тѣмъ не менѣе, можно смѣло предсказать, что дѣло это мало-по-малу разовьется и дастъ хорошій барышъ: вѣдь, горы въ Чердынскомъ уѣздѣ — тотъ же самый обильный и богатый Уралъ. Пока же чердынецъ больше всего зашибаетъ деньгу рубкою лѣса и сплавомъ его по своимъ многочисленнымъ, порожистымъ рѣкамъ, благо, — текутъ онѣ прямо съ Урала, — оттуда, гдѣ высятся еще стройные вѣковые кедровники, лиственничные и сосновые лѣса. Правда, трудно вести эту сплавку черезъ многочисленные пороги и карши горныхъ рѣчекъ, протекающихъ черезъ такіа лѣсныя трущобы, по которымъ съ трудомъ пробирается даже лѣсной вогуль, но зато дѣло это очень выгодно, и потому на немъ работаетъ немало людей. Какихъ только мученій не извѣдаютъ они во время своего многонедѣльнаго житья по болотинамъ и лѣсамъ, среди несмѣтной комариной рати, въ сырости и холодѣ, въ борьбѣ съ порогами и капризными фарватерами рѣченокъ. Однако, въ концѣ концовъ привычный чердынецъ превозмогаетъ всѣ трудности и сплавляетъ свой лѣсъ на Колву, а по ней онъ пойдетъ уже въ многоводную Каму.

На верховьяхъ своихъ рѣкъ, богатыхъ строевымъ лѣсомъ, чердынецъ строить и свои многочисленныя суда, которыми онъ снабжаетъ всю систему Камы. Барки, полубарки, шитики, каюки, расшивы, кладныя, тихвинки и тому подобныя суда, появляющіяся и теперь на Волгѣ, часто имѣютъ своей родиной лѣса и рѣки Чердынскаго края. Чердынецъ, однако, только строить ихъ, а не ѣздитъ на нихъ на Каму, довольствуясь путешествіемъ по своимъ горнымъ рѣкамъ въ излюбленныхъ имъ шитикахъ и полубаркахъ, строенныхъ изъ пихтоваго лѣса и покрытыхъ крѣпкою двухтесовою крышей.

Немалымъ подспорьемъ чердынцу служить также рыболовство. Горныя рѣчки Приуральскаго края богаты рыбою, и ея количество здѣсь неисчерпаемо. Чердынецъ не выдумалъ для промысла рыбы особыхъ приспособленій: простая сѣть и морда, въ которыя рыба, какъ онъ выражается, сама идетъ, вполне удовлетворяютъ его.

Кромѣ рыбы, чердынецъ еще промышляетъ много звѣрья. Здѣсь каждый поневолѣ охотникъ и еще съ малолѣтства привыкаетъ владѣть ружьемъ. Оттого, несмотря на плохія винтовки, въ Чердынскомъ краѣ встрѣчаются замѣчательные охотники, для которыхъ убить бѣлку прямо въ глазъ — пустое дѣло. Не ограничиваясь мелкимъ звѣрьемъ, чердынецъ смѣло идетъ и на медвѣдя, тогда какъ его сосѣдь вогуль избѣгаетъ встрѣчи съ косматымъ царемъ сѣверныхъ лѣсовъ. Что касается мелкаго пушнаго звѣрья, то чердынскій охотникъ чаще промышляетъ его при помощи снастей, ловушекъ и силковъ; капканить онъ иногда лисицу и волковъ. На крупнаго звѣрья, въ родѣ оленя и сохатаго, во всемъ Приуральѣ распространены, такъ называемые, самострѣлы, ставящіеся на звѣриныхъ тропахъ. Проходя по мѣсту засады, звѣрь нечаянно спускаетъ тетиву, и стрѣла бьетъ его со страшною силою прямо въ грудь.

Всякаго звѣрья и птицы довольно въ лѣсахъ Приуралья. Вѣковая охота на нихъ человѣка не распугала еще окончательно дичи, и она попрежнему хорошо чувствуетъ себя въ глухой и мѣстами непроходимой тайгѣ. Не говоря уже о буромъ медвѣдѣ-царѣ сѣверныхъ лѣсовъ, волкахъ, встрѣчающихся въ большомъ количествѣ на Уралѣ, здѣсь живетъ и множество звѣрей, мало

знакомыхъ во внутренней Россіи: укажемъ на соболя, горностая, выдру, бобра, росомаху и рысь. Впрочемъ, такъ какъ пушнина составляетъ главную приманку большинства охотниковъ Приуралья—какъ русскихъ, такъ и вогуловъ, то и количество ея мало-по-малу уменьшается, чему способствуетъ и постепенное уничтоженіе лѣсовъ. Особенно это надо сказать про звѣрей, мѣхъ которыхъ наиболѣе цѣнятся, напримѣръ, горностая, соболя и бобра. Этотъ послѣдній встрѣчается лишь по верховьямъ рѣкъ, въ мѣстахъ наиболѣе глухихъ, куда рѣдко заходитъ не только сплавщикъ, но и самъ охотникъ-полѣсовщикъ. Въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ скрывается также соболь, котораго многіе охотники Приуралья даже и не видали. Лишь горностай подходитъ ближе къ мѣстамъ, посѣщаемымъ человѣкомъ.

Больше всего пушнины доставляетъ чердынцу бѣлка, пока еще въ огромномъ количествѣ водящаяся въ лѣсахъ Приуралья. Ради этого небольшого звѣрька многія сотни охотниковъ лѣсуютъ по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ въ тайгѣ, подвергаются всякимъ опасностямъ и нерѣдко погибаютъ отъ лишеній или когтей могучаго «звѣря», какъ называютъ на Уралѣ и въ Сибири медвѣдя. Время бѣлкованья,—поздняя осень и начало зимы,—это самое интересное время сѣвернаго охотника. Онъ живетъ тогда въ тайгѣ цѣлыми артелями, добывая бѣлокъ и прочее звѣрье. Сколько искусства требуется при этомъ отъ него, чтобы маленькою пулкою изъ своей самодѣльной винтовки попасть въ голову небольшому звѣрю! Кромѣ бѣлокъ, составляющихъ главный предметъ бѣлкованья, попутно промышленникъ беретъ и всякаго другого звѣря, даже медвѣдя, сохатаго, оленя.

Отъ чердынцевъ я не разъ слышалъ, что въ лѣсахъ Приуралья водится дикая кошка.

Елистревъ.

По рѣкѣ Чусовой.

(По соч. Малина-Сибиряка и Янишевскаго).

Рѣка Чусовая въ теченіе двухъ столѣтій служила главной дорогой, по которой сплавлялись все металлы Ураль-

скихъ горныхъ заводовъ до Камы, а затѣмъ этой рѣкой уже шли на рынки внутренней Россіи. Металлы эти, готовившіеся въ теченіе зимы, свозились къ многочисленнымъ пристанямъ на р. Чусовой, гдѣ въ то же время заготавливались для сплава ихъ барки и коломенки.

На пристаняхъ кипѣла дѣятельность, и чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ она была лихорадочнѣе. Кромѣ людей, строившихъ суда, на пристани къ веснѣ стекалось множество народа, занимавшагося нагрузкой металловъ, спускомъ судовъ на воду и приготовленіемъ всего необходимаго для далекаго и небезопаснаго плаванія.

Для сплава барокъ по р. Чусовой, конечно, самое важное, когда ледъ вскрыется на рѣкѣ. Чусовая—одна изъ самыхъ капризныхъ горныхъ рѣкъ. Примѣниться къ ней очень трудно; можетъ выйти даже такъ, что при малыхъ снѣгахъ рѣка сама не въ состояніи взломать ледъ, и главный запасъ весенней воды, при помощи котораго сплаваются караваны, уйдетъ подо льдомъ. Поэтому вопросъ о вскрытіи Чусовой для всѣхъ расположенныхъ на ней пристаней, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, составляетъ самую горячую злобу дня, отъ него зависитъ все. Чтобы предупредить неожиданные сюрпризы капризной рѣки, обыкновенно взламываютъ ледъ на Чусовой, выпуская воду изъ Ревдинскаго пруда. Ожиданіе, когда Ревдинскій прудъ спуститъ воду, чтобы взломать на Чусовой ледъ, принимаетъ поэтому самую напряженную форму; всѣ разговоры ведутся на эту тему, одна мысль вертится у всѣхъ въ головѣ.

Понятно то оживленіе, какое охватило пристань Каменку, когда на улицѣ пронесся крикъ:

— Вода пришла!.. Вода... Ледъ тронулся!..

Это былъ глубоко торжественный моментъ.

Все, что было живо и не потеряло способности двигаться, высыпало на берегъ. Въ сѣрой, однообразной толпѣ бурлаковъ, какъ макъ, запестрѣли женскіе платки, яркіе сарафаны, цвѣтные шугай. Ребятишкамъ былъ настоящій праздникъ, и они метались по берегу, какъ стаи воробьевъ. Выползли старые-старые старики и самыя древнія старушки, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть, какъ нынче разыграла матушка Чусовая. Нѣкоторые

старики плохо видѣли, были даже совсѣмъ слѣпые, но имъ было дорого хоть послушать, какъ идетъ ледъ по Чусовой и какъ галдитъ народъ на берегу. Вѣроятно, многіе изъ этихъ ветерановъ чусовского сплава, вдоволь поработавшихъ на своемъ вѣку на Чусовой, и пришли на берегъ съ печальнымъ предчувствіемъ, что они, можетъ-быть, въ послѣдній разъ любятся своей полицей-кормилицей. Сюда же, на берегъ, выползли, приковыляли и были вытащены на рукахъ до десятка разныхъ калѣкъ, пострадавшихъ на весеннихъ сплавахъ: у одного ногу отдало бревномъ, другому руку оторвало порвавшейся снастью, третій корчится и ползаетъ отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ. Эти печальные диссонансы какъ-то совсѣмъ исчезали въ общемъ весельѣ, какое охватило всю пристань. Это былъ настоящій праздникъ, нагнавшій на всѣ лица веселыя улыбки.

Видъ на рѣку съ балкона караванной конторы былъ особенно хорошъ. Нахлынувшій валъ поднялъ ледъ, какъ яичную скорлупку; громадныя льдины съ трескомъ и шумомъ ломались на каждомъ шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы, и, какъ живыя, лѣзли на всякій мысокъ и отлогость, куда ихъ прибывало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная, рѣка теперь шевелилась на всемъ протяженіи, какъ громадная змѣя, съ шипѣньемъ и свистомъ собирая свои ледяныя кольца. Взломанный ледъ тянулся безъ конца, оставляя за собою холодную струю воздуха; вода продолжала прибывать, съ пѣной катилась на берегъ и жадно сосала остатки лежавшаго тамъ и сямъ снѣга. вмѣстѣ съ льдинами несло оторванные отъ берега молодья деревья, старые пни, какія-то доски и разный другой хламъ; на одной льдинѣ съ жалобнымъ визгомъ проплыла собаченка. Поджавши хвостъ, она долго смотрѣла на собравшійся на берегу народъ, пробовала перескочить на проходившую недалеко льдину, но оступилась и черной точкой потерялась въ бушевавшей водѣ.

Въ гавани работа кипѣла. Половина барокъ была совсѣмъ готова, а другая половина нагружалась.

Вода въ Чусовой спала. Ждали второго вала, того паводка, по которому сплавляются всѣ караваны. Обыкновенно его выпускаютъ изъ Ревдинскаго пруда дня черезъ три послѣ перваго

вала. Эти три дня прошли. Барки почти все нагрузились. Приѣхалъ священникъ съ ближайшаго завода святить караванъ.

Наконецъ, пародокъ набѣжалъ. Все на пристани зашевелилось и загудѣло, точно разбудили спавшій улей. Къ свѣту все и все были уже на ногахъ. День выдался пасмурный. Горы казались ниже, по сѣрому небу низко ползли облака — не облака, а какая-то туманная мгла, безформенная свинцовая масса. Чувствительная играла на славу, какъ вырвавшійся изъ неволи звѣрь. Съ глухимъ ревомъ и стономъ летѣлъ внизъ пѣнистый валъ, шипучей волной заливая низкіе берега и съ бѣшенымъ рокотомъ превращаясь на закругленіяхъ береговой линіи въ гряды майдановъ, т. е. громадныхъ бѣлыхъ гребней.

Барки въ гавани были совсѣмъ готовы.

Тысячи народа ждали освященія барокъ на плотинѣ и вокругъ гавани. Весь берегъ, какъ макомъ, былъ усыпанъ человеческими головами, вѣриже, бурлацкими, потому что бабы платки являлись только исключеніемъ, мелькая тамъ и сямъ красной точкой. Молебствіе было отслужено на плотинѣ, а затѣмъ батюшка, въ сопровожденіи дьякона и караванныхъ служащихъ, обошелъ по порядку все барки, кропя направо и налево.

Сейчасъ послѣ освященія толпы бурлаковъ сѣрой волной хлынули на барки, таща за спиной котомки съ необходимымъ харчемъ на дорогу. Всякій старался подалеже спрятать свою котомку въ трюмъ.

Наконецъ народъ размѣстился; убрали сходни, оставалось открыть шлюзъ, чтобы выпустить барки въ рѣку.

Вотъ кто-то на балконѣ конторы махнулъ бѣлымъ платкомъ, на берегу грянулъ пушечный выстрѣлъ, и ворота шлюза растворились. Барка за баркой потянулись въ рѣку и съ увеличивающейся скоростью поплыли впередъ, оставляя берегъ, усыпанный народомъ...

Рѣка неслась, какъ бѣшенный звѣрь. Въ излучинахъ и закругленіяхъ водяная струя съ шипѣньемъ и сосущимъ свистомъ свивалась въ одинъ сплошной пѣнившійся клубъ, который съ ревомъ лѣзъ на камни и, отброшенный ими, развивался дальше широкой, клокодавшей и бурлившей лентой.

Главную красоту Чусовскихъ береговъ составляютъ скалы, которыя (съ небольшими промежутками) тянутся сплошнымъ утесистымъ гребнемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отвѣсно поднимаются вверхъ саженъ на 60, точно колоссальныя стѣны какого-то средневѣкового города.

За межевою Уткою скалистые берега Чусовой становятся все выше, все причудливѣе и разнообразнѣе. Отсюда рѣка, на протяженіи слишкомъ двухсотъ верстъ, течетъ будто въ какой-то гигантской, чрезвычайно извилистой и глубокой трещинѣ, имѣющей въ ширину не болѣе 50—60 саженъ. Отвѣсныя стѣны этой трещины, составляющія берега, представляютъ необыкновенное разнообразіе наслоеній, самымъ прихотливымъ образомъ перекосенныхъ, перегнутыхъ въ дугу или переломленныхъ.

Паденіе Чусовой, какъ всякой горной рѣчки, весьма велико. Вода въ ней и въ лѣтнюю пору очень быстра, а весной эта быстрина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайна. Извилистость рѣчки такова, что не найдется и версты прямого ея направленія. Кажется, что плывешь въ какомъ-то громадномъ, запертомъ со всѣхъ сторонъ скалами каменномъ ящикѣ. Часто случается въ теченіе часа видѣть солнце перемѣнно—то съ одной стороны судна, то съ другой.

Мѣста, опасныя для весенняго сплава, начинаются, такъ называемымъ, «Омутнымъ камнемъ» (ниже деревни «Кошки»), представляющимъ собою отвѣсную, загибающуюся гладкимъ полукругомъ стѣну, въ 30 саженъ высотой. Ниже по теченію рѣчки слѣдуютъ скалы, получившія у сплавщиковъ названія: «Красный камень», «Оленій камень», «Синій камень», «Столбы» и проч.

За устьемъ рѣчки Серебряной лежитъ весьма живописное мѣсто, называемое «Печкою камнемъ». Камень этотъ находится на лѣвомъ берегу рѣчки и представляетъ собою въ высокой стѣнѣ сводообразное углубленіе, въ которое быстрыя струи Чусовой бьютъ почти подъ прямымъ угломъ, образуя водоворотъ, и, огибая потомъ выдающуюся часть скалы, круто поворачиваютъ направо. Подъѣзжающій къ этому камню видитъ, что попалъ въ какой-то глухой рукавъ рѣчки, изъ котораго нѣтъ выхода: справа, слѣва и спереди тѣнятся высокія скалы. Дальнѣйшее теченіе рѣчки становится виднымъ только тогда, когда судно

подплыветъ къ самому Печкѣ-каменю. Этотъ «боецъ» представляетъ очень серьезную опасность для барокъ, но опасность усложняется еще тѣмъ, что сейчасъ же за Печкой стоитъ другой, еще болѣе страшный «боецъ» — «Высокій-камень». Если сплавщикъ побойтся «Печки» и проплыветъ подальше отъ нея, то барка неминуемо попадетъ на «Высокій», потому что онъ стоитъ на противоположномъ берегу въ крутомъ поворотѣ. Чусовая подъ этими «бойцами» дѣлаетъ извилину на подобіе латинской буквы S. Въ первомъ изгибѣ этой буквы стоитъ «Печка», а во второмъ — «Высокій».

За этими камнями слѣдуютъ одинъ за другимъ — «Кирпичный камень», представляющійся стѣной изъ громадныхъ кирпичей, затѣмъ — «Мултыкъ» и «Острякъ».

Самыя высокія и массивныя скалы — еще не самыя опасныя. Большинство настоящихъ «бойцовъ» стоитъ совершенно отдѣльными утесами, точно зубы гигантской челюсти. Опасность создается направлениемъ водяной струи, которая бьетъ прямо на скалу, что, обыкновенно, происходитъ на самыхъ крутыхъ поворотахъ рѣки. Обыкновенно «боецъ» стоитъ въ углу такого поворота и словно ждетъ добычи, которую ему броситъ рѣка.

Душой овладѣваетъ неудержимый страхъ, когда барка сдѣлаетъ судорожное движеніе и птицей полетитъ на скалу. До страшнаго выступа скалы всего нѣсколько сажень... Чувствуешь, какъ холодѣетъ внутри, какъ рябитъ въ глазахъ. Чувство физическаго ужаса овладѣваетъ всѣми. Нѣтъ, скорѣе что нибудь одно: или конецъ, или счастливый исходъ, только не эти страшныя мгновенія ожиданія. Кажется, что все погибло, спасенія нѣтъ... Вонъ сосенки на скалѣ, а тамъ, на берегу, мелькаютъ какіе-то люди... Гребни волнъ обдаютъ палубу дождемъ брызгъ... Когда до «бойца» останется нѣсколько сажень, сплавщикъ отдаетъ команду. Бурлаки, держась за огромныя весла, шарахнутся по палубѣ; бревна весель изогнутся подъ напоромъ страшной человѣческой силы, борющейся съ силой воды. Начинается работа изъ всѣхъ силъ... Вотъ, барка быстро повернула носъ отъ «бойца» и проходитъ мимо него бортомъ, иногда на разстояніи какихъ нибудь 6 четвертей аршина. Но если допущена малѣйшая оплошность, — судно ударяется въ выдающіеся утесы, разби-

вается въ щепы или мгновенно перевертывается вверхъ дномъ. Сколько народа при этомъ погибало! Несмотря на искусство, проворство, ловкость и опытность сплавщиковъ, ни одного весенняго сплава въ прежнее время не обходилось безъ несчастій. Теперь около самыхъ опасныхъ скалъ устроены «заплавни». Это — ряды длинныхъ и толстыхъ бревенъ, скрѣпленныхъ поперечными брусьями такъ, что нанесенная на нихъ барка не разбивается, а сдавливаетъ «заплавни», какъ пружину, и проносится дальше. Кромѣ того, наиболѣе выдающіяся въ рѣку прибрежныя скалы были взорваны динамитомъ. Со времени устройства этихъ приспособленій число крушеній стало значительно меньше. Человѣческія поселенія по Чусовой встрѣчаются очень рѣдко: на всемъ огромномъ протяженіи ея (600 верстъ) расположено нѣсколько заводовъ, до десятка большихъ пристаней, нѣсколько красивыхъ селъ — и все тутъ. Да и селитба здѣсь какая то особенная: высыплетъ на низкій мысокъ десятка два бревенчатыхъ избъ, промелькнетъ полоса огороженныхъ поковъ, и опять лѣсъ и лѣсъ, безъ конца. Нѣкоторыя деревушки совсѣмъ спрятались въ лѣсу, точно гнѣзда большихъ грибовъ.

Изъ населенныхъ мѣстъ, лежащихъ ниже «Мултыка» и «Остряка», встрѣчается Кыновской заводъ, Ослянская пристань и деревня Копчикъ.

Въ семи верстахъ ниже Копчика скала праваго берега носитъ названіе камня «Ермакъ». Это — отвѣсная скала, сажень до 30 высотой. Почти посрединѣ ея имѣется сводообразное отверстіе, идущее въ глубь горы. О пещерѣ сохранилось преданіе, что здѣсь Ермакъ Тимофеевичъ провелъ со своими удалцами цѣлую зиму по пути въ Сибирь. Ученый Георгіи, посѣтившій эти мѣста въ 1771 году, говоритъ, что его спутникъ лазилъ въ эту пещеру, но не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго, и что глубина ея не болѣе 2 сажень. Камень Ермакъ интересенъ тѣмъ, что здѣсь эхо повторяетъ звукъ нѣсколько разъ. Проплывая мимо скалы, бурлаки непременно крикнутъ: «Ермакъ, Ермакъ!» Громкое эхо повторяетъ слова, и бурлаки вѣрятъ, что это отвѣчаетъ имъ самъ Ермакъ, который, по народнымъ повѣртіямъ, былъ колдунъ.

За этимъ камнемъ лежитъ большой перекалъ (переборъ), называемый также Ермаковымъ.

Дальше на пути встрѣчаются скалы праваго берега съ названіями: «Молоковъ», «Разбойникъ» и «Четыре брата». Эти «бойцы» составляютъ послѣднюю преграду, съ которой борется Чусовая. Старикъ Уралъ напрягаетъ послѣднія силы, чтобы заградить дорогу убѣгающей отъ него горной красавицѣ.

Когда издали послышится глухой шумъ, постепенно усиливающийся, на баркѣ, обыкновенно, всѣ обнажаютъ головы и молятся. Это — реветъ рѣка подь «Молоковымъ», однимъ изъ опаснѣйшихъ камней. Рѣка здѣсь дѣлаетъ два крутыхъ поворота, на одномъ изъ которыхъ стоитъ въ углу «Молоковъ», а въ другомъ — «Разбойникъ». «Молоковъ» имѣетъ видъ громадной скалы, стоящей наклоннымъ ребромъ къ теченію рѣки. Вода громаднымъ пѣнистымъ валомъ взбѣгаетъ на него и съ ужаснымъ ревомъ скатывается обратно въ рѣку, превращаясь при этомъ въ пѣну. Отъ этого вся Чусовая подь «Молоковымъ» представляетъ собою вспѣнную массу, точно кипящее молоко. Отброшенная скалой вода пересѣкаетъ теченіе рѣки и образуетъ цѣлую гряду кружащихся и ревущихъ водоворотовъ. Они бѣгутъ по рѣкѣ внизъ, точно стадо бѣлыхъ овецъ. Едва барка минуетъ «Молоковъ», какъ на пути ей показывается «Разбойникъ». Онъ также выходитъ острымъ ребромъ въ рѣку на крутомъ поворотѣ и, до устройства около него «заплавней», былъ страшенъ весеннимъ караванамъ.

«Четыре брата» неособенно опасны для судовъ, но замѣчательны своимъ видомъ: въ крутомъ склонѣ прибрежной скалы, поросшей великолѣпнымъ лѣсомъ, «Четыре брата» представляютъ четыре вертикальныхъ стѣны, расположенныхъ почти на равномъ разстояніи одна отъ другой и далеко выдавшихся изъ зелени окружающихъ ихъ деревьевъ.

Далѣе берега Чусовой представляютъ самый живописный видъ по разнообразію прибрежныхъ скалъ, перемежаемыхъ прихотливымъ образомъ съ яркою зеленью лѣса. За «Четырьмя братьями» слѣдуетъ «Отметышь», скала, состоящая какъ бы изъ двухъ громадныхъ быковъ, далеко выдающихся въ рѣку и обра-

щенныхъ острыми ребрами противъ теченія. Затѣмъ попадаетъ «Коврижка», «Гусельный камень» и «Сосунъ».

Кромѣ скалъ и утесовъ, главную красоту Чусовскихъ береговъ составляетъ лѣсъ. Сѣдя, мохнатыя ели съ побурѣвшими вершинами придаютъ горамъ суровое величіе. Особенно красивы молоденькія пихты, которыя смѣло карабкаются по страшнымъ кручамъ. Ихъ стройные силуэты кажутся вылѣпленными на темномъ фонѣ скалъ, а вершины рвутся въ небо готическими прорѣзными стрѣлками. Изъ такихъ пихтъ образуются цѣлые шапелеры и бордюры. Мертвый камень причудливо драпируется густой зеленью, точно его убрала рука великаго художника. Особенно хороши темные сибирскіе кедры, которые стоятъ тамъ и сямъ на берегу, точно бояре въ дорогахъ зеленыхъ бархатныхъ шубахъ. Какъ настоящіе, кровные аристократы, они держатся особнякомъ и какъ бы нарочно сторонятся отъ простыхъ елей и пихтъ, которыя отличаются замѣчательной неприхотливостью и растутъ, гдѣ попало и какъ попало, только было-бы за что уцѣпиться корнями,— настоящее лѣсное мужичье.

По мыскамъ, заливнымъ лугамъ и той полосѣ, которая отдѣляетъ настоящій лѣсъ отъ линіи воды, ютятся всевозможные различинцы лѣсного царства: тутъ качаются—и гибкая рябина, и душистая черемуха, и раснутившаяся верба, и тальникъ, и кусты вереска, жимолости, смородины, и колючій шиповникъ съ волчьей ягодой. Здѣсь же отдѣльными пролѣсками и островками стоятъ далекіе пришлые люди: горькая осина, со своимъ металлическимъ сѣрымъ стволомъ, безконечно-родная каждому русскому сердцу кудрявая березка, изрѣдка—липа, со своею блѣдною зеленью. Кое-гдѣ попадаются вырубленныя полосы, гдѣ рядами стоятъ свѣжіе пни. Новыя поруби удивительно похожи на кладбище, гдѣ, за трудовымъ недосугомъ, некогда было поставить кресты на могилахъ. Глядя на берегъ Чусовой, кажется, что здѣсь лѣсныя богатства неистощимы, но это такъ кажется. Въ дѣйствительности—лѣсной вопросъ является для Урала въ настоящее время самымъ больнымъ мѣстомъ: лѣса вездѣ истребляются самымъ хищническимъ образомъ, а между тѣмъ, запросъ на нихъ все возрастаетъ. Нѣкоторые участки, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, накануне полного безлѣся. Примѣромъ можетъ служить дача Невьянскихъ заводовъ.

За Чусовской желѣзно-дорожной станціей характеръ рѣки и окружающей мѣстности рѣзко измѣняется. Здѣсь рѣка выходитъ изъ каменнаго корридора и теряетъ характеръ горной рѣки: дно ея дѣлается песчанымъ, теченіе—спокойнымъ, тихимъ; среди луговъ она образуетъ широкіе плеса, по которымъ раскинулись луга, а за ними—пашни.

Невьянская башня.

(Уральская легенда).

Широко и привольно разлилась подъ Невьянскомъ красивая Нейва, задержанная въ своемъ теченіи волею человѣка; тихо и спокойно катитъ свои воды мимо высокихъ гористыхъ береговъ, мимо лѣсистыхъ, зеленѣющихъ острововъ. И не вѣрится какъ то, что эта же самая Нейва бурлитъ и шумитъ въ иныхъ мѣстахъ не хуже любой горной рѣки. Точно огромное стадо овецъ, рассыпалось по крутымъ прибрежнымъ пригоркамъ заводскіе домики. Какъ добрые, бдительные пастыри, высятся надъ ними колокольни церквей; какъ древняя старушка, согнувшаяся подъ тяжестью лѣтъ, стоитъ среди нихъ, пригорюнившись, наклонившаяся на бокъ старая Невьянская башня. Построена, говорятъ, была она подлѣ самой рѣки, но та сама уже отодвинулась отъ нея...

Быстрые годы катятся мимо башни, какъ воды Нейвы, и все дальше и дальше отодвигаютъ отъ окружающихъ ее людей ея настоящую исторію, все глубже и глубже погружаютъ ее въ забвеніе. Самые дряхлые изъ невянскихъ стариковъ могутъ сказать только, что ихъ дѣды видѣли башню такой же старой и погнувшейся на бокъ, какая она теперь. Никто съ точностью не знаетъ, кѣмъ, когда и зачѣмъ она построена. Старые, мелодичные куранты, каждый часъ играющіе на башнѣ, рассказываютъ о чемъ то грустномъ и трогательномъ. Но ихъ надо понимать. И, вѣрно, то, о чемъ они рассказываютъ, каждый понимаетъ по своему, потому что не одна, а нѣсколько легендъ связано со старой башней.

Возьмемъ ту, которая относится къ основанію башни и объясняетъ ея возникновеніе.

Давно-давно, въ незапамятныя времена, когда о Невьянскомъ заводѣ не было и помину, и на его мѣстѣ шумѣлъ густой боръ, духъ окрестныхъ горъ и лѣсовъ зарылъ на берегу Нейвы несмѣтныя сокровища. Далеко кругомъ не было человѣческаго жилья, и только лѣсныя птицы могли слышать временами дикіе крики духа и его хохотъ, когда онъ прилеталъ считать свои сокровища или прибавлялъ къ нимъ новыя. Но птицъ ему нечего было опасаться,—онѣ не могли похитить его богатствъ,—и онъ охотно позволялъ имъ селиться около спрятаннаго имъ клада. Онѣ могли быть даже полезны ему, потому что крикомъ своимъ предупредили бы его о приближеніи человѣка.

Правда, такихъ смѣльчаковъ, которые дерзнули-бы приблизиться къ сокровищамъ горнаго духа, не появлялось больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ проучилъ однажды двухъ дровосѣковъ, забравшихся въ его владѣнія: одного придавилъ срубленнымъ деревомъ, другого—обрушенной на него скалой. Тѣмъ не менѣе, грозный духъ не переставалъ опасаться человѣка; онъ предчувствовалъ, что рано или поздно люди выживутъ его изъ насиженнаго гнѣзда и завладѣютъ всѣми богатствами, которыя онъ попряталъ въ землѣ...

Далеко-далеко отъ Уральскихъ горъ и отъ Нейвы, за тридцать земель, въ тридевятomъ царствѣ, у одного мудраго и радѣющаго о своемъ народѣ царя родился сынъ такой несказанной красоты, что никто не могъ смотрѣть на него безъ восхищенія. Росъ царевичъ, росла и его красота. И когда онъ достигъ совершеннолѣтія, красота его ослѣпляла всѣхъ, какъ солнце. Кто ни взглянетъ на него, тотъ и бѣжитъ за нимъ и не можетъ оторвать очарованныхъ глазъ своихъ, объ одномъ только и помышляя, какъ бы вѣчно любоваться на такую красоту. Идетъ царевичъ полемъ,—земледѣльцы бросаютъ бороны и сохи и бѣгутъ за нимъ слѣдомъ; идетъ городомъ, купцы бросаютъ свои лавки, чиновники—свои дѣловыя бумаги, какія бы спѣшныя онѣ ни были, и тоже бѣгутъ за царевичемъ. А молодежи и красныя дѣвицы, какъ завидятъ его изъ теремовъ своихъ, такъ прямо изъ оконъ на улицу и выбрасываются. Всѣмъ-тѣ хочется хоть разокъ одинъ заглянуть царевичу въ лицо, поймать его свѣтлый взоръ.

Только ни на кого не обращалъ онъ вниманія, и ни къ кому изъ людей не лежало его сердце. Всѣ ему были противны. Видя кругомъ одно поклоненіе своей красотѣ, онъ сталъ презирать людей; и, вѣчно окруженный ихъ толпой, чувствовалъ себя одинокимъ и несчастнымъ.

Сильно запечалился старый царь, видя, сколько бѣдствій доставила людямъ красота его сына и сколько огорченій принесла она самому царевичу; глубоко задумался, какъ пособить горю. Думалъ, думалъ и рѣшилъ удалить царевича изъ предѣловъ своего государства, поселить его въ такой глуши, гдѣ бы не могъ видѣть его ни одинъ человѣкъ.

Печально выслушалъ царевичъ суровую волю отца и покорно отправился на далекій Уралъ; тамъ царскіе слуги, по приказу своего владыки, давно уже подыскали укромное мѣстечко на берегу Нейвы и выстроили на немъ каменную башню для царевича.

Въ ней онъ и поселился. Слуги же его, которые должны были заботиться о его столѣ и платьѣ, помѣстились около, въ деревянныхъ домикахъ, построенныхъ вокругъ башни. Чтобы царевичъ могъ выходить погулять, незамѣченный ими, были продѣланы изъ башни подземные ходы, которые вели къ самымъ красивымъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Только одна слѣпая служанка и должна была прислуживать царевичу въ самой башнѣ.

Ни онъ, ни слуги его, построившіе башню въ отсутствіе горнаго духа, не знали, что она была построена какъ разъ около того мѣста, гдѣ были зарыты сокровища.

Долго царевичъ не могъ освоиться со своимъ одиночествомъ и тосковалъ по прежней, хотя и безрадостной, но все же свободной жизни. Недоброе чувство закралось къ нему въ душу и поселилось въ ней, вырастая день ото дня. Возненавидѣлъ онъ и отца, поселившаго его въ пустынной башнѣ, и всѣхъ людей, по милости которыхъ ему пришлось удалиться отъ ихъ взоровъ.

Въ скоромъ времени возвратился и горный духъ, принеся новую добычу. Гнѣву его не было предѣловъ, когда увидѣлъ онъ, точно выросшее изъ земли, человѣческое поселеніе. Какъ ураганъ, пронесся онъ надъ нимъ и смелъ его съ лица земли. По бревну раскаталъ всѣ домики и вмѣстѣ съ жильцами ихъ

побросалъ въ Нейву. Не пощадилъ бы онъ и башни, да царевичъ, услышавъ крики и вопли своихъ слугъ, вышелъ навстрѣчу разгнѣванному духу.

Какъ увидѣлъ его горный духъ, такъ и погасла его злоба.

— «Ну,» сказалъ онъ, улыбаясь, — «на такую красоту даже и моя рука не поднимется. Оставайся и живи въ этой башнѣ, да хорошенько стереги мое добро. Но только чтобы никого изъ людей не было около тебя! Не смѣй даже и помышлять о томъ, чтобы они прислуживали тебѣ. Если хочешь оставаться здѣсь, то самъ дѣлай все для себя.»

— «Не беспокойся,» отвѣтилъ царевичъ, — «люди не нужны мнѣ. Я ихъ всѣхъ ненавижу.»

— «Очень радъ... Можешь, значить, рассчитывать на мою благосклонность. Я самъ ненавижу ихъ еще сильнѣе, чѣмъ ты. И если твоя ненависть къ нимъ не ослабѣетъ, то я сдѣлаю много хорошаго для тебя. Но горе тебѣ, если ты проникнешься любовью или даже жалостью хотя бы къ одному изъ людей! Тогда ужъ не жди отъ меня пощады.»

Царевичъ увѣрилъ духа, что этого никогда не случится, и зажилъ попрежнему въ своей башнѣ. Только теперь уже некому было прислуживать ему, зато не приходилось и скучать отъ бездѣлья. Познавъ тяжесть труда, позналъ онъ и сладость отдыха. Явились обязанности, явился и интересъ къ жизни. Пробудившаяся мысль запросила работы и материала для нея.

Видя, что царевичъ не похожъ на другихъ людей, горный духъ полюбилъ его и часто бесѣдовалъ съ нимъ; научилъ его понимать языкъ звѣрей и птицъ, шопотъ лѣса, говоръ волнъ, посвятилъ во всѣ тайны цѣлебныхъ свойствъ лѣсныхъ травъ и цвѣтовъ.

Для царевича открылся новый, безконечно интересный мѣръ. Въ каждомъ живомъ созданіи, въ каждомъ явленіи природы увидѣлъ онъ отраженіе высшей мудрости. Все, на что обращать онъ свой взоръ, стало полно для него глубокаго сокровеннаго смысла. Непонятная прежде книга природы теперь была открыта передъ нимъ, и онъ съ жаднымъ восторгомъ черпалъ знанія изъ бездоннаго источника ея премудрости. Природа-мать, казалось, замѣнила ему отца, братьевъ, сестеръ, товарищей — словомъ, всѣхъ людей. И онъ чувствовалъ, какъ его жизнь сливалась съ ея

жизнью. Даже у себя въ комнатѣ онъ ощущалъ это единеніе съ природой.

Узкія, продолговатыя окна башни открывали прелестныя виды на окрестности. Внизу катилась красивая Нейва, бурная и грозная въ непогоду, кроткая и спокойная въ часы затишья, мечтательно-задумчивая въ тихія лунныя ночи,—словно вылитая изъ темно-синяго хрусталя. Днемъ яркое солнце играло въ ней, сѣя алмазы на ея зыбкой поверхности, зажигая огненные искры на изгибахъ переливающихся струй, а въ ясныя ночи плавалъ и дрожалъ въ ней свѣтлорогій мѣсяць. Изогнувшись, какъ змѣя, играя, убѣгала она въ горы, волнистыми грядами, причудливыми уступами столпившіяся надъ ней. Ихъ склоны, крутизны и ущелья были одѣты вѣковѣчнымъ дремучимъ лѣсомъ. Старыя мохнатыя сосны и ели, склоняясь надъ водою, въ тихую погоду разсматривали въ ней свое отраженіе, а въ бурю шумѣли и качали надъ ней своими косматыми головами. И ихъ глухой, невнятный ропотъ сливался съ дикимъ воемъ разгулявшейся бури, съ жалобнымъ плачемъ испуганно бившихся у берега волнъ. И буря, и лѣсъ, и волны вели сердитую рѣчь между собой, и любо царевичу было слушать и понимать ихъ споръ...

Незамѣтно летѣли недѣли и мѣсяцы, а еще незамѣтнѣй пролеталъ дѣятельный заботливый день.

Часто далеко за полночь струилась и качалась въ рѣкѣ полоска свѣта, падавшего изъ окна башни. Совы и филины, жившіе на противоположномъ берегу рѣки, замѣчали, что свѣтъ по временамъ—то исчезалъ, то снова загорался. Это значило, что обитатель башни, утомясь долгимъ, неподвижнымъ сидѣніемъ въ своемъ рабочемъ креслѣ, начиналъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и его высокая, статная фигура, становясь противъ окна, загорала собой свѣчу. Длинная, чудовищная тѣнь неотвязно кралась за нимъ вдоль стѣны и, какъ бы передразнивая, повторяла всѣ его движенія: то останавливалась, какъ онъ, приложивъ руку ко лбу, то принималась торопливо шагать, заложивъ руки за спину; то внезапно успокаивалась, укладываясь на полу около кресла, когда царевичъ садился и начиналъ записывать свои мысли. Только въ одномъ не могла она подражать ему: она двигалась тихо, беззвучно, тогда какъ его шаги гулко и таин-

ственно отдавались въ пустой башнѣ. Гулко и таинственно звучало и карканье ручного ворона, когда онъ, слетѣвъ на плечо царевича, заглядывалъ ему въ глаза своими умными, выразительными глазами.

Проходили—весна красная, лѣто жаркое; скучная, слезливая осень жаловалась и плакала за окнами башни; зимняя вьюга злилась и выла въ каменной трубѣ, а юный узникъ, погруженный въ науку, не зналъ—ни тоски, ни скуки одиночества. Да онъ и не былъ одинъ. Прирученныя имъ лѣсныя животныя и птицы дѣлили съ нимъ часы досуга, развлекали его въ его уединеніи и радовали своей привязанностью.

Воронъ, скворецъ и дроздъ, которыхъ царевичъ выучилъ говорить, потѣшали его своей болтовней; олени и дикія козы сопровождали его во время прогулокъ по лѣсу; зайцы и бѣлки заходили къ нему въ холодъ погрѣть лапочки у камина. «О, какими преданными друзьями я окруженъ теперь», часто думалъ царевичъ: «среди людей я не зналъ такихъ.»

И все-таки онъ чувствовалъ, что жизнь его неполна, что ему не достаетъ чего то. Какое-то гнетущее безпокойное чувство противъ воли жило въ его душѣ, тянуло и звало куда-то.

«Что со мной? Чего еще мнѣ не достаетъ?» спрашивалъ себя въ такія минуты царевичъ.

Какъ возмущился бы онъ, если бы кто-нибудь ему отвѣтилъ: «Тебѣ не достаетъ людей.»

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, только царевичъ не сознавалъ этого. Онъ былъ увѣренъ, что, дѣйствительно, ненавидитъ людей, и всячески старался поддерживать въ себѣ эту созданную его воображеніемъ ненависть.

«Люди фальшивы и неблагодарны», увѣрялъ онъ себя, «за любовь и сочувствіе къ нимъ они платятъ коварствомъ и измѣной.»

И онъ не сознавалъ, что былого озлобленія противъ людей уже не было въ его душѣ; не зналъ, что жалость и любовь къ какому бы то ни было живому существу есть преддверіе жалости и любви къ человѣку, что, любя своихъ двоюродныхъ братьевъ,—безсловесныхъ тварей,—нельзя ненавидѣть родного брата своего,—разумнаго человѣка.

Скоро ему пришлось убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ.

Однажды утромъ, въ отсутствіе горнаго духа, отлучившагося куда-то, царевичъ, гуляя въ лѣсу, услышалъ не то рыданія, не то стоны, раздававшіеся изъ оврага.

«Кажется, это стонетъ человѣкъ», подумалъ царевичъ и сталъ прислушиваться.

Сомнѣнія не было: это были человѣческіе стоны. Виденъ былъ и тотъ, кто стоналъ, распростертый на днѣ оврага. Судорожныя подергиванія его лица и вздрагиванія тѣла показывали, какую невыносимую боль онъ испытывалъ. Вся одежда его была въ крови.

Царевичъ въ ужасѣ отшатнулся отъ этого зрѣлища и быстро зашагалъ по лѣсу. Самыя разнообразныя чувства нахлынули на него, и въ головѣ его все перепуталось.

Чего онъ испугался, увидѣвъ этого человѣка? Зачѣмъ побѣждалъ отъ него? Вѣдь, онъ знаетъ, какъ ему помочь,—для кого же и для чего онъ бережетъ свои знанія? И ненавидя людей, можно избавлять ихъ отъ страданій, чтобы не терзаться самому, глядя на нихъ. Но стоитъ-ли этотъ человѣкъ того, чтобы возиться съ нимъ? Не придется ли послѣ раскаяться въ своемъ великодушій?

—Вернись и помоги ему! настойчиво повторялъ какой-то внутренней голосъ.

—Не хочу! Не пойду! Какое мнѣ дѣло до него! Пусть умираетъ! возражалъ царевичъ и шелъ все скорѣй и скорѣй.

А ноги точно не слушались его и точно стремились повернуть его обратно.

Усталый, совершенно обезсиленный этой внутренней борьбой, вернулся царевичъ въ свою башню и, тяжело дыша, бросился на постель. Спрятавъ голову въ подушки, онъ точно хотѣлъ укрыться отъ кого-то.

Но кровавый образъ попрежнему стоялъ передъ глазами, и раздирающіе душу стоны не переставали раздаваться въ ухахъ. Все тише и тише звучалъ въ сердцѣ недобрый голосъ, говорившій: «Не ходи, пусть онъ погибнетъ!».

Все громче и громче заглушалъ его другой, молившій скорбно и проникновенно: «Не дай ему погибнуть! Ты можешь спасти его!».

Точно ужаленный змѣей, вскакивалъ съ постели царевичъ и принимался быстро шагать по комнатѣ взадъ и впередъ. Снова ложился и снова вскакивалъ.

Подъ вечеръ, блѣдный и измученный, опять пошелъ онъ въ лѣсъ и, самъ того не замѣчая, направился къ оврагу, изъ котораго утромъ слышались стоны.

Распростертый на землѣ человѣкъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ; но изъ его сжатыхъ губъ не вылетало ни одного звука. Глаза были закрыты, и только слабое дыханіе говорило, что жизнь еще несовсѣмъ угасла въ этомъ изможденномъ тѣлѣ.

Тихо склоняясь надъ умирающимъ, царевичъ долго смотрѣлъ на его мертвенно-блѣдное лицо съ закрытыми глазами, прислушивался къ его рѣдкому прерывистому дыханію. Ему вспомнилась сорвавшаяся съ крутизны и разбившаяся о скалы серна, которую онъ нашелъ въ горахъ прошлой осенью. Вылѣчилъ же онъ ее. Такъ неужели этому человѣку онъ не подастъ помощи?

Царевичъ осторожно поднялъ холодѣющее тѣло и понесъ его къ себѣ въ башню. Тамъ онъ бережно положилъ его на постель. Благодаря его лекарствамъ, больной скоро открылъ глаза и сталъ замѣтно возвращаться къ жизни.

Въ порывѣ благодарности, онъ прстянулъ руки къ безмолвно смотрѣвшему на него царевичу и горячо воскликнулъ:

— О, какъ мнѣ благодарить тебя! Ты спасъ мнѣ жизнь, и я никогда, никогда не забуду этого!... Кто ты? Какъ буду помнить я тебя въ своихъ молитвахъ?

Царевичъ стоялъ не шевелясь и ничего не отвѣтилъ.

Больной схватилъ его руку и, судорожно сжавъ ее въ своихъ рукахъ, припалъ къ ней губами.

Царевичъ вздрогнулъ, когда горячія слезы упали на его руку. Какое-то сладостное, до той поры невѣдомое ему чувство охватило его душу, сдавило ему горло. Онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и бросился бѣжать изъ башни. Въ объятіяхъ матери— природы искала успокоенія его потрясенная душа и нашла его.

Когда, пройдивъ нѣсколько часовъ по лѣсу, онъ пришелъ къ рѣкѣ и припалъ усталой головой къ мшистому подножію скалы, въ душѣ его было тихо и спокойно.

Съ темнаго неба смотрѣли на него дрожащія звѣзды и какъ будто чему-то радовались. Высокія деревья, окутанныя покровомъ ночи, одобрительно кивали ему своими кудрявыми головами, важно и таинственно перешептывались о чемъ то; трава нѣжно шелестила вокругъ, а легкія волны ласково плескались у его ногъ, ударяясь о прибрежные камни.

Съ восторгомъ прислушивался царевичъ ко всѣмъ этимъ звукамъ, и ему казалось, что всѣ таинственные голоса ночи отдаются въ его обновленной душѣ, сливаются въ ней въ одно чудное, неизъяснимо трогательное созвучіе.

«Я не хочу больше оставаться здѣсь», говорилъ онъ себѣ, «я уйду къ людямъ вмѣстѣ съ этимъ спасеннымъ мной человекомъ, когда онъ поправится совсѣмъ. Я передамъ имъ свои знанія, свою великую любовь къ природѣ и ко всему живущему. Моя красота не будетъ ужъ приносить людямъ несчастья, не ее будутъ теперь они видѣть, а просвѣчивающую сквозь нее душу мою, которая будетъ согрѣвать своей любовью всѣхъ проходящихъ ко мнѣ... Любой народъ станетъ моимъ народомъ, и въ каждомъ старикѣ я буду чтить отца... О, теперь только я постигъ, въ чемъ заключается назначеніе человѣка, въ чемъ его счастье! И я пойду къ людямъ и расскажу имъ это.»

Увы! этой мечтѣ царевича не суждено было осуществиться. Едва онъ и его оправившійся отъ болѣзни товарищъ покинули башню, какъ были настигнуты воротившимся изъ отлучки горнымъ духомъ. Однимъ ударомъ своей тяжеловѣсной палицы онъ разможилъ голову спутнику царевича, а послѣдняго подвергъ строгому допросу.

—Какъ ты смѣлъ ослушаться меня! Я запретилъ тебѣ жалѣть людей, и ты общалъ мнѣ ихъ ненавидѣть. Между тѣмъ, ты пожалѣлъ и вылѣчилъ этого человѣка, да еще вдобавокъ уходишь съ нимъ. Развѣ для того я училъ тебя испытывать цѣлебныя свойства травъ, чтобы ты лѣчилъ ими злѣйшихъ враговъ моихъ — людей? Да знаешь ли ты, что я самъ бросилъ въ оврагъ этого негодяя за то, что онъ подбирался къ моему кладу: нарочно и не прикончилъ его, чтобы онъ подольше мучился. А ты вылѣчилъ его мнѣ на зло. Понастоящему, я долженъ былъ-бы

строго наказать тебя, но такъ какъ это еще первая твоя вина передо мной, то я готовъ простить ее тебѣ, если ты проклянешь людей и дашь мнѣ слово, что никогда не выйдешь изъ этой башни.

—Я не могу проклясть людей, потому что люблю ихъ, отвѣтить царевичъ,— и не могу остаться здѣсь, потому что хочу жить съ людьми.

—Чтобы выдать имъ тѣ тайны, въ которыя я тебя посвятилъ, и указать имъ то мѣсто, гдѣ я схоронилъ свой кладъ! гнѣвно воскликнулъ горный духъ.—И ты думаешь, что я допущу тебя до этого? Ты — или останешься въ башнѣ или умрешь!

—Предпочитаю умереть, твердо сказалъ царевичъ:—жить вдали отъ людей и ничего не дѣлать для нихъ, когда сердце полно любви къ нимъ, полно неутомимой жаждой дѣлать для нихъ добро,— это выше моихъ силъ!.. Убей меня, но дай мнѣ еще разъ проститься со своей башней, гдѣ я провелъ столько лѣтъ, и съ моимъ ворономъ, котораго я такъ сильно люблю.

Горный духъ согласился исполнить эту просьбу. Онъ надѣялся, что царевичъ еще одумается и останется жить въ башнѣ.

Царевичъ же не безъ умысла попросилъ отсрочить свой конецъ. Ему хотѣлось во что бы то ни стало передать людямъ свои знанія, свое пониманіе, въ чемъ заключается истинное счастье и какъ овладѣть имъ.

Придя въ башню, онъ принялся торопливо записывать мысли, тѣснившіяся въ его головѣ, и чувства, тѣснившіяся въ его сердцѣ. Когда это горячее посланіе къ людямъ было окончено, царевичъ свернулъ трубочкой мелко исписанный пергаментъ, перевязалъ лентой и, открывъ окно, кликнулъ сидѣвшаго надъ нимъ ворона.

Воронъ тотчасъ же слетѣлъ къ нему и сѣлъ на подоконникъ.

—Вѣрный и преданный другъ мой! со слезами промолвилъ царевичъ,—отнеси людямъ это первое и послѣднее мое письмо къ нимъ! Твой умъ, твое чутье подскажутъ тебѣ, кому изъ людей ты долженъ передать его... Лети же, мой воронъ, лети, мой крылатый другъ! И, какъ зѣницу ока, береги мое дорогое посланіе!

Царевичъ привязалъ пергаментъ къ шеѣ ворона и прежде, чѣмъ отправить своего чернаго гонца, нѣсколько разъ горячо поцѣловалъ его въ голову.

— Прощай, прощай! мы никогда больше не увидимся съ тобой! говорилъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

Въ глазахъ умной птицы тоже засвѣтилось что-то похожее на слезы. Она какъ будто понимала, что жизнь никогда еще не казалась царевичу такой прекрасной, и никогда желаніе жить не было въ немъ такъ сильно, какъ въ эту тяжелую минуту...

Грустно и безнадежно, точно звонъ погребальнаго колокола, прозвучалъ прощальный привѣтъ ворона:

— Прощай! прощай! каркнулъ онъ царевичу и, взмахнувъ крыльями, полетѣлъ прочь.

Пока онъ не скрылся изъ виду, царевичъ стоялъ у окна и смотрѣлъ ему вслѣдъ. По щекамъ его катились крупныя слезы.

— Ну, что же? долго ты будешь раздумывать? поднимаясь въ башню, крикнулъ горный духъ. — Какой же дашь ты мнѣ отвѣтъ?

— Все тотъ же, отвѣчалъ царевичъ: — я рѣшилъ умереть.

— Это послѣднее твое слово?

— Послѣднее.

Разгнѣванный духъ смялъ царевича своей могучей рукой и изъ окна башни швырнулъ его въ самую средину Нейвы. Рѣка въ ужасѣ метнулась въ сторону и отодвинулась отъ башни; а башня печально поникла головой и склонилась на бокъ, видя такую ужасную смерть царевича.

Хотѣлъ было горный духъ уничтожить и башню, да передумалъ, какъ и въ первый разъ, когда намѣревался разрушить ее, и только насмѣшливо сказалъ ей:

— Стой и напоминай людямъ, что я сдѣлалъ съ царевичемъ за его любовь къ нимъ.

«Нѣтъ, я буду напоминать людямъ только о томъ, какъ любилъ ихъ царевичъ, и какъ горячо желалъ онъ, чтобы и они любили другъ друга», про себя подумала башня.

Хорошо, что горный духъ не угадалъ ея отвѣта, а то не сдобровать бы ей: камня на камень не оставилъ бы отъ нея.

И она стоитъ невредимо и по сію пору, не то пригорюнившись, не то задумавшись надъ чѣмъ-то.

Донесъ ли воронъ вѣренное ему посланіе?... Что, умирая, хотѣлъ сказать людямъ царевичъ?

Вотъ объ этомъ, должно-быть, такъ нѣжно, такъ печально и рассказываютъ мелодичные куранты, играющіе на башнѣ.

Е. Гадмеръ.

Семь братьевъ*).

(Уральская легенда).

Старый Монгъ сидѣлъ у воротъ своего дома и сосредоточенно смотрѣлъ вдаль. Думы, одна за другой, пронеслись въ его головѣ, подобно измѣнчивымъ вечернимъ облачкамъ, вереницей тянувшимся по небу.

Вечеръ былъ чудный, теплый и ясный. Закатъ былъ необычайно пышенъ и величественъ. Западный край неба точно объятъ былъ огнемъ, точно купался въ расплавленномъ золотѣ. Багровымъ заревомъ были охвачены и легкія тучки; расплавленное золото переливалось и на ихъ изгибистыхъ краяхъ. Золотисто-розовый отблескъ зари широко расплывался по небу и, блѣднѣя, таялъ въ вышинѣ.

Такихъ яркихъ красокъ на горизонтѣ, такихъ нѣжныхъ тоновъ въ глубинѣ небесной лазури, казалось, никогда еще и не видѣлъ человѣческой глазъ.

Сумрачныя вершины величественнаго Урала, вытянувшись вереницей, точно монахи, чинно ставшіе на молитву, казалось, полны были благоговѣйнаго созерцанія и неземныхъ возвышенныхъ думъ.

Но старый Монгъ, погруженный въ свои размышленія, не замѣчалъ этой волшебной красоты неба и величавой прелести окрестной картины, и его настроеніе было далеко не молитвенное. Онъ смотрѣлъ, не клубится ли пыль на дорогѣ, не покажутся ли тѣ, кого онъ поджидалъ. Онъ думалъ о своихъ сыновьяхъ: почему они такъ долго не возвращаются? Не случилось ли чего

*). Скалы-столбы около станціи «Исеть».

нибудь съ ними? Ужъ не взбунтовались ли снова рабочіе на пріискѣ? Въ прошлый разъ они чуть не убили старшаго сына Монга, когда тотъ отказался исполнить ихъ требованіе.

Поэтому старикъ не на шутку безпокоился о дѣтяхъ. Тревога его еще болѣе усилилась, когда старуха, жена его, вмѣстѣ съ дочерью и служанкой хлопотавшая объ ужинѣ, вышла на крыльцо и со вздохомъ сказала: «Что же это, Монгъ?... У меня все сердце изныло отъ тоски! Вѣрно, съ сыновьями нашими случилось чтонибудь недоброе,—вѣдь, имъ давно пора бы ужъ вернуться... Посмотри,—вонъ, и милая дочка наша тоже въ тревогѣ и слезахъ.

Дугитри вышла печальная и заплаканная и стала молча смотрѣть на дорогу. Монгъ старался успокоить обѣихъ женщинъ, но это было не такъ легко.

«Нѣтъ, Монгъ, ты напрасно прикидываешься спокойнымъ; въ душѣ, я знаю, ты тревожишься не меньше моего», замѣтила ему жена:—«послушайся хоть разъ моего совѣта! Брось ты золото! Оно приноситъ намъ только одно горе, и, Богъ знаетъ, что еще принесетъ впереди. Какъ хорошо мы жили, пока мы растили свои богатства на нивѣ и въ лугахъ, а не искали ихъ подъ землей! Мы знали, сколько мы посѣяли хлѣба, сколько скосили травы, сколько пасется у насъ на пастбищѣ скота и сколько, значитъ, можемъ получить прибыли за всѣ свои хлопоты и труды. Мы знали, что каждая горсть зерна, каждый клочъ сѣна заработаны нами, и на душѣ у насъ было легко и спокойно. А теперь мы надѣемся только на слѣпой случай, на дикое счастье; теперь мы стали жадны и завистливы, хотимъ имѣть все больше и больше и досадуемъ, если ожиданія наши не оправдываются. Теперь только и думы у насъ, какъ бы найти побольше золота, только и заботы, какъ бы кто не обокралъ насъ... Посмотри на сыновей нашихъ,— что случилось съ ними! Какіе они были веселые да радостные, когда вмѣстѣ съ тобой работали въ полѣ!.. А теперь.. Такой ли былъ и ты прежде!.. Монгъ, дорогой мой! брось ты это проклятое золото! займись опять хлѣбопашествомъ!»

— Полно, Джани! возразилъ женѣ Монгъ: — ты ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаешь. Ты разсуждаешь, какъ малое дитя. Кто же добровольно отказывается отъ богатства, валяющагося подъ

ногами, и легкой трудъ мѣняетъ на тяжелый? Когда я занимался хлѣбопашествомъ, я самъ и всѣ сыновья наши вмѣстѣ съ наемнымъ людомъ работали въ полѣ; да и то въ плохія годы я съ трудомъ сводилъ концы съ концами. А теперь на насъ сыплется золотой дождь, и я могу жить, ничего не дѣлая. Сыновьямъ тоже невеликъ трудъ: только присматриваютъ, какъ на насъ работаютъ другіе.

«Ахъ, Монгъ, зато мы прежде знали покой, котораго у насъ теперь нѣтъ; зато мы прежде вѣрили людямъ, которые работали на насъ, и не боялись ихъ; а теперь мы никому не доверяемъ и cadaго опасаемся, какъ бы онъ не обманулъ насъ, не утаилъ бы нашего добра. Если прежде мы сами работали со своими слугами, зато они уважали и любили насъ. Теперь же мы смотримъ только, какъ они работаютъ на насъ, и они видятъ въ насъ враговъ и притѣснителей своихъ и во всякую минуту готовы сорвать на насъ свою злобу. Вѣдь, имъ, дѣйствительно, тяжело приходится теперь. Развѣ можно сравнить ихъ прежній трудъ въ полѣ съ теперешнимъ въ шахтѣ? Немудрено, что они таятъ теперь въ своемъ сердцѣ злобу противъ насъ.. Монгъ! отецъ мой былъ умный и разсудительный человѣкъ; а онъ говорилъ, что считаетъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, потому что у него нѣтъ ни одного врага, и онъ можетъ спокойно заснуть, положивъ голову на колѣни любого изъ своихъ слугъ. А развѣ ты можешь безбоязненно доверить себя спящаго кому-нибудь изъ тѣхъ, которые работаютъ на тебя?»

-- «Довольно объ этомъ! строго прервалъ жену Монгъ:» — прошу тебя, Джани, не вмѣшивайся въ мои дѣла! Я самъ знаю, что дѣлаю!»

Воцарилось тяжелое молчаніе, прерываемое только вздохами Джани.

Дугитри, какъ изваяніе, неподвижно стояла на крыльцѣ, устремивъ глаза вдаль. Изыящный силуэтъ ея красиво рисовался на свѣтломъ фонѣ яснаго неба.

Легкій вѣтерокъ шаловливо игралъ ея распущенными, черными, какъ смоль, волосами и алой лентой, извивавшейся въ нихъ. Пышныя краски заката давно исчезли съ поблѣднѣвшаго неба. Пурпуръ и позолота сошли съ причудливыхъ тучекъ, и

онѣ имѣли теперь некрасивый, будничныи видъ, напоминая собой скорѣе клочья какой то разорванной матеріи грязно-сѣраго цвѣта. Одно облачко, темнѣе другихъ, удивительно походило на какую-то фантастическую птицу, широко распластавшую длинныя крылья.

Дугитри первая замѣтила это сходство.

«Смотрите!» воскликнула она:—«какая странная птица летитъ по небу!»

Пока отецъ и мать смотрѣли на призрачную птицу, другая птица, живая, стала медленно спускаться къ нимъ съ вышины.

Полные суевѣрнаго ужаса, всѣ, затаивъ дыханіе, стали слѣдить за ея движеніями.

Это былъ громадный воронъ. Въ клювъ онъ держалъ что-то бѣлое. Медленно и плавно опускался онъ все ниже и ниже. Когда онъ очутился совсѣмъ низко, надъ самой головой Монга, онъ выпустилъ изо рта свертокъ, бѣлѣвшій въ его клювъ, и свертокъ упалъ на колѣни Монга.

Воронъ взвился вверхъ и такъ же неожиданно исчезъ, какъ появился. Дрожащими отъ волненія руками Монгъ взялъ таинственный свитокъ и, развернувъ его, сталъ читать.

По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ чтеніе, лицо его свѣтлѣло, и выраженіе тревоги сходило съ него. Жена и дочь съ любопытствомъ слѣдили за нимъ.

«Что же ты не подѣлишься съ нами? Что намъ не скажешь, какую вѣсточку принесъ тебѣ воронъ?» нетерпѣливо спросила Джани.

— Молчи, старуха! весело отвѣтилъ Монгъ: - дай дочитать до конца. Не тревожься и благодари Бога за то, что Онъ посылаетъ намъ Свою милость. Будемъ и впредь мы доставать золото изъ земли, а грѣха изъ-за этого никакого не будетъ: все будетъ основано на справедливости. Неправильно мы взялись за дѣло, потому и видимъ столько непріятностей отъ него. А возьмемся за него иначе, и все пойдетъ по-хорошему. Тогда и работники наши не будутъ роптать и злѣбиться на насъ, тогда я, какъ и твой отецъ, буду въ состояніи положить голову на колѣни любаго изъ своихъ слугъ. Хорошо мы заживемъ, старуха! Да и не мы одни, а всѣмъ тогда будетъ хорошо жить на свѣтѣ!

«Смотрите, смотрите!» радостно закричала Дугитри: «вонъ, пыль поднялась по дорогѣ: ѣдутъ братья!»

Это, дѣйствительно, были сыновья Монга. По бѣшеной скачкѣ ихъ лошадей можно было заключить, что съ ними случилось что-то особенное. Не имѣя за собой опасности, имъ не было надобности такъ спѣшить. Они точно спасались отъ чьего-то преслѣдованія.

И Монгъ, и Джани, и Дугитри стали тревожно считать всадниковъ.

Слава Богу! Всѣ семеро налицо! Но гдѣ же слуги? Что такое случилось?

— Отецъ! Бѣда!—еще издали крикнулъ старшій изъ братьевъ: работники взбунтовались противъ насъ, хотятъ перебить насъ всѣхъ и разграбить наше имущество! Они гонятся слѣдомъ за нами! Спасайтесь скорѣе! Сейчасъ мы осѣдлаемъ вамъ коней и поскачемъ всѣ вмѣстѣ.

— Куда же мы скроемся?

— Въ пещеру, гдѣ у тебя спрятано золото.

«Какъ же мы оставимъ домъ и хозяйство?» сказала Джани.

— Ахъ, мама! Жизнь дороже дома и хозяйства!—возразилъ сынъ:—нельзя терять времени, надо спѣшить, иначе спастись ужъ будетъ невозможно.

— Я долженъ остаться, и я останусь здѣсь, твердо сказалъ Монгъ:—я виноватъ во всемъ случившемся,—стало быть, я и долженъ поправить дѣло.

Въ немногихъ словахъ старикъ рассказалъ о таинственномъ свиткѣ, принесенномъ ему ворономъ, и что въ этомъ свиткѣ заключалось.

— О, если бы я раньше зналъ эти истины, прибавилъ онъ со вздохомъ,—какъ счастливы были бы мы сами и окружающіе насъ люди! Тогда золото, которое теперь принесло намъ столько горя, принесло бы намъ однѣ только радости. О, я увѣренъ, что еще не поздно исправить свои ошибки! Стоитъ только прочесть этотъ свитокъ поднявшимся противъ насъ людямъ, и они тотчасъ же смирятся.

— А станутъ ли они слушать тебя? Что, если прежде, чѣмъ ты успѣешь прочесть имъ хотя одно слово, они вырвутъ у тебя

свитокъ и уничтожать его? возразилъ опять старшій сынъ:— они такъ возбуждены, такъ озлоблены противъ насъ, что едва ли станутъ слушать отъ насъ какія бы то ни было истины, какъ бы уѣдительно онѣ ни были. Драгоценный свитокъ исчезнетъ, и никто изъ людей не узнаетъ его содержанія.

— Да, ты правъ, согласился Монгъ,— я не долженъ рисковать такой драгоценностью,— въ ней все будущее счастье челоуѣчества.

— Мы сдѣлаемъ вотъ что, прибавилъ онъ, помолчавъ:— вы съ матерью и сестрой уѣзжайте скорѣе, увозите съ собой свитокъ и спрячьтесь въ пещерѣ, гдѣ хранится наше золото. А я останусь здѣсь. Я помню содержаніе рукописи и на словахъ передамъ его бунтовщикамъ. Какъ знать! Можетъ быть, мнѣ и удастся усмирить ихъ и уладить наши взаимныя отношенія. Тогда вы вернетесь домой, и мы заживемъ по-новому. Спѣшите! Съ Богомъ!.. Прощай, Джани, прощай, добрая и вѣрная подруга дней моихъ!

«Нѣтъ, Монгъ! Я не пойду, я останусь съ тобой!» со слезами на глазахъ воскликнула Джани:— всю жизнь мы прожили вмѣстѣ, не разставаясь ни разу, и теперь я не покину тебя. Что бы ни случилось съ тобой, я хочу до конца быть съ тобой, хочу раздѣлить твою участь, какова бы она ни была! Дѣти поѣдутъ одни.»

Всѣ были до слезъ тронуты самоотверженной преданностью старой Джани, и никто не посмѣлъ прекословить ей. Только Дугитри промолвила, рыдая:

«Мама, позволь и мнѣ остаться съ тобой и отцомъ!»

«Нѣтъ, дорогая моя дочка, отвѣтила Джани,»— ты поѣдешь съ братьями. Твоя жизнь еще вся впереди, и потому ни я, ни отецъ не позволимъ тебѣ остаться здѣсь.»

— Да! да! прибавилъ въ свою очередь Монгъ:— ты должна ѣхать съ братьями. Тебѣ я вручаю драгоценный свитокъ, а братья твои должны охранять тебя и его.

Съ этими словами онъ передалъ дочери пергаментъ и, перекрестивъ, благословилъ и горячо поцѣловалъ ее, а потомъ и сыновей.

Благословила дѣтей и старая Джани. Опечаленные, со слезами на глазахъ, простились дѣти съ родителями и молча тро-

нули въ путь. И тѣмъ и другимъ казалось, что они навсегда простились другъ съ другомъ и никогда ужъ болѣе не увидятся. Горько заплакала Дугитри и долго не могла успокоиться, долго оборачивалась назадъ, пока отчій домъ и родительская чета у его воротъ не скрылись за поворотомъ дороги. Вѣрный конь, на которомъ ѣхала дѣвушка, тихимъ сочувственнымъ ржаніемъ отвѣчала на ея рыданія, точно хотѣлъ успокоить свою любимицу госпожу.

— Полно, Дугитри! ласково говорилъ младшій изъ братьевъ, особенно нѣжно любившій сестру:—Богъ посылаетъ намъ тяжелое испытаніе, и мы должны мужественно перенести его. Будемъ надѣяться, что отецъ не обманется въ своихъ ожиданіяхъ, и что все обойдется благополучно.

«Ахъ, я рада бы надѣяться, что бѣда минуетъ,» отвѣчала Дугитри,—«рада бы не печалиться! Но что же мнѣ дѣлать съ собою, если слезы сами льются изъ глазъ, а вѣщее сердце болитъ и ноетъ, сулитъ одно горе! Ты видѣлъ, заяцъ перебѣжалъ намъ дорогу; а, вонъ, падучая звѣзда прокатилась по небу. Ахъ, это все дурныя предзнаменованія.»

Дѣвушка умолкла. Молчали братья. Молчалъ и засыпавшій лѣсъ. Только топотъ коней нарушалъ тишину, да какія то ночныя птицы протяжно и зловѣще перекликались въ глубинѣ лѣса.

Бунтовщики тѣмъ временемъ подходили къ господской усадьбѣ.

Старый Монгъ, вмѣстѣ съ женой, своей мужественно встрѣтилъ ихъ у воротъ.

— Дѣти мои! кротко обратился онъ къ приближавшимся людямъ:—бросьте свои колья и дубины и выслушайте меня! Я много виноватъ передъ вами и не хочу оправдываться! Чтобы удержать васъ отъ ненужной жестокости и насилія, скажу вамъ только, что я вполне сознаю свои вины и отъ всего сердца желаю загладить ихъ. Я былъ слѣпъ, я не понималъ прежде, какъ неразумно и несправедливо я поступалъ съ вами, и въ этомъ вся бѣда. Но сегодня чудесный случай открылъ мнѣ глаза. Я понялъ свои заблужденія, уразумѣлъ заповѣдь Божию, какъ люди должны жить по правдѣ, и въ чемъ заключается истинное счастье.

«Не вѣрьте ему!» крикнулъ кто-то изъ толпы:—«что онъ насъ морочить, сказки намъ сказываетъ! Онъ небылицы выдумываетъ, хитритъ да глаза намъ отводитъ, а мы и уши развѣсили. Какой тамъ чудесный случай! Узналъ, что мы не хотимъ больше терпѣть отъ него обиды и притѣсненія, вотъ и струсилъ. Навѣрное сыновей своихъ послалъ къ сосѣдямъ за подкрѣпленіемъ; а пока они не вернутся, думаетъ баснями насъ позабавить, чтобы протянуть время».

— Пожалуй, оно и правда, подтвердилъ другой:—развѣ имъ можно вѣрить? Мало они насъ обманывали да прижимали! Никакой жалости къ намъ не было, а тутъ вдругъ—«дѣти мои»... Какія мы ему дѣти! И что онъ за отецъ! Онъ нашъ хозяинъ и притѣснитель, а мы его батраки подневольные. Пусть онъ никакой жалости не ждетъ отъ насъ! Сказывай, куда скрылись твои сыновья? Куда ты ихъ послалъ?

— Ничего я не буду говорить съ вами, отвѣтилъ старый Монгъ:—если не вѣрите тому, что я сказалъ, значить, не повѣрите и тому, что я вамъ скажу вновь. Дѣлайте со мной, что хотите. Вотъ вамъ ключи отъ моихъ кладовыхъ.

Такая покорность обезоружила нападавшихъ. вмѣсто того, чтобы убить Монга, какъ они намѣревались сначала, они всеѣмъ ужъ хотѣли отпустить его вмѣстѣ съ женой на всѣ четыре стороны. Но все дѣло испортила служанка, оставшаяся при домѣ. Она рассказала, что къ Монгу прилеталъ воронъ и принесъ ему какой-то свертокъ. И этотъ свертокъ Монгъ передалъ сыновьямъ, наказавъ хранить его, какъ зѣницу ока.

— Не иначе, что онъ знаетъ съ нечистой силой, и она указываетъ ему, гдѣ лежитъ въ землѣ золото, прибавила служанка:—я сама слышала, какъ онъ нѣсколько разъ поминалъ сыновьямъ про золото и говорилъ, что теперь имъ хорошо будетъ жить—лучше прежняго.

«Такъ вотъ почему онъ и ключи то намъ отдалъ!» замѣтилъ кто-то: «потому онъ теперь добромъ своимъ и не дорожить, что имѣетъ въ виду что то получше.»

Это предположеніе, вмѣстѣ съ сообщеніемъ служанки, произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Теперь ужъ никто не вѣрилъ въ искренность Монга и не сомнѣвался, что послѣдній замыш-

ляетъ какой то хитрый планъ. Общее настроеніе стало враждебнымъ и воинственнымъ.

«Сказывай, гдѣ золото? Куда скрылись твои сыновья?» кричали со всѣхъ сторонъ.

Монгъ ничего не отвѣтилъ. Его схватили и начали пытаться, пока не замучили до смерти.

Вѣрная Джани не видѣла его кончины. При первыхъ грозныхъ окрикахъ толпы она упала замертво, и жизнь незамѣтно отлетѣла отъ нея.

И не видѣли оба того, что творилось безъ нихъ въ ихъ родномъ, насиженномъ гнѣздѣ. Тамъ звенѣли ключи, гремѣли замки, открывались сундуки кованые, вынималось, дѣлилось хозяйское добро.

Не обошлось дѣло безъ споровъ и ссоры; немало было разочарованія и недовольства. Въ сундукахъ оказалась только одежда да утварь, а золота, котораго такъ жадно добивались, такъ и не оказалось.

— Гдѣ же золото? кричали они:— гдѣ наше золото, которое мы съ такимъ трудомъ добыли изъ земли? Вѣрно, оно хранится гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ! Но гдѣ? Не тамъ ли скрываются и хозяйскія дѣти? Надо разыскать ихъ во что бы то ни стало!

«Они поминали какую-то пещеру; вѣрно, въ ней и спрячутся,» сказала служанка.

Она указала, въ какую сторону, по какой дорогѣ поѣхали хозяйскіе сыновья, и погоня поскакала слѣдомъ.

Бѣглецы, между тѣмъ, достигли пещеры, гдѣ въ глубокомъ подземельѣ Монгъ хранилъ свое золото. Ходъ въ подземелье находился въ отдаленномъ углу пещеры и былъ заваленъ камнемъ. Онъ былъ такъ узокъ, что спускаться черезъ него можно было только по одному человѣку.

Едва успѣли братья отвалить тяжелый камень, какъ вдали послышался неясный конскій топотъ.

— Это погоня за нами, сказалъ старшій изъ братьевъ: — всѣ мы не успѣемъ спуститься, да и открытое отверстіе подземелья выдало бы насъ, если бы враги наши заглянули въ пещеру. А они обязательно заглянутъ туда, потому что нѣкоторые знаютъ объ ея существованіи и, можетъ быть, догадываются, что въ

ней мы прятали золото. Дай Богъ, если мы успѣемъ спустить одну Дугитри и завалить ходъ. Самимъ же придется остаться въ противоположномъ концѣ подземелья.

Подземный ходъ тянулся на нѣсколько верстъ внутри горы, къ противоположному склону ея, гдѣ выходъ изъ нея также былъ заваленъ камнемъ. О существованіи этого выхода не зналъ никто изъ постороннихъ, и мѣстность вокругъ него была настолько пустынна и неприступна, что тамъ уже нечего было опасаться преслѣдованія. Только бы добраться туда!

Какъ ни страшно было Дугитри спускаться въ зіяющую пропасть при тускломъ свѣтѣ слабо мерцающаго факела, но она превозмогла свой страхъ и, простившись съ братьями, стала спускаться по каменнымъ уступамъ. Особенно жутко ей стало, когда тяжелый камень закрылъ отверстіе надъ головой, и она очутилась одна среди безконечнаго подземелья, среди непрогляднаго мрака. Ей показалось, что ее похоронили заживо.

Едва братья успѣли выйти изъ пещеры, какъ противники загородили имъ дорогу. Волей-неволей пришлось защищаться, и всѣ семь братьевъ выстроились въ рядъ.

Съ безпримѣрной храбростью, какъ львы, мужественно отбивались они отъ нападающихъ; но непріятель слишкомъ превосходилъ ихъ численностью, и невозможно было устоять противъ него.

— Господи! взмолился старшій изъ братьевъ:— не дай погибнуть намъ! Помоги намъ отстоять сестру и вмѣстѣ съ ней чело-вѣческое счастье! Помоги намъ свято исполнить отцовскій за-вѣтъ! Для Тебя все возможно, Господи! Сдѣлай такъ, чтобы не-пріятельское оружіе не могло насъ ранить, и врагъ не могъ бы одолѣть! Сдѣлай тѣла наши твердыми, какъ камень!

И Богъ услышалъ эту молитву. Непріятельскіе удары продолжали сыпаться на братьевъ, но они уже не чувствовали ихъ.

«Да что они—каменные, что-ли?» воскликнули измученные противники, дойдя до полного изнеможенія и чувствуя, что имъ не сбить съ позиціи стойкаго врага. Сгустившійся мракъ ночи не позволялъ имъ видѣть семерыхъ героевъ, не уступавшихъ натиску пятидесяти чело-вѣкъ. Когда же изъ-за лѣса выплылъ свѣтлорогій мѣсяцъ и блѣднымъ серпомъ своимъ освѣтилъ мѣсто

побоища, ошеломленные бойцы въ ужасѣ разбѣжались въ разныя стороны. Передь ними, выстроившись въ рядъ, стояли семь гигантскихъ каменныхъ столбовъ, нечеловѣческими руками сложенныхъ изъ гранитныхъ плитъ.

Богъ вѣсть откуда появившійся воронъ провожалъ бѣгущихъ громкимъ раскатистымъ хохотомъ, далеко отдававшимся по лѣсу...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Мѣстность измѣнилась до неузнаваемости. Исчезла засыпанная камнями пещера; сгладились острые выступы скалъ, обросли мохомъ и плѣсенью, мѣстами покрылись лѣсомъ. А семь каменныхъ глыбъ стоятъ и понынѣ, хотя всесокрушающее время порядочно обглодало имъ бока. Ихъ такъ и называютъ «Семь братьевъ».

Прекрасная Дугитри, говорятъ, и понынѣ блуждаетъ въ подземельѣ, тщетно ища выхода на свѣтъ Божій. Оттого, говорятъ, неправда и зло такъ долго и держатся въ людяхъ, оттого имъ такъ нехорошо и живется на свѣтѣ.

Отвалить бы тяжелый камень, выпустить бы на свѣтъ истомившуюся узницу, взять бы отъ нея драгоценный свитокъ, воспринять бы сердцемъ заключенныя въ немъ святыя истины, и совсѣмъ по другому пошла бы жизнь! Тогда и солнышко ярче засвѣтило бы на небѣ, веселѣй замигали бы частыя звѣздочки; звонче зажурчали бы свѣтлоструйные ручейки, сладостнѣй зашептался бы темный лѣсъ, голосистѣй заплѣли бы въ немъ звонкоголосыя пташечки!

Эхъ! Гдѣ же тотъ богатырь, что отвалилъ бы тяжелый камень? Что онъ не приходитъ? Что же поможетъ людямъ устроить жизнь свою по волѣ и правдѣ Божіей?

Ждетъ—не дождется его бѣдная Дугитри; ждутъ—не дождутся его и каменные братья ея.

«Ужели сестра наша не освободится до тѣхъ поръ, пока камень, загораживающій выходъ изъ горы, не разрушится самъ собою?» печально думаютъ они: «О, какъ долго еще этого ждатель!»

Старый воронъ часто прилетаетъ къ нимъ и утѣшительно имъ каркаетъ:

«Правда безсмертна, свѣтла и сильна,—
Зло побѣдитъ неизбѣжно она!»

Е. Гадмеръ.

16058

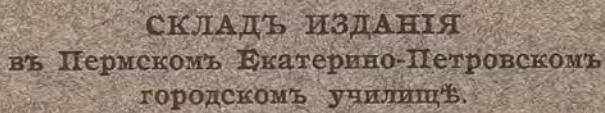

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ Пермскомъ Екатерино-Петровскомъ
городскомъ училищѣ.